

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Карл ЯСПЕРС
Жан БОДРИЙАР

ПРИЗРАК ТОЛПЫ

Мы живем в постоянном воспроизведении идеалов, фантазмов, образов, мечтаний, которые уже присутствуют рядом с нами и которые нам, в нашей роковой безучастности, необходимо возрождать снова и снова.

ЭКСМО

УДК 141 ББК 87.3(4Гем Я 80
4Фра)

Оформление *Марины Медведь*

Ясперс К., Бодрийар Ж.

Я 80 Призрак толпы / Карл Ясперс, Жан Бодрийар. — М.: Алгоритм, 2007. — 272 с. — (Философский бестселлер).

ISBN 978-5-9265-0329-3

В данное издание включены работы известного философа двадцатого столетия Карла Ясперса и выдающегося современного мыслителя Жана Бодрийара, посвященные проблемам существования «массового общества». По мнению авторов, это общество построено на иллюзорных представлениях о смысле и предназначении человеческого бытия. Основополагающие принципы такого социума сами по себе являются не более чем фантомами, призраками, или, по определению Бодрийара, «симулякрами» (симуляцией) действительности.

УДК 141

ББК 87.3(4Гем + 4Фра)

ISBN 978-5-9265-0329-3

© Ясперс К., Бодрийар Ж., 2007 © ООО «Алгоритм-Книга», 2007

ОТ РЕДАКЦИИ

Карл Ясперс является одним из самых ярких представителей мировой философии XX века. Он оказал существенное влияние на развитие экзистенциализма, но все же нельзя причислять Ясперса к адептам экзистенциалистской школы без всяких оговорок. В поздних работах он предпочитал говорить о «философии разума» или «мировой философии», а не о «философии существования». Именно с этой точки зрения Ясперс пытался оценить то новое общество, которое формировалось в развитых странах мира в двадцатом столетии. Он неоднократно вспоминал слова Гёте, в какой-то мере ставшие девизом творчества и самого Ясперса: «Человечество станет умнее и рассудительнее, но не лучше, счастливее и деятельнее. Я предвижу время, когда человечество не будет больше радовать Бога, и он будет вынужден вновь все разрушить для обновленного творения».

Эпоха «технического развития» (четвертая в истории человечества по хронологии Ясперса) настораживает философа бездумным стремлением поставить все планетарное бытие на службу удовлетворения сиюминутных потребностей человека. Это вызывает, с одной стороны, стремление преобразовать мир по шаблонам, определяемым такой задачей; с другой стороны, — чувство беспомощности от того, что мир не желает подчиниться столь узкому прагматическому подходу к его преобразованию. «Гордость нынешнего универсального постижения и высокомерная уверенность в

том, что человек в качестве господина мира может по своей

воле сделать его устройство поистине наилучшим, превращаются на всех открывающихся границах в сознание подавляющей беспомощности», — пишет Ясперс.

Новая идеология, пронизывающая все сферы социальной жизни, оказывается, по своей сути, фантомом, отравляющим мышление эфемерностью установочных понятий:

«Распространилось сознание того, что все стало несостоятельным; нет ничего, что не вызвало бы сомнения, ничто подлинное не подтверждается; существует лишь бесконечный круговорот, состоящий во взаимном обмане и самообмане посредством идеологий. Сознание эпохи отделяется от всякого бытия и заменяется только самим собой. Тот, кто так думает, ощущает и самого себя как ничто. Его сознание конца есть одновременно сознание ничтожности его собственной сущности. Отделившееся сознание времени перевернулось...

Общим сегодня является не человеческое бытие как всепроникающий дух, а расхожие мысли и лозунги, средства сообщения и развлечения».

«Техническая» эпоха требует от индивида исполнения означенных функций и подавляет все то, что не связано напрямую с поставленным заданием. Мир становится донельзя прагматичным, и знания приобретают исключительно прикладной характер. «От людей ждут не рассуждений, а знаний, не размышлений о смысле, а умелых действий, не чувств, а объективности, не раскрытия действия таинственных сил, а ясного установления фактов», — отмечает Ясперс.

Далее он говорит о последствиях подобного подхода для общества и человека: «Индивид распадается на функции. Быть означает быть в деле; там, где ощущалась бы личность, деловитость была бы нарушена.

Деловитость способствует также безграничному интересу к общей всем сфере инстинктивного: это выражается в воодушевлении массовым и чудовищным, созданиями техники, огромным скоплением народа, публичными сенсациями, вызванными делами, счастьем и ловкостью отдельных индивидов; в утонченной и грубой эротике, в играх, приключениях и даже, в способности рисковать жизнью».

Законы «технической» эпохи неумолимо диктуют определенные нормы поведения всему человечеству: «Едиными становятся не только моды, но и правила общения, жесты, манеры говорить, характер сообщения... Всеобщим сегодня всегда становится поверхностное, ничтожное и безразличное».

Ясперс подробно разбирает состояние современного ему общества, создает подлинную энциклопедию социума, не оставляя в стороне ни одно сколь-нибудь значимое проявление общественной жизни. Политика, экономика, различные науки, спорт, искусство, средства массовой информации, семья, воспитание и образование, — все подвергается философом тщательному анализу, во всем видит он влияние эры «технического развития».

Итоги его размышлений таковы: мир вступил в полосу затяжного кризиса, в ходе которого все

технические и экономические проблемы принимают планетарный характер. Кризис сопровождается неизбежными военными столкновениями, причинами которых являются «уверенность в бесспорном превосходстве, считающая собственное существование единственно истинным; неспособность стать на точку зрения другого, исходить из его ситуации, не предавая себя; страх, требующий уверенности и обретающий ее лишь в превосходстве над всеми; удовольствие от власти как таковой; отсутствие истины в отношении к себе и другим, в результате чего жизнь становится хаосом, из которого ищут насильственный выход, слепое утверждение, неодолимая страсть и влечение во тьму», Следует заметить, что Ясперс написал это накануне Второй мировой войны, предвидя грядущую трагедию, но и у современного читателя возникает ощущение той опасности, о которой предупреждал тогда человечество Карл Ясперс.

Одним из путей выхода из тупика, и, может быть, главным, философ считал возврат на новом уровне к ценностям предыдущей исторической эпохи «осевого времени», когда

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

были заложены основы духовного развития всех мировых цивилизаций, сформировались традиции самобытных культур. «Человек в своей оставленной™ должен не только, понимая, научиться ориентироваться в действительности, но вновь принадлежать к сообществу, которое, выходя за пределы профессиональной принадлежности и партийности, сближает человека с человеком как таковым; вновь должен возникнуть народ», — призывал Ясперс.

* * *

Жан Бодрийар стал свидетелем дальнейшей эволюции «массового» общества, общества «потребления и деловитости», столь блестяще проанализированного Карлом Ясперсом. Бодрийар относится к тем редким философам, которые отстаивают свои взгляды не только на страницах книг или в научных дискуссиях, но и в настоящих баталиях. Он активно участвовал в революционных событиях 1968 года во Франции, находясь на левом фланге французских интеллектуалов-бунтарей, вел упорную борьбу с глобализмом и так называемым «новым мировым порядком». Книги Бодрийара пользовались и пользуются большой популярностью среди самых широких слоев европейской общественности, не приемлющих наступления эпохи нивелированного массового сознания.

Призрачность мира на рубеже второго и третьего тысячелетия новой эры Бодрийар считает следствием отсутствия целостного восприятия мироздания, в результате чего единство мира заменяется фрагментами, многополярностью, существованием фантомов, у которых нет подтверждения в реальности. Одним из основных терминов философского словаря Бодрийара является понятие «симулякра», который представляет собой всего лишь симуляцию реальности, но не ее отображение, поскольку и самой-то реальности теперь нет. Единственное, что существует, это симулятивная «гиперреальность» с эмблемами, моделями и кодами.

Мир стал призрачным, и все в нем стало иллюзорным; политика, превратившаяся в «гиперполитику» или «транс-

8

Кара ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

политику», экономика, ставшая «трансэкономикой», искусство, перешедшее в «трансискусство» и т.д. Все связи в этой симулятивной «гиперреальности» приобрели виртуальный характер; даже любовь и секс все больше и больше становятся очередными «симулякрами».

«Происходит взаимное заражение всех категорий, замена одной сферы другой, смешение жанров...» — пишет Бодрийар. «Политика не сосредоточена более в политике, она затрагивает все сферы: экономику, науку, искусство, спорт... И спорт уже вышел за рамки спорта — он в бизнесе, в сексе, в политике, в общем стиле достижений. Все затронуто спортивным коэффициентом превосходства, усилия, рекорда, инфантильного самопреодоления. Каждая категория, таким образом, совершает фазовый переход, при котором ее сущность разжижается в растворе системы до гомеопатических, а затем до микроскопических доз — вплоть до полного исчезновения, оставляя лишь неуловимый след, словно на поверхности воды». Нормы морали и веры, категории возвышенного, «величественный императив смысла» в призрачном мире — пропадают, уходят в прошлое, заменяются «плоской ритуальностью и

оскверняющей имитацией».

И народа больше нет, — есть массы, освобожденные от каких либо высоких идеалов. В полную силу развернулась работа «по поглощению и уничтожению культуры, знания, власти, социального».

Тот кризис человеческого бытия, о котором писал еще Ясперс, достиг, по-видимому, своей высшей фазы. Бодрийар говорит о «тошноте», ощущаемой миром людей, о болезненном состоянии этого мира, который «размножается, гипертрофируется и никак не может разродиться».

Бодрийар уверен, что такое состояние не может длиться бесконечно. Что ждет нас дальше — вселенская катастрофа, конец света или в муках родится новый мир, будет построено новое социальное мироздание? Бодрийар оставляет этот вопрос без ответа и не спешит делать оптимистические прогнозы на будущее...

ЧАСТЬ I Карл Ясперс

ВЛАСТЬ МАССЫ

из книги «Духовная ситуация времени» Перевод М.И. Левина

ВВЕДЕНИЕ

Было время, когда человек ощущал свой мир как непреходящий, таким, как он существует между исчезнувшим золотым веком и предназначенным божеством концом. В этом мире человек строил свою жизнь, не пытаясь изменить его. Его деятельность была направлена на улучшение своего положения в рамках самих по себе неизменных условий. В них он ощущал себя защищенным, единым с землей и небом. Это был его мир, хотя в целом он и представлялся ему ничтожным, ибо бытие он видел в трансцендентности.

В сравнении с таким временем человек оказывается оторванным от своих корней, когда он осознает себя в исторически определенной ситуации человеческого существования. Он как будто не может более удерживать бытие. Как человек жил раньше в само собой разумеющемся единстве своего действительного существования и знания о нем,

10

Кяра ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

становится очевидным только нам, кому жизнь человека прошлого представляется протекающей в некоей сокрытой от него действительности. Мы же хотим проникнуть в основание действительности, в которой мы живем; поэтому нам представляется, будто мы теряем почву под ногами; ибо после того, как не вызывающее сомнения единство оказалось разбито вдребезги, мы видим только существование, с одной стороны, осознание нами и другими людьми этого существования — с другой. Мы размышляем не только о мире, но и о том, как он понимается, и сомневаемся в истине каждого такого образа; за видимостью каждого единства существования и его осознания мы вновь видим разницу между действительным миром и миром познанным. Поэтому мы находимся внутри некоего движения, которое в качестве изменения знания вынуждает измениться существование и в качестве изменения существования, в свою очередь, вынуждает измениться познающее сознание. Это движение втягивает нас в водоворот безостановочного преодоления и созидания, утрат и приобретений, который увлекает нас за собой только для того, чтобы мы на мгновение могли остаться деятельными на своем месте во все более ограниченной сфере власти. Ибо мы живем не только в Ситуации человеческого бытия вообще, но познаем ее каждый раз лишь в исторически определенной ситуации, которая идет от иного и гонит нас к иному.

Поэтому в сознании данного движения, в котором мы сами участвуем и фактором которого являемся, скрывается некая странная двойственность: поскольку мир не окончательно таков, какой он есть, человек надеется обрести покой уже не в трансцендентности, а в мире, который он может изменить, веря в возможность достигнуть совершенства на земле. Однако, поскольку отдельный человек даже в благоприятных ситуациях всегда обладает лишь ограниченными возможностями и неизбежно видит, что фактически успехи его деятельности в значительно большей степени зависят от общих условий, чем от его представлений о цели, поскольку он при этом осознает, насколько узость сферы его власти

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ограничена по сравнению с абстрактно мыслимыми возможностями, и поскольку, наконец, процесс развития мира, не соответствующий в своем реальном ничьему желанию, становится сомнительным по своему смыслу, в настоящее время возникло специфическое ощущение беспомощности. Человек понимает, что он зависим от хода событий, который он считал возможным направить в ту или иную сторону. Религиозное воззрение как представление о ничтожности мира перед трансцендентностью не было подвластно изменению вещей; в созданном Богом мире оно было само собой разумеющимся и не ощущалось как противоположность иной возможности. Напротив, гордость нынешнего универсального постижения и высокомерная уверенность в том, что человек в качестве господина мира может по своей воле сделать его устройство поистине наилучшим, превращаются на всех открывающихся границах в сознание подавляющей беспомощности. Как человеку удастся приспособиться к этому и выйти из такого положения, встав над ним, — является основным вопросом современной ситуации.

Человек — существо, которое не только есть, но и знает, что оно есть. Уверенный в своих силах, он исследует окружающий его мир и меняет его по определенному плану. Он вырвался из природного процесса, который всегда остается лишь неосознанным повторением неизменного; он — существо, которое не может быть полностью познано просто как бытие, но еще свободно решает, что оно есть; человек — это дух, ситуация подлинного человека — его духовная ситуация. Тот, кто захочет уяснить эту ситуацию как ситуацию современную, задаст вопрос: как до сих пор воспринималась ситуация человека? Как возникла современная ситуация? Что означает вообще «ситуация»? В каких аспектах она проявляется? Какой ответ дается сегодня на вопрос о человеческом бытии? Какая будущность ждет человека? Чем яснее удастся ответить на эти вопросы, тем решительнее знание приведет нас к состоянию незнания, и мы окажемся у тех границ, соприкасаясь с которыми человек начинает понимать себя как существо одиночное.

12

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

Возникновение эпохального сознания

Критика времени так же стара, как сознающий самого себя человек. Наша — коренится в христианском представлении об истории как некоем упорядоченном согласно замыслу спасения процессе. Это представление уже не разделяется нами, но наше понимание времени возникло из него или в противоположность ему. Согласно этому замыслу спасения, когда исполнилось время, пришел Спаситель; с его приходом история завершается, теперь предстоит лишь ждать и готовиться к наступлению суда; то, что происходит во времени, уподобляется миру, ничтожество которого очевидно и конец которого неизбежен. По сравнению с другими представлениями — о круговороте вещей, о возникновении человеческой культуры, о смысле мирского устройства — христианское представление обладает для отдельного человека ни с чем не сравнимой убедительностью благодаря своей универсальности, благодаря неповторимости и неотвратимости своей концепции истории и благодаря отношению к Спасителю. Осознание эпохи как времени решения, несмотря на то что эпоха была для христианина миром вообще, чрезвычайно усилилось. Эта концепция истории была сверхчувственной. Ее события (грехопадение Адама, откровение Бога Моисею и избранность еврейского народа, пророчество) являются либо в качестве прошлых — не допускающими постижение, либо в качестве будущих — концом мира. Вызывая безразличие, мир в его имманентности, по существу, лишен истории. Лишь превращение этой трансцендентной концепции в видение мира как имманентного движения при сохранении сознания о неповторимости истории как целого пробудило сознание, которое увидело отличие своего времени от всякого иного и, пребывая в нем, воодушевилось патетической верой в то, что благодаря ему незаметно или посредством сознательного действия что-либо решится.

Начиная с XVI в., цепь больше не рвется; в последовательности поколений одно звено передает другому сознание

13

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

эпохи. Началось это с сознательной секуляризации человеческого существования.

Возрождение античности, новые планы и их реализация в технике, искусстве, науке привели в движение небольшую, но влиятельную в Европе группу людей. Ее настроенность хорошо передана в словах Гуттена: пробуждается дух, жить радостно. В течение веков открытия сменяли друг друга: открытия морей и неизведанных стран Земли, открытия в астрономии, в естествознании, в технике, в области рационализации государственного управления. Это

сопровождалось сознанием общего прогресса, которое достигло своей вершины в XVIII в. Казалось, что путь, который вел раньше к концу мира и Страшному суду, ведет теперь к завершению человеческой цивилизации. Против этой удовлетворенности выступил Руссо. С того момента, когда он в 1749 г. в сочинении на вопрос объявленного конкурса, способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов, ответил, что они их испортили, началась критика культуры, которая с тех пор сопровождает веру и прогресс. В мышлении эпохи произошел сдвиг. Возникнув как духовная жизнь фактически немногих людей, считавших, что они — представители времени, оно обратилось к блеску упорядоченной государственной жизни и, наконец, к самому бытию людей. Теперь были созданы предпосылки, благодаря которым стала действительностью мысль, что с помощью человеческого разума можно не принимать существование человека таким, как оно сложилось, а планомерно изменять его, превратив в такое, каким оно действительно должно быть. Французская революция была событием, примера которому история не знала. Рассматриваемая как начало того времени, когда человек, руководствуясь принципами разума, сам будет определять свою судьбу, французская революция пробудила в сознании самых выдающихся людей Европы восторженное воодушевление. Несмотря на все нововведения предшествующих веков, люди того времени не стремились к преобразованию общества. Так, для Декарта, хотевшего следовать нравам и законам своей родины, решаясь на новое лишь в глубинах

14

Кара ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

духа, не было смысла в намерениях отдельного человека произвести реформы в государстве, изменяя в нем все, начиная с основания, и уничтожая его, чтобы потом вновь восстановить. Английская революция XVII в. еще коренится в религии и в ощущении мощи своей родины. Правда, протестантизм обновил христианство, вернув его к истокам, но не секуляризировал его, напротив, в противоположность обмирщению церкви, утвердил его строго и безусловно. Это сделало возможной героическую борьбу кромвелевских святых, которые под его началом хотели в своем служении Богу привести избранный народ Англии к существованию, угодному Богу и служащему его прославлению в мире. Только французская революция совершалась в сознании того, что существование людей должно быть в корне преобразовано разумом после того, как исторически обретенный образ, признанный дурным, будет уничтожен. Ее предшественниками можно считать только тех основавших американские колонии протестантов, которые, исходя из безусловности своей веры, покинули родину, чтобы на новой почве осуществить то, что потерпело неудачу в отчизне; в начинавшейся секуляризации они прониклись идеей общих прав человека.

Ход французской революции был неожиданным — она превратилась в противоположность тому, что служило ее началом. Воля, направленная на установление свободы чз-ловека, привела к террору, уничтожившему свободу полностью. Реакция на революцию росла. Возможность предотвратить ее повторение была возведена в принцип политики европейских государств. Со времени революции людей охватило беспокойство по поводу их существования в целом, ответственность за которое они несут сами, так как оно может быть изменено в соответствии с определенным планом и устроено наилучшим образом.

Предвидение Канта (1798) сохранило свое значение вплоть до настоящего времени:

«Подобный феномен не забывается, ибо он открыл задатки человеческой природы и ее способность к лучшему, что до той поры не уразумел из хода вещей ни один политик».

15

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Со времени французской революции, в самом деле, живет специфически новое сознание эпохального значения времени. В XIX в. оно расщепилось: вере в прекрасное будущее противостоит ужас перед развращающейся бездной, от которой нет спасения; в некоторых случаях успокоение приносит мысль о переходном характере времени, которая с тех пор умиротворяет и удовлетворяет при каждой трудности слабых духом людей.

Прошлый век создал историческое осознание времени в философии Гегеля, в этой философии было высказано немислимое до той поры богатство исторического содержания и применен поразительно привлекательный и выразительный метод диалектики в соединении с пафосом

чрезвычайного значения настоящего. Диалектика показала, как человеческое сознание преобразуется посредством самого себя: каждое сознание проходит в своем существовании ряд стадий благодаря знанию о себе; каждое мнение и знание изменяют того, кто знает именно так; измененный, он должен искать в мире новое знание о себе; так, теряя покой, он, поскольку бытие и сознание принимают в своем разделении все новый образ, переходит от одного к другому — это исторический процесс человека. Как проходит этот процесс, Гегель показал в такой многообразии и с такой глубиной, которые и сегодня еще не достигнуты. В этом мышлении беспокойство человеческого самосознания познало себя, хотя оно еще и находило метафизическое укрытие в тотальности духа, которому принадлежит все особенное во времени, ибо в нем временное колебание исторического знания человека всегда есть совершенный покой вечности.

Диалектика бытия и сознания, которая может быть понята не только интеллектуально, но во всей своей содержательной полноте (понята тем, что — посредством предъявления требований к самому себе — есть возможность великой души), была искажена в марксизме тезисом о превращении бытия в однозначно определяемое бытие человеческой истории, а именно в материальное бытие средств производства.

16

Карл ЯСПЕРС, Жан ВОДРИЙАР

Диалектика была низведена до уровня простого метода и лишена как содержания исторического бытия человека, так и метафизики. Однако она сделала возможной постановку вопросов, послуживших поводом для плодотворного исследования отдельных историко-социальных связей. Но вместе с тем она сделала возможными ложно освященные ореолом науки лозунги, превратившие глубокое историческое сознание времени в исконном мышлении в разменную монету. В конце концов, отпала и диалектика. Против марксизма выступили в своей слепой диалектике материалистические и экономические упрощения и варианты натурализации человеческого бытия, основанные на различии рас. В них было утеряно подлинное историческое сознание времени.

В диалектике Гегеля картина всеобщей мировой истории служила образом, в котором настоящее понимало само себя; оставалась другая возможность — отстраниться от конкретной истории с ее далеким богатством и полностью направить все внимание на настоящее. Уже Фихте занимался такой критикой времени в своих «Основных чертах современной эпохи», правда, основываясь на абстрактной конструкции всемирной истории от ее начала до ее завершения (в качестве секуляризации христианской философии истории) и устремляя взор на ее самую низкую точку — на современность как эпоху совершенной греховности. Первую обширную критику своего времени, отличающуюся по своей серьезности от всех предшествующих, дал Кьеркегор. Его критика впервые воспринимается как критика и нашего времени, она воспринимается так, будто написана вчера. Кьеркегор ставит человека перед ничто. Ницше, не зная Кьеркегора, выступил через несколько десятилетий его последователем. Он предвидел появление европейского нигилизма, неумолимо поставив диагноз своему времени. Оба философа воспринимались их современниками как чудаки, которые вызвали, правда, сенсацию, но к которым серьезно относиться нельзя. Эти философы предрекли будущее, исходя из того, что уже существовало, но еще никого не беспо-

17

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

коило. Поэтому они только теперь стали вполне современными мыслителями. Через XIX в. проходило, по сравнению с Кьеркегором и Ницше, более мрачное осознание времени. В то время как публика была удовлетворена образованием и прогрессом, ряд самостоятельно мыслящих людей были полны мрачных предчувствий. Гёте мог сказать: «Человечество станет умнее и рассудительнее, но не *лучше*, счастливее и деятельнее. Я предвижу время, когда человечество не будет больше радовать Бога, и он будет вынужден вновь все разрушить для обновленного творения». Нибур, испуганный июльской революцией, в 1830 г. писал: «Теперь нам, если Бог не поможет чудом, предстоит разрушение, подобное тому, которое испытал римский мир около середины III века нашего летосчисления: уничтожение благосостояния, свободы, образования, науки». Несмотря на то, что уже

Талейран сказал, что подлинную сладость жизни знали только те, кто жил до 1789 г., теперь, когда мы ретроспективнозираем на десятилетия до 1830 г., они представляются нам днями счастливого покоя, блаженным временем. Так это и идет: каждое новое поколение ощущает упадок и, обращая свой взор к прошлому, видит сияющим то, что само уже ощущало себя погибшим. Токвиль считал (1835) возникающую демократию не только неизбежной, но и исследовал ее в ее особенности; вопрос заключался для него не в том, как ее предотвратить, а как направить ее развитие таким образом, чтобы разрушения были минимальны. Многие различали сопутствующее ей варварство. Буркгардт пророчески испытывал перед ней глубочайший ужас. До этого (1829) с трезвой объективностью вывел свои заключения Стендаль: «По моему мнению, свобода в течение ста лет убьет эстетическое восприятие. Оно безнравственно, ибо совращает, ведя к блаженству любви, к пассивности и к преувеличению. Представим себе, что человека, обладающего эстетическим восприятием, ставят во главу строительства канала; вместо того чтобы холодно и разумно закончить строительство, он полюбит этот канал

18

Кара ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

и наделает глупостей». «Двухпалатная система завоюет мир и нанесет изящным искусствам смертельный удар. Вместо того чтобы построить прекрасную церковь, властители будут помышлять об инвестициях своего капитала в Америке, чтобы при неблагоприятных обстоятельствах остаться богатыми людьми. При господстве двухпалатной системы я предвижу две вещи: они никогда не истратят двадцать миллионов в течение пятидесяти лет, чтобы создать нечто подобное собору святого Петра; они введут в салоны множество почтенных, очень богатых людей, лишенных, однако, благодаря своему воспитанию того тонкого такта, без которого невозможно восторгаться искусством». Художникам, которые хотят чего-либо достигнуть в обществе, следует посоветовать: «Становитесь владельцами сахарных заводов или фабрикантами фарфора, тогда вы скорее станете миллионерами и депутатами». Ранке пишет об упадке в дневниковой записи 1840 г.: «Прежде великие убеждения были всеобщими; на их основе строили свою дальнейшую деятельность. Теперь же все является, так сказать, призывом, и это все. Ничто больше не проникает в душу, все тонет в тишине. Достигает успеха тот, кто высказывает настроение своей партии и находит у нее понимание». Политик Кавур видит неизбежность демократии так же, как и исследователь Токвиль. В письме 1835 г. Кавур пишет: «Мы не можем больше обманывать себя, общество большими шагами движется к демократии... Аристократия быстро гибнет... Для патрициата нет больше места в сегодняшней организации общества. Какое же оружие остается еще в борьбе с поднимающимися народными массами? У нас нет ничего прочного, ничего действенного, ничего постоянного. Хорошо это или плохо? Не знаю. Но, по моему мнению, это неизбежное будущее людей. Подготовимся же к этому или подготовим к нему, по крайней мере, наше потомство». Он видит, что современное общество «фатально движется в своем развитии в сторону демократии», а «пытаться препятствовать ходу событий означало бы поднять бурю, не обладая возможностью привести корабль в гавань».

19

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Рассматривается ли время под углом зрения политики, благополучия людей, процветания искусства или оставшейся еще возможности человеческого существования, ощущение опасности проходит через все последнее столетие: человек ощущает угрозу. Подобно тому, как христианин, ожидая упадка мира как мира, держится за благую весть и находит вне мира то, что ему только и было нужно, так теперь некоторые, ожидая гибели мира, держатся за свою убежденность в созерцании сущностного. Гегель, видя упадок своего времени, признает, что умиротворена должна быть сама действительность, а не только философия. Ибо философия в качестве умиротворения человека есть лишь частичная всеобщность, без внешней. «Она в этом отношении — лишь обособленное святилище, и ее служители составляют лишь изолированную группу священников, которым нельзя идти вместе с миром, а следует хранить владение истиной. Как временная, эмпирическая современность выйдет из состояния разлада, следует предоставить решить ей самой; это не есть непосредственное практическое дело философии». Шиллер пишет: «Мы хотим быть и остаться гражданами

нашего времени, так как иначе быть не может, однако по своему духу философ и поэт обладают привилегией — и в этом их долг — не принадлежать ни одному народу и ни одному времени, но оставаться в подлинном смысле слова современником всех времен». В других случаях пытаются вернуться к христианству, как это делает Грундтвиг: «Наша эпоха находится на перепутье, быть может, на самом резком повороте, известном истории; старое исчезло, а новое колеблется, не зная спасения; никто не решит загадку будущего, где же найти нам покой души, если не в слове, которое будет незыблемо стоять, когда смешаются Земля и Небо и миры будут свернуты, как ковер?» Им всем, однако, противостоит Кьеркегор; он жаждет христианства в его исконной подлинности таким, каким оно только и может быть теперь в такое время: как мученичество отдельного человека, который сегодня уничтожается массой и избегает фальши благополу-

20

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

чия в качестве пастора или профессора в сфере объективной теологии или активной философии, в качестве агитатора или стремящегося к правильному устройству мира; он не может указать времени, того, что надлежит делать, но может заставить почувствовать, что оно лишено истины.

Эти выдержки из документов, свидетельствующих о сознании времени преимущественно в первую половину XIX в., можно было бы бесконечно увеличивать. Почти все мотивы критики современности оказываются вековой давности. Перед войной и в ходе войны появились наиболее известные отражения нашего мира: «Критика нашего времени» Ратенау (1912) и «Закат Европы» Шпенглера (1918). Ратенау дает проникновенный анализ механизации нашей жизни, Шпенглер — богатую материалом и наблюдениями натуралистическую философию истории, в которой упадок утверждается как необходимое в определенное время и соответствующее закону морфологии культур явление. Новое в этих попытках составляет близость к материалу современности, подтверждение мыслей автора количественно увеличившимся материалом (ибо мир приблизился к тому, что раньше наблюдалось лишь в начатках, к проникновению мыслей в самые далекие сферы) и все более отчетливое пребывание перед ничто. Ведущими мыслителями являются Кьеркегор и Ницше. Однако христианство Кьеркегора не нашло последователя; вера ницшевского Заратустры не принимается. Но к тому, как оба мыслителя открывают «ничто», после войны прислушиваются, как никогда раньше.

Распространилось сознание того, что все стало несостоятельным; нет ничего, что не вызывало бы сомнения, ничто подлинное не подтверждается; существует лишь бесконечный круговорот, состоящий во взаимном обмане и самообмане посредством идеологий. Сознание эпохи отделяется от всякого бытия и заменяется только самим собой. Тот, кто так думает, ощущает и самого себя как ничто. Его сознание конца есть одновременно сознание ничтожности его собственной сущности. Отделившееся сознание времени перевернулось.

21

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Истоки современного положения

Вопрос о современной ситуации человека как результате его становления и его шансов в будущем поставлен теперь острее, чем когда-либо. В ответах предусматривается возможность гибели и возможность подлинного начинания, но решительный ответ не дается.

То, что сделало человека человеком, находится за пределами переданной нам истории.

Орудия в постоянном владении, создание и употребление огня, язык, преодоление половой ревности и мужское товарищество при создании постоянного общества подняли человека над миром животных.

По сравнению с сотнями тысячелетий, в которых, по-видимому, совершались эти недоступные нам шаги к тому, чтобы стать человеком, зримая нами история приблизительно в 6000 лет занимает ничтожное время. В нем человек выступает как существо, распространившееся на поверхности Земли в множестве различных типов, которые лишь очень мало связаны или вообще не связаны друг с другом и не знают друг друга. Из их числа человек западного мира, который завоевал земной шар, способствовал тому, чтобы люди

узнали друг друга и поняли значение своей взаимосвязанности внутри человечества, выдвинулся посредством последовательного проведения следующих принципов: ни перед чем не останавливающаяся рациональность, основанная на греческой науке, ввела в существование господство техники и счета. Общезначимое научное исследование, способность к предвидению правовых решений в рамках формального, созданного Римом права, калькуляция в экономических предприятиях, вплоть до рационализации всей деятельности, в том числе и той, которая в процессе рационализации уничтожается, — все это следствие позиции, безгранично открытой принуждению логической мысли и эмпирической объективности, которые постоянно должны быть понятны каждому. Субъективность самобытия ярко проявляется у еврейских пророков, греческих философов и римских государс-

22

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

твенных деятелей. То, что мы называем личностью, сложилось в таком облике в ходе развития человека на Западе и с самого начала было связано с рациональностью в качестве ее коррелята. В отличие от восточного неприятия мира и связанной с этим возможностью «ничто» как подлинного бытия западный человек воспринимает мир как фактическую действительность во времени. Лишь в мире, а не вне мира он обретает уверенность в себе. Самобытие и рациональность становятся для него источником, из которого он безошибочно познает мир и пытается господствовать над ним.

Эти три принципа утвердились лишь в последних столетиях. XIX в. принес их полное проявление вовне. Земной шар стал повсюду доступен, пространство распределено. Впервые планета стала единым всеобъемлющим местом поселения человека. Все взаимосвязано. Техническое господство над пространством, временем и материей растет беспредельно уже не благодаря случайным отдельным открытиям, а посредством планомерного труда, в рамках которого само открытие становится методическим и достижимым.

После тысячелетней обособленности развития человеческих культур в последние четыре с половиной века шел процесс завоевания мира европейцами, а последнее столетие знаменовало завершение этого процесса. Это столетие, в котором движение совершалось ускоренным темпом, знало множество личностей, полностью зависевших от самих себя, знало гордыню вождей и правителей, восторг первооткрывателей, отвагу, основывающуюся на расчете, знание предельных границ; оно знало также глубину духа, сохраняющуюся в подобном мире. Сегодня мы воспринимаем этот век как наше прошлое. Произошел переворот, содержание которого мы воспринимаем, правда, не как нечто позитивное, а как нагромождение неизмеримых трудностей: завоевание внешних территорий натолкнулось на предел; расширяющееся вовне движение как бы натолкнулось на самое себя.

23

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Принципы западного человека исключают простое повторение по кругу. Постигнутое сразу же рационально ведет к новым возможностям. Действительность не существует как сущая определенным образом, она должна быть охвачена постижением, которое является одновременно вмешательством и действием. Быстрота движения росла от столетия к столетию. Нет больше ничего прочного, все вызывает вопросы и втянуто в возможное преобразование при внутреннем трении, неизвестном XIX в.

Ощущение разрыва со всей предыдущей историей присуще всем. Но новое не является таким преобразованием общества, которое влечет за собой разрушение, перемещение имущества, уничтожение аристократии. Более чем четыре тысячи лет тому назад в Древнем Египте произошло то, что папирус описывает следующим образом; «Списки отняты, писцы уничтожены, каждый может брать зерна, сколько захочет... Подданных больше нет... страна вращается, как гончарный круг: высокие сановники голодают, а горожане вынуждены сидеть у мельницы, знатные дамы ходят в лохмотьях, они голодают и не смеют говорить... Рабыням дозволено разглагольствовать, в стране грабежи и убийства... Никто больше не решается возделывать поля льна, с которых снят урожай; нет больше зерна, голодные люди крадут корм у свиней. Никто не стремится больше к чистоте, никто больше не смеется, детям надоело жить. Людей становится все меньше, рождаемость сокращается, и остается лишь желание, чтобы все это скорее кончилось. Нет ни

одного должностного лица на месте, и страну грабят несколько безрассудных людей царства. Начинается эра господства черни, она возвышается над всем и радуется этому по-своему. Эти люди носят тончайшие льняные одежды и умащают свою плешь мирром... Своему богу, которым они раньше не интересовались, они теперь курят фимиам, правда, фимиам другого. В то время как те, кто не имел ничего, стали богаты, прежние богатые люди лежат беззащитными на ветру, не имея постели. Даже сановники старого государства вынуждены в своем несчастье лстыть поднявшимся выскочкам».

24

Кард ЯСПЕРС, Жан БОДРИ И АР

Не может быть это новое и тем сознанием зыбкости и плохих условий, в которых нет более ничего надежного, о котором повествует Фукидид, описывая поведение людей в период Пелопоннесской войны.

Для характеристики этого нового мысль должна проникнуть глубже, чем при рассмотрении общих для человечества возможностей переворота, беспорядка, упадка нравов. Спецификой Нового времени является со времени Шиллера разбожествление мира. На Западе этот процесс совершен с такой радикальностью, как нигде. Существовали неверующие скептики в Древней Индии и в античности, для них имело значение только чувственно данное, к захвату которого они, хотя и считая его, правда, ничтожным, устремлялись без каких-либо угрызений совести. Однако они еще совершали это в таком мире, который фактически и для них оставался как целое одухотворенным. На Западе как следствие христианства стал возможным иной скепсис: концепция надмирового Бога-творца превратила весь сотворенный им мир в его создание.

Из природы были изгнаны языческие демоны, из мира — боги. Сотворение стадо предметом человеческого познания, которое сначала как бы воспроизводило в своем мышлении мысли Бога. Протестантское христианство отнеслось к этому со всей серьезностью; естественные науки с их рационализацией, математизацией и механизацией мира были близки этой разновидности христианства. Великие естественники XVII и XVIII вв. оставались верующими христианами. Но когда, в конце концов, сомнение устранило Бога-творца, в качестве бытия осталась лишь познаваемый в естественных науках механизированный образ, что без предшествующего сведения мира к творению никогда бы с такой резкостью не произошло.

Это разбожествление — не неверие отдельных людей, а возможное последствие духовного развития, которое в данном случае в самом деле ведет в ничто. Возникает ощущение никогда ранее не испытанной пустоты бытия, по сравнению с которой самое радикальное неверие античности

25

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

было защищено полнотой образов еще сохраненной мифической действительности; она сквозит и в дидактической поэме эпикурейца Лукреция. Такое развитие не является, правда, неотвратимо обязательным для сознания, ибо оно предполагает искажение смысла точных наук в познании природы и абсолютизацию, перенесение их абсолютизированных категорий на бытие в целом. Однако оно возможно и стало действительностью, чему способствовали громадные технические и практические успехи названного познания. То, что ни один бог за тысячелетие не сделал для человека, человек делает сам. Вероятно, он надеялся узреть в этой деятельности бытие, но, испуганный, оказался перед им самим созданной пустотой.

Современность сравнивали со временем упадка античности, со временем эллинистических государств, когда исчез греческий мир, и с третьим веком после рождества Христова, когда погибла античная культура. Однако есть ряд существенных различий. Прежде речь шла о мире, занимавшем небольшое пространство земной поверхности, и будущее человека еще было вне его границ. В настоящее время, когда освоен весь земной шар, все, что остается от человечества, должно войти в цивилизацию, созданную Западом. Прежде население уменьшалось, теперь оно выросло в неслыханных ранее размерах. Прежде угроза могла прийти только извне, теперь внешняя угроза для целого может быть лишь частичной, гибель, если речь идет о гибели целого, может прийти только изнутри. Самое очевидное отличие от ситуации третьего века состоит в том, что тогда техника была в состоянии стагнации, начинался ее упадок, тогда как теперь она в неслыханном темпе совершает свое неудержимое продвижение.

Тем внешне наблюдаемым новым, что с этого времени должно служить основой

человеческому существованию и ставить перед ним новые условия, является это развитие технического мира. Впервые начался процесс подлинного господства над природой. Если представить себе, что наш мир погибнет под горами песка, то последующие раскопки

26

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

не поднимут на свет прекрасные произведения искусства, подобные античным (нас до сих пор восхищают античные мостовые); от последних веков Нового времени останется по сравнению с прежними такое количество железа и бетона, что станет очевидным: человек заключил планету в сеть своей аппаратуры. Этот шаг имеет по сравнению с прежним временем такое же значение, как первый шаг к созданию орудий вообще: появляется перспектива превращения планеты в единую фабрику по использованию ее материалов и энергий. Человек вторично прорвал замкнутый круг природы, покинул ее, чтобы создать в ней то, что природа, как таковая, никогда бы не создала; теперь это создание человека соперничает с ней по силе своего воздействия. Оно предстает перед нами не столько в зримости своих материалов и аппаратов, сколько в действительности своих функций; по остаткам радиомачт археолог не мог бы составить представление о созданной ими всеобщей для людей всей Земли доступности событий и сведений.

Однако характер разбожествления мира и принцип технизации еще недостаточны для постижения того нового, что отличает наши века, а в своем завершении — нашу современность от прошлого. Даже без отчетливого знания людей нас не покидает ощущение, что они живут в момент, когда в развитии мира достигнут рубеж, который несоизмерим с подобными рубежами отдельных исторических эпох прошлых тысячелетий. Мы живем в духовно несравненно более богатой возможностями и опасностями ситуации, однако, если мы с ней не справимся, она неизбежно превратится в наиболее ничтожное время для оказавшегося несостоятельным человека.

Взвизывая на прошедшие тысячелетия, может показаться, что человек достиг в своем развитии конца или же он в качестве носителя современного сознания находится лишь в начале своего пути, в начале своего становления, но, обладая на этот раз средствами и возможностью реального воспоминания, на новом, совершенно ином уровне.

27

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Ситуация вообще

До сих пор о ситуации речь шла в абстрактной неопределенности. В конечном итоге в определенной ситуации находится лишь отдельный человек. Перемещая ее, мы мыслим ситуацию групп, государств, человечества, институтов, таких, как церковь, университет, театр; объективных образований — науки, философии, поэзии. Когда воля отдельных людей охватывает их как свою вещь, эта воля оказывается вместе со своей вещью в определенной ситуации. Ситуации могут быть либо бессознательными — тогда они оказывают воздействие так, что тот, кого это касается, не знает, как это происходит.

Либо они рассматриваются как наличные для сознающей самое себя воли, которая может их принять, использовать и изменить. Ситуация, ставшая осознанной, взывает к определенному поведению. Благодаря ей не происходит автоматически неизбежного; она указывает возможности и границы возможностей: то, что в ней происходит, зависит также от того, кто в ней находится, и от того, как он ее познает. Само постижение ситуации уже изменяет ситуацию, поскольку оно апеллирует к возможному действию и поведению. Увидеть ситуацию означает начать господствовать над ней, а обратить на нее пристальный взгляд — уже борьбу воли за бытие. Если я ищу духовную ситуацию времени, это означает, что я хочу быть человеком до тех пор, пока я еще противостояю человеческому бытию, я размышляю о его будущем и его осуществлении, но как только я сам становлюсь им, я пытаюсь мысленно реализовать его посредством уяснения фактически схваченной ситуации в моем бытии. Каждый раз возникает вопрос, какую же ситуацию я имею в виду.

Во-первых, бытие человека находится в качестве существования в экономических, социальных, политических ситуациях, от реальности которых зависит все остальное, хотя не

они только делают ее действительной.

28

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

Во-вторых, существование человека как сознания находится в сфере познаваемого. Исторически приобретенное, наличное теперь знание в своем содержании и в характере того, как происходит познание и как знание методически расчленяется и расширяется, является ситуацией, по возможности ясной для человека.

В-третьих, то, чем он сам станет, ситуационно обусловлено людьми, с которыми он встретится, и возможностями веры, к нему взывающими.

Поэтому, если я ищу духовную ситуацию, я должен принимать во внимание фактическое существование, возможную ясность знания, апеллирующее самобытие в своей вере, все те обстоятельства, в которых находит себя отдельный человек.

В своем социологическом существовании индивид неизбежно занимает предназначенное ему место и поэтому не может присутствовать повсюду в одинаковой мере. Даже чисто внешнее знание того, как человек себя чувствует во всех социологических ситуациях, никому в настоящее время не доступно. То, что человеку одного типа представляется само собой разумеющимся повседневным существованием, может быть чуждо большинству остальных людей.

Правда, в настоящее время для отдельного человека возможна большая мобильность, чем когда-либо, пролетарий мог в прошлом веке стать хозяйственником, теперь — министром. Но эта мобильность фактически существует лишь для немногих, и в ней обнаруживается тенденция к сокращению и к принудительному социальному статусу.

В настоящее время мы действительно обладаем знанием основных типов нашего общества — знанием о рабочем, служащем, крестьянине, ремесленнике, предпринимателе, чиновнике. Однако именно это делает сомнительной общность человеческой ситуации для всех. При распадении прежних связей теперь вместо общей судьбы людей стала ощущаться новая связь каждого индивида с его местом внутри социального механизма. Обусловленность прои-

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР
Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

хождением теперь, как и прежде, не может быть, невзирая на мобильность, устранена. Общим сегодня является не человеческое бытие как всепроникающий дух, а расхожие мысли и лозунги, средства сообщения и развлечения. Они образуют воду, в которой плавают, а не субстанцию, быть частью которой означает бытие. Общая социальная ситуация не есть решающее, она скорее то, что ведет к ничтожеству. Решающим является возможность самобытия, еще не становящегося сегодня объективным в своем особом мире, который включает в себя мир общий для всех, вместо того чтобы подвергаться его вторжению. Это самобытие не есть сегодняшний человек вообще; оно состоит в недоступной определению задаче узнать посредством овладения судьбой свою историческую связанность.

В области знания сегодняшняя ситуация характеризуется растущей доступностью его формы, метода и часто содержания все большему числу людей. Однако границы знания очень различны не только по объективным возможностям, но и прежде всего потому, что субъективная воля человека недостаточно велика и неспособна к исконной жажде знания. В знании общая ситуация была бы в принципе возможна для всех как наиболее универсальная коммуникация, которая с наибольшей вероятностью могла бы единообразно определить духовную ситуацию людей одного времени. Однако из-за различия людей по их стремлению к знанию такая коммуникация исключена.

Для того, как самобытию принимать в себя другое самобытие, обобщенной ситуации не существует, необходима абсолютная историчность встречающихся, глубина их соприкосновения, верность и независимость их личной связи. При ослаблении содержательной объективной прочности общественного существования человек отбрасывается к этому исконному способу его бытия с другими, посредством которого только и может быть построена заново полная содержанием объективность.

Несомненно, что единой ситуации для людей одного времени не существует. Если бы я мыслил бытие человека как

30

единую субстанцию, существовавшую на протяжении веков во всех специфических ситуациях, то моя мысль потерялась бы в сфере воображаемого. Если для божества и есть подобный процесс в развитии человечества, то я при самых обширных знаниях все-таки нахожусь внутри такого процесса, а не вне его. Несмотря на все это, т.е. невзирая на три типа, мы привыкли говорить о духовной ситуации времени, как будто она одна. В этом пункте, однако, пути мышления разделяются.

Перемещаясь на позицию наблюдающего божества, можно набросать картину целого. В тотальном историческом процессе человечества мы находимся на данном определенном месте, в современности как целостности отдельный человек занимает данное определенное место. Объективное целое, представляется ли оно отчетливо конструированным или смутным в своей неопределенности, становящимся, составляет тот фон, на котором я утверждаюсь в моей ситуации, в ее необходимости, особенности и изменяемости. Мое место как бы определено координатами: то, что я существую, — функция этого места; бытие — целое, я — его следствие, модификация или член. Моя сущность — историческая эпоха, как и социологическое положение в целом.

Историческая картина универсального развития человечества как необходимого процесса, в каком бы образе его ни мыслить, оказывает магическое воздействие. Я — то, что есть время. А то, что есть время, выступает как определенное место в развитии. Если я его знаю, то знаю требование времени. Для того чтобы достигнуть понимания подлинного бытия, я должен знать целое, в соответствии с которым я определяю, где мы находимся сегодня. Задачи современности следует высказывать как совершенно специфическое, высказывать с пафосом абсолютной значимости для настоящего. Ими я ограничен, правда, настоящим, но поскольку я вижу их в нем, я принадлежу одновременно целому во всей его протяженности. Никому не дано выйти за пределы своего времени, стремясь к этому, он провалился бы в пустоту.

31

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Зная свое время благодаря знанию целого или рассматривая это знание как осмысленную цель, обладая этим знанием, я обращаюсь в своей самодостоверности против тех, кто не признает известные мне требования времени: они обнаруживают свою несостоятельность перед временем, трусливость, это — дезертиры действительности.

Под влиянием таких мыслей возникает страх оказаться несовременным. Все внимание направлено на то, чтобы не отстать: будто действительность сама по себе идет своим шагом и надо стараться идти в ногу с ней. Высшее требование — делать то, «чего требует время».

Считать что-либо прошедшим — означает покончить с ним. Полагают, что достаточно с упреком сказать: это не соответствует времени, ты чужд требованиям времени, не понимаешь нового поколения. Только новое становится истинным, только молодежь — действительностью времени. Исходить надо любой ценой из сегодняшнего дня. Это

стремление к утверждению, к себе такому, как человек есть, ведет к шуму современности, к прославляющим его фанфарам, будто уже доказано, что есть сегодняшний день.

Это рассмотрение целого, мнение, будто можно знать, что есть в истории и современности целое, — основное заблуждение; само бытие этого целого проблематично. Определяю ли я целое как духовный принцип, как своеобразное ощущение жизни, как социологическую структуру, как особое хозяйственное устройство или государственность, во всех этих случаях я постигаю не глубину происхождения целого, а лишь возможную перспективу ориентации. Ибо то, из чего я ни в каком смысле не могу выйти, я не могу увидеть извне. Там, где собственное бытие еще участвует в том, что теперь совершается, предвосхищающее знание не более чем волеизъявление: воздействие того пути, на который я хочу вступить, обида, от которой я, ненавидя это знание, избавляюсь, пассивность, которая получает таким образом свое оправдание, эстетическое удовольствие от величия этой картины, жест, от которого я жду признания своей значимости.

32

Кара ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

Тем не менее, для того чтобы прийти к пониманию подлинной основы собственной ситуации,

перспективы знания во всей своей относительности не только осмысленны, но и необходимы, если делается попытка пойти другим, истинным путем, неизвестным целому. Я могу беспрестанно стремиться понять мое время, исходя из его ситуаций, если знаю, как, посредством чего и в каких границах я знаю. Знание своего мира — единственный путь, на котором можно достигнуть сознания всей величины возможного, перейти затем к правильному планированию и действенным решениям и, наконец, обрести те воззрения и мысли, которые позволят посредством философствования понять сущность человеческого бытия в его шифрах как язык трансцендентности.

Следовательно, на истинном пути возникает антиномия; она состоит в том, что импульс к постижению целого должен потерпеть неудачу из-за неминуемого распада целого на отдельные перспективы, и констелляции, из которых затем вновь пытаются построить целое. Поэтому абсолютизация полюсов ведет на ложные пути: я принимаю целое за нечто знакомое, а между тем передо мной только образ; или руководствуюсь отдельной перспективой, не обладая даже интенцией к поискам целого, и искажаю ситуацию тем, что принимаю случайность, определенную как конечную, за абсолютное.

Заблуждения в отношении к целому имеют в своей противоположности нечто общее. Абстрактный образ целого служит успокоением для того, кто стоит как бы в стороне и фактически ни в чем не участвует, разве что сожалея, восхваляя или вдохновенно надеясь — так, будто он говорит о чем-то, его не касающемся. Фиксация конечной ситуации в своем знании бытия сама по себе замыкает сознание в узости его случайности. Образы же целого и полная уверенность особенного также ведут к инертности, к желанию удовлетвориться своей деятельностью; то и другое препятствует проникновению в собственную основу.

2 - 4975 Ясперс

33

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Кара ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

Обоим этим заблуждениям противостоит отношение к бытию как к ориентирующемуся самобытию; целью уяснения ситуации является возможность сознательно с наибольшей решимостью постигнуть собственное становление в особой ситуации. Для действительно существующего в ней индивида бытие не может обрести в знании свою полноту ни как история, ни как современность. По отношению к действительной ситуации единичного человека каждая воспринятая в своей всеобщности ситуация является абстракцией, ее описание — обобществляющей типизацией; по сравнению с ней в конкретной ситуации будет многого недоставать и добавляться многое другое, не достигая завершающего знания. Но образы ситуации служат импульсом, который вновь заставляет индивида обратиться к тому, что, по существу, только и имеет значение.

Построение духовной ситуации современности, целью которого не является замкнутый образ созданной картины бытия, не будет завершенным. Зная о границах доступного знанию и об опасности абсолютизации, оно создаст каждый образ так, чтобы ощущался и другой. Оно сведет их к отдельным перспективам, каждая из которых в своей обособленности значима, но значима не абсолютно.

Если порядок существования масс людей в качестве принципа и положен в основу действительности, то этот принцип перестает действовать на тех границах, на которых решающими для этого существования окажутся анонимные силы.

Если распад духовной деятельности и рассматривается, то лишь до той границы, на которой становится видимым начало новых возможностей.

Если специфичность времени видеть так, как мыслят человеческое бытие, то изложение приведет именно к тому пункту, где философия человеческого бытия переходит в экзистенциальную философию.

Если, излагая, автор указывает на прогноз в своем рассмотрении, то лишь с целью выявить этот прогноз как побуждающий к действию.

34

Если речь идет о бытии, то лишь с целью сделать зримым самобытие.

В антитезах, не контрастирующих друг с другом на одной плоскости (с каждой из них появляется совершенно новая плоскость бытия), будет проходить размышление о духовной

ситуации времени — мышление, которое в конечном итоге не знает, что есть, но ищет посредством знания, что может быть.

То, что могло бы знать божество, человек знать не может. Этим знанием он устранил бы свое бытие во времени, которое должно лечь в основу его знания.

МАССОВОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ И ЕГО УСЛОВИЯ

По подсчетам 1800 г., население Земли составляло около 850 миллионов, сегодня оно равно 1800 миллионам*. Этот неведомый ранее рост населения в течение одного столетия стал возможным благодаря развитию техники. Открытия и изобретения создали: новый базис производства, организацию предприятий, методическое изучение наибольшей производительности труда, транспорт и сообщение, повсюду доставляющие все необходимое, упорядочение жизни посредством формального права и полиции; и на основании всего этого — точную калькуляцию на предприятиях. Создавались предприятия, планомерно руководимые из центра, несмотря на то что на них заняты сотни тысяч людей; они распространили свое влияние на многие регионы планеты.

Это развитие связано с рационализацией деятельности: решения принимаются не инстинктивно или по склонности, а на основании знания и расчета; развитие связано и с механизацией: труд превращается в просчитанную до предела, связанную с необходимыми правилами деятельность,

В 1931 году. — *Прим. ред.*

35

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Кара ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

которая может быть совершена различными индивидами, но остается одной и той же. Там, где раньше человек только выжидал, предоставляя возникнуть необходимому, он теперь предвидит и ничего не хочет оставлять на волю случая. Рабочий вынужден в значительной степени превратиться в часть действующего механизма.

Массы населения не могут жить без огромного аппарата, в работе которого они участвуют в качестве колесиков, чтобы таким образом обеспечить свое существование. Зато мы обеспечены так, как никогда еще на протяжении всей истории не были обеспечены массы людей. Еще в начале XIX века в Германии были периоды, когда люди страдали от голода. Болезни катастрофически уменьшали население, большинство детей умирало в грудном возрасте, лишь немногие люди доживали до старости. В настоящее время в регионах западной цивилизации возникновение голода в мирное время исключено. Если в 1750 г. в Лондоне ежегодно умирал один человек из двадцати, то теперь — один из восьмидесяти. Страхование на случай безработицы или болезни и социальное обеспечение не дают умереть с голоду нуждающемуся человеку, тогда как раньше это было само собой разумеющимся для целых слоев населения и по сей день является таковым для ряда стран Азии.

Обеспечение масс совершается не по определенному плану, а в чрезвычайно сложном взаимодействии различных видов рационализации и механизации. Это не рабовладельческое хозяйство, где людей используют как животных, а хозяйство, в котором люди по своей доброй воле каждый на своем месте, пользуясь полным доверием, участвуют в создании условий для функционирования целого. Политическая структура такого аппарата деятельности — демократия в той или иной ее разновидности. Никто не может больше на основе измышленного плана определять без согласия массы, что ей следует делать. Аппарат развивается в столкновении борющихся и согласно действующих волевых на-правленностей; критерием того, что делает индивид, служит успех, который в конечном итоге определяет продолжение

или устранение его деятельности. Поэтому все действует по плану, но не по плану целого.

В соответствии с этим в течение двух веков сложилась в качестве основной науки политическая экономия. Поскольку в это время экономические, технические и социальные процессы все более определяли для общего сознания исторический ход вещей, знание их превратилось как бы в науку человеческих вещей вообще. С этим связана безмерная сложность в осуществлении принципа целерационального порядка в обеспечении существования, принципа, который сам по себе представляется столь простым. В этой сложности проявляется целый мир допустимого господства, который, будучи нигде не различимым

как целое, существует только в постоянном видоизменении.

Сознание и век техники

Следствием развития техники для повседневной жизни является уверенность в обеспеченности всем необходимым для жизни, но таким образом, что удовольствие от этого уменьшается, поскольку эту обеспеченность ожидают как нечто само собой разумеющееся, а не воспринимают как позитивное исполнение надежды. Все становится просто материалом, который можно в любую минуту получить за деньги; в нем отсутствует оттенок лично созданного. Предметы пользования изготавливаются в громадном количестве, изнашиваются и выбрасываются; они легко заменимы. От техники ждут создания не чего-то драгоценного, неповторимого по своему качеству, независимого от моды из-за его ценности в жизни человека, не предмета, принадлежащего только ему, сохраняемого и восстанавливаемого, если он портится. Поэтому все связанное просто с удовлетворением потребности становится безразличным; существенным только тогда, когда его нет. По мере того как растет масштаб обеспечения жизни, увеличивается ощущение недостатка и угрозы опасности.

36

37

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Среди предметов пользования существуют целесообразные, совершенно законченные виды, окончательные формы, производство которых может быть нормировано по определенному плану. Их не изобрел какой-нибудь один умный человек; это — результат процесса открытия и формирования на протяжении целого поколения. Так, велосипед развивался в течение двух десятилетий, принимая формы, которые теперь кажутся нам смешными, пока не обрел в ряде модификаций свой окончательный вид, сохраняемый им до сих пор. Если теперь большинство предметов пользования в каких-то деталях и отталкивают несоответствием формы, завитушками и излишеством деталей, непрактичностью приспособлений, подчеркнутой и поэтому ненужной техничностью, идеал в целом ясен и в ряде случаев он осуществляется. Там, где он осуществлен, привязанность к какому-либо отдельному экземпляру теряет всякий смысл; нужна только форма, а не отдельный экземпляр, и, несмотря на всю искусственность, ощущается некая новая близость к вещам как к чему-то созданному людьми.

Преодоление техникой времени и пространства в ежедневных сообщениях газет, в путешествиях, в массовом продуцировании и репродуцировании посредством кино и радио создало возможность соприкосновения всех со всеми. Нет более ничего далекого, тайного, удивительного. В имеющих важное значение событиях могут участвовать все. Людей, занимающих ведущие посты, знают так, будто ежедневно с ними встречаются.

Внутреннюю позицию человека в этом техническом мире называют деловитостью. От людей ждут не рассуждений, а знаний, не размышлений о смысле, а умелых действий, не чувств, а объективности, не раскрытия действия таинственных сил, а ясного установления фактов.

Сообщения должны быть выражены сжато, пластично, без каких-либо сантиментов.

Последовательно излагаемые ценные соображения, воспринимаемые как материал полученного в прошлом образования, не считаются достойными внимания. Обстоятельность отвергается, требуется конструктивная мысль,

38

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

не разговоры, а просто сообщение фактов. Все существующее направлено в сторону управляемости и правильного устройства. Безотказность техники создает ловкость в обращении со всеми вещами; легкость сообщения нормализует знание, гигиену и комфорт, схематизирует то, что связано в существовании с уходом за телом и с эротикой. В повседневном поведении на первый план выступает соответствие правилам. Желание поступать, как все, не выделяться создает поглощающую все типизацию, напоминающую на другом уровне типизацию самых примитивных времен.

Индивид распадается на функции. Быть означает быть в деле; там, где ощущалась бы личность, деловитость была бы нарушена. Отдельный человек живет как сознание социального бытия. В пограничном случае он ощущает радость труда без ощущения своей самости; живет коллектив, и то, что отдельному человеку казалось бы скучным, более того,

невыносимым, в коллективе он спокойно принимает как бы под властью иного импульса. Он мыслит свое бытие только как «мы».

Бытие человека сводится к всеобщему; к жизнеспособности как производительной единицы, к тривиальности наслаждения. Разделение труда и развлечений лишает существование его возможного веса; публичное становится материалом для развлечения, частное — чередованием возбуждения и утомления и жаждой нового, неисчерпаемый поток которого быстро передается забвению; здесь нет длительности, это — только времяпрепровождение. Деловитость способствует также безграничному интересу к общей всем сфере инстинктивного: это выражается в воодушевлении массовым и чудовищным, созданиями техники, огромным скоплением народа, публичными сенсациями, вызванными делами, счастьем и ловкостью отдельных индивидов; в утонченной и грубой эротике, в играх, приключениях и даже в способности рисковать жизнью. Число участников в лотереях поразительно; решение кроссвордов становится излюбленным занятием. Объективное удовлетворение духовных стремлений без личного участия гарантирует дело-

39

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

вое функционирование, в котором регулируется утомление и отдых.

В разложении на функции существование теряет свою историческую особенность, в своем крайнем выражении вплоть до нивелирования возрастных различий. Молодость как выражение высшей жизнеспособности, способности к деятельности и эротического восторга является желанным типом вообще. Там, где человек имеет только значение функции, он должен быть молодым; если же он уже немолод, он будет стремиться к видимости молодости. К этому добавляется, что возраст отдельного человека уже изначально не имеет значения; жизнь его воспринимается лишь в мгновении, временное протяжение жизни — лишь случайная длительность, она не сохраняется в памяти как значимая последовательность неотвратимых решений, принятых в различных биологических фазах. Если у человека, в сущности, нет больше возраста, он все время начинает с начала и всегда достигает конца: он может делать и то и это, сегодня это, завтра другое; все представляется всегда возможным, и ничто, по существу, не действительно. Отдельный человек — не более чем случай из миллионов других случаев, так почему бы ему придавать значение своей деятельности? Все, что происходит, происходит быстро, а затем забывается. Поэтому люди ведут себя, как будто они все одного возраста. Дети становятся по возможности раньше как бы взрослыми и участвуют в разговорах по собственному желанию. Там, где старость сама пытается казаться молодой, она не вызывает почтения. Вместо того чтобы делать то, что ей пристало, и тем самым служить молодым на определенной дистанции масштабом, старость принимает облик жизненной силы, которая свойственна в молодости, но недостойна в старости. Подлинная молодость ищет дистанции, а не беспорядка, старость — формы и осуществления, а также последовательности в своей судьбе.

Поскольку общая деловитость требует простоты, понятной каждому, она ведет к единым проявлениям человеческого поведения во всем мире. Едиными становятся не толь-

40

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

ко моды, но и правила общения, жесты, манеры говорить, характер сообщения. Общим становится и этос общения: вежливые улыбки, спокойствие, никакой спешки и настоятельных требований, юмор в напряженных ситуациях, готовность помочь, если это не требует слишком больших жертв, отсутствие близости между людьми в личной жизни, самодисциплина и порядок в толпе — все это целесообразно для совместной жизни многих и осуществляется.

Господство аппарата

Превращая отдельных людей в функции, огромный аппарат обеспечения существования изымает их из субстанциального содержания жизни, которое прежде в качестве традиции влияло на людей. Часто говорили: людей пересыпают, как песок. Систему образует аппарат, в котором людей переставляют по своему желанию с одного места на другое, а не историческая субстанция, которую они заполняют своим индивидуальным бытием. Все большее число людей ведет это оторванное от целого существование. Разбрасываемые по разным местам,

затем безработные, они представляют собой лишь голое существование и не занимают больше определенного места в рамках целого. Глубокая, существовавшая раньше истина — каждый да выполняет свою задачу на своем месте в сотворенном мире — становится обманчивым оборотом речи, цель которого успокоить человека, ощущающего леденящий ужас покинутости. Все, что человек способен сделать, делается быстро. Ему дают задачи, но он лишен последовательности в своем существовании. Работа выполняется целесообразно, и с этим покончено. В течение некоторого времени идентичные приемы его работы повторяются, но не углубляются в этом повторении так, чтобы они стали достоянием того, кто их применяет; в этом не происходит накопления самобытия. То, что прошло, не имеет значения, значимо лишь то, что в данную минуту происходит. Основное свойство этого существования — умение за-

41

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

бывать; его перспективы в прошлом и будущем почти сжимаются в настоящем. Жизнь течет без воспоминаний и без предвидений во всех тех случаях, когда речь идет не о силе абстрагирующего, целесообразно направленного внимания на производительную функцию внутри аппарата.

Исчезает любовь к вещам и людям. Исчезает готовый продукт, остается только механизм, способный создать новое. Насильственно прикованный к ближайшим целям, человек лишен пространства, необходимого для видения жизни в целом.

Там, где мерой человека является средняя производительность, индивид, как таковой, безразличен. Незаменимых не существует. То, в качестве чего он был, он — общее, не он сам. К этой жизни предопределены люди, которые совсем не хотят быть самими собой; они обладают преимуществом. Создается впечатление, что мир попадает во власть посредственности, людей без судьбы, без различий и без подлинной человеческой сущности.

Кажется, что объективированный, оторванный от своих корней человек утратил самое существенное. Для него ни в чем не сквозит присутствие подлинного бытия. В удовольствии и неудовольствии, в напряжении и утомлении он выражает себя лишь как определенная функция. Живя со дня на день, он видит цель, выходящую за пределы сиюминутного выполнения работы, только в том, чтобы занять по возможности хорошее место в аппарате. Масса остающихся на своих местах отделяется от меньшинства бесцеремонно пробивающихся вперед. Первые пассивно пребывают там, где они находятся, работают и наслаждаются после работы досугом; вторых побуждают к активности честолюбие и любовь к власти; они изматываются, придумывая возможные шансы к продвижению и напрягая последние силы.

Руководство всем аппаратом осуществляется бюрократией, которая сама является аппаратом, т.е. людьми, превратившимися в аппарат, от которых зависят работающие в аппарате.

Государство, общество, фабрика, фирма — все это является предприятием во главе с бюрократией. Все, что сегодня

42

Кара ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

существует, нуждается в множестве людей, а следовательно, в организации. Внутри бюрократического аппарата и посредством него возможно продвижение, которое предоставляет большую значимость при сходных, по существу, функциях, требующих только большей интеллигентности, умения, особых способностей, активных действий.

Господствующий аппарат покровительствует людям, обладающим способностями, которые позволяют им выдвинуться: умеющим оценивать ситуацию беспардонным индивидам, которые воспринимают людей по их среднему уровню и поэтому успешно используют их; они готовы в качестве специалистов подняться до виртуозности, одержимые желанием продвинуться, они способны жить, не задумываясь и почти не тратя времени на сон.

Далее, требуется умение завоевать расположение. Надо уметь уговорить, даже подкупить — безотказно нести службу, стать незаменимым, — молчать, надувать, немного, но не слишком лгать, быть неутомимым в нахождении оснований — вести себя внешне скромно, — в случае необходимости взывать к чувству, трудиться к удовольствию начальства, не проявлять никакой самостоятельности, кроме той, которая необходима в отдельных случаях.

Для того, кто по своему происхождению не может претендовать на высокие посты в бюрократическом аппарате, не подготовлен к тому воспитанием и должен добиться соответствующего положения своими силами, это связано с манерой поведения, с инстинктом,

отношением к ценностям, и все это представляет опасность для подлинного самобытия как условия ответственного руководства. Иногда может помочь счастливая случайность; однако, как правило, преуспевающие отличаются такими качествами, которые препятствуют им мириться с тем, что человек остается самим собой, и поэтому они с безошибочным чутьем пытаются всеми средствами вытеснить таких людей из своей сферы деятельности: они называют их самонадеянными, чудаками, односторонними и неприемлемыми в деле; их деятельность оценивается фальшивым абсолютным масштабом; они вы-

43

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

зывают подозрение, их поведение рассматривается как провоцирующее, нарушающее покой, мир в обществе и преступающее должные границы. Поскольку высокого положения достигает только тот, кто пожертвовал своей сущностью, он не хочет допустить, чтобы другой ее сохранил.

Методы продвижения в аппарате определяют отбор нужных лиц. Так как достигает чего-либо только тот, кто рвется к успеху, но именно это он никогда не должен признавать в конкретной ситуации, приличным считается ждать, когда ты будешь позван: от поведения зависит, каким образом достигнуть желаемого, сохраняя видимость сдержанности. Сначала, обычно в обществе, как бы незаметно направляют разговор в нужную сторону. Как бы безразлично высказываются предположения. Им предшествуют такие выражения: я об этом не думаю... не следует ожидать, что... — и таким образом выражают свои желания. Если это ни к чему не приводит, то ничего сказано не было. Если же желаемый результат достигнут, то можно вскоре сообщить о поступившем предложении, сделав вид, что это произошло независимо от своего желания. Создается привычка утверждать многое, противоречащее друг другу. Со всеми людьми следует устанавливать такие отношения, чтобы обладать по возможности большими связями, используя ту, которая именно в данном случае необходима. Вместо товарищества самобытных людей возникает некая псевдодружба тех, кто молча находит друг друга в случае надобности, придавая своему общению форму обходительности и любезности. Не нарушать правил игры в удовольствиях, выражать каждому свое уважение, возмущаться, когда можно рассчитывать на соответствующий отклик, никогда не ставить под вопрос общие материальные интересы, какими бы они ни были, — все это и тому подобное существенно.

Господство массы

Масса и аппарат связаны друг с другом. Крупный механизм необходим, чтобы обеспечить массам сущест-

44

Каря ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

вованье. Он должен ориентироваться на свойства массы; в производстве — на рабочую силу массы, в своей продукции — на ценности массы потребителей.

Масса как толпа не связанных друг с другом людей, которые в своем сочетании составляют некое единство, как преходящее явление существовала всегда. Масса как публика — типический продукт определенного исторического этапа; это связанные воспринятыми словами и мнениями люди, не разграниченные в своей принадлежности к различным слоям общества. Масса как совокупность людей, расставленных внутри аппарата по упорядочению существования таким образом, чтобы решающее значение имела воля и свойства большинства, является постоянно действующей силой нашего мира, которая в публике и массах в качестве толпы принимает облик преходящего явления.

Прекрасный анализ свойств массы как временного единства толпы дал Лебон, определив их как импульсивность, внушаемость, нетерпимость, склонность к изменениям и т.д. Свойство массы в качестве публики состоит в призрачном представлении о своем значении как большого числа людей; она составляет свое мнение в целом, которое не является мнением ни одного отдельного человека; бесчисленные другие, ничем не связанные многие, мнение которых определяет решение. Это мнение именуется «общественным мнением». Оно является фикцией мнения всех, в качестве такового оно выступает, к нему взывают, его высказывают и принимают отдельные индивиды и группы как свое. Поскольку оно, собственно говоря, неосвязаемо, оно всегда иллюзорно и мгновенно исчезает — «ничто», которое в качестве «ничто» большого числа людей становится на мгновение уничтожающей и возвышающей силой.

Познание свойств расчлененной в аппарате массы не просто и не однозначно. Что представляет собой человек, проявляется в том, что делает большинство: в том, что покупается, что потребляется, в том, на что можно рассчитывать, когда речь идет о многих людях, а не о

склонности отдельных индивидов. Так же как статьи бюджета в частном хозяйстве служат характерным признаком сущности отдельного чело-

45

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

века, так бюджет зависимого от большинства государства служит признаком сущности масс. О сущности человека можно судить, если быть осведомленным о наличных у него средствах, исходя из того, на что у него есть деньги и на что их не хватает. Самым непосредственным образом узнать, чего можно в среднем ожидать, учит опыт, складывающийся из соприкосновения со многими людьми. Эти суждения поразительно сходны на протяжении тысячелетий. Объединенные в большом количестве люди как будто хотят только существовать и наслаждаться; они работают под действием кнута и пряника; они, собственно говоря, ничего не хотят, приходят в ярость, но не выражают свою волю; они пассивны и безразличны, терпят нужду; когда наступает передышка, они скучают и жаждут нового. Для расчлененной в аппарате массы главное значение имеет фикция равенства. Люди сравнивают себя с другими, тогда как каждый может быть самим собой, только если он не сравним ни с кем. То, что есть у другого, я тоже хочу иметь; то, что может другой, мог бы и я. Тайно господствует зависть, стремление наслаждаться, иметь больше и знать больше. Если в прежние времена, для того чтобы знать, на что можно рассчитывать, следовало знакомиться с князьями и дипломатами, то теперь для этого нужно быть осведомленным о свойствах массы. Условием жизни стала необходимость выполнять какую-либо функцию, так или иначе служащую массам. Масса и ее аппарат стали предметом нашего самого животрепещущего жизненного интереса. В своем большинстве она господствует над нами. Для каждого, кто сам не обманывает себя, она является сферой его полной служебной зависимости, деятельности, забот и обязательств. Он принадлежит ей, но она угрожает человеку гибелью в риторике и суете, связанными с ее утверждением «мы — все»; ложное ощущение силы этого утверждения улетучивается как «ничто». Расчлененная в аппарате масса бездуховна и бесчеловечна. Она — наличное бытие без существования, суеверие без веры. Она способна все растоптать, ей прису-

46

Кара ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

ща тенденция не терпеть величия и самостоятельности, воспитывать людей так, чтобы они превращались в муравьев.

В процессе консолидации огромного аппарата по упорядочению жизни масс каждый должен ему служить и своим трудом участвовать в создании нового. Если он хочет жить, занимаясь духовной деятельностью, это возможно, только участвуя в умиротворении какой-либо массы людей. Он должен показать значимость того, что приятно массе. Она хочет обеспечения своего существования пропитанием, эротикой, самоутверждением; жизнь не доставляет ей удовольствия, если что-либо из этого отсутствует. Помимо этого ей нужен способ познания самой себя. Она хочет быть ведомой, но так, чтобы ей казалось, будто ведет она. Она не хочет быть свободной, но хочет таковой считаться. Для удовлетворения ее желаний фактически среднее и обычное, но не названное таковым должно быть возвеличено или, во всяком случае, оправдано в качестве общечеловеческого. Недоступное ей именуется далеким от жизни. Для воздействия на массу необходима реклама. Поднимаемый ею шум служит в настоящее время формой, которую должно принимать каждое духовное движение. Тишина в человеческой деятельности в качестве формы жизни, по-видимому, исчезла. Необходимо показываться, читать доклады и произносить речи, вызывать сенсацию. В массовом аппарате в представительстве недостает подлинного величия. Нет празднеств. В подлинность праздников никто не верит, даже сами их участники. Достаточно представить себе папу совершающим торжественное путешествие через весь земной шар в центр нынешнего могущества, в Америку, примерно так, как он в Средние века разъезжал по Европе, и мы сразу же увидим, насколько несравним с прошлым феномен нашего времени.

ГРАНИЦЫ ПОРЯДКА СУЩЕСТВОВАНИЯ

Описанные образы современного существования не следует считать единственными. Однако сегодня сложилось

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

определенное направление в осуществлении, которое им соответствует, к тому же эти образы обрели столь далеко идущее господство в современном сознании, что многое из того, что было сказано, присутствует в современных языках независимо от мировоззрений и партий. Отраженная в них в своих перспективах действительность свидетельствует о неизмеримой зависимости человека; не только то, как он воспринимает знание, навязываемое ему в настоящее время духовной ситуацией, показывает, каким становится человек. Уже простое описание массового порядка неизбежно вызывает положительные и отрицательные оценки и тем самым отношение к нему мыслящего человека; перед человеком стоит вопрос, хочет ли он подчиниться осознаваемому им могуществу, которое как будто все определяет, или видит иные открытые ему пути, куда не достигает эта мощь.

Абсолютизация всеохватывающего порядка существования формулируется таким образом: существование мыслится как планомерное удовлетворение всеобщих необходимых жизненных потребностей; пусть духовное вступает в мир, который требует его для себя, но оно не должно препятствовать желанию работать, напротив, ему надлежит способствовать удовлетворению потребностей, служить улучшению методов труда, техники и социального аппарата. Индивид существует только на службе целого, которое и обеспечивает в соответствии с этим возможное удовлетворение его потребностей; замыкающаяся в себе самой сфера человеческого существования, уходящего в бесконечность, сохранится до той поры, пока по утопическому предположению не настанет время, когда радость существования станет для всех тождественной радости, доставляемой трудом, на котором они держатся. Исходя из величайшего счастья наибольшего числа людей, смысл существования должен якобы заключаться в экономической обеспеченности масс, в полном удовлетворении их самых многообразных потребностей. Однако, с одной стороны, полностью удовлетворить эти потребности невозможно, с другой — наличие таких представлений не является абсолютно господствующим в со-

48

Каря ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

знании современных людей. Техника, аппарат и массовое существование не исчерпывают бытие человека. Эти созданные им самим факторы оказывают, правда, на него обратное воздействие, но не являются полностью решающими в его существовании. Они наталкиваются на него самого, который есть и нечто другое. Человека нельзя вывести из ограниченного числа принципов; их построение бросает свет на связи, которые тем отчетливее показывают, что в них не входит. Поэтому с абсолютизацией знания в таком порядке существования связаны либо тайная ложная вера в возможность окончательно установить правильное устройство мира, либо безнадежное воззрение на все человеческое существование. Типичная для сторонников этого воззрения удовлетворенность при мысли о возможном достижении всеобщего благоденствия сопровождается игнорированием фактов, которых, по их мнению, можно будет избежать. Однако, вместо того чтобы колебаться между утверждением и отрицанием такого существования, следует довести до сознания границы порядка существования; тогда абсолютизация станет невозможной и перед духовно свободным сознанием, доведенным до понимания действительности в ее доступных знанию связях, откроются другие возможности. Прежде всего, оказывается, что обеспечивающий массы порядок существования не может достигнуть в понимании самого себя полной ясности и последовательности; поэтому он создает определенное духовное воззрение, современную софистику, открывающую, в какой мере отношение духа к этой абсолютизированной действительности лишено основы. Сверх того следует отчетливо понимать, что сохранение постоянного порядка существования вообще невозможно. Несомненно также невозможность завершения современного порядка существования: в качестве универсального аппарата существования он стремится охватить всю полноту существования отдельных людей в ее душевной наполненности; при этом аппарат испытывает в ряде случаев противодействие и неизбежно разрушился бы сам, если бы уничтожил своих соперников. Поскольку теперь все это стало

49

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

полностью осозанным, представление о кризисе является выражением того, что все в опасности и нет более ничего радикально упорядоченного.

Современная софистика. Язык маскировки и возмущения

Границы рационального порядка существования проявляются в невозможности того, чтобы

это существование могло быть понято и оправдано в своей действительности из самого себя. Для того чтобы удержаться в своей абсолютизации, оно нуждается в языке маскировки. И чем невозможнее становится достигнуть рациональной правильности, тем в большей степени это становится методом. Его масштаб — «общее благо», утверждаемое как несомненное; его интерес — умиротворение всех, дабы они спокойно и упорядоченно выполняли свои функции. Ужасные стороны существования находят свое успокаивающее пояснение в определенных инстанциях. Если же приходится применять принуждение и насилие, то это посредством разделения ответственности приписывается недостижимой власти. То, что не мог бы взять на себя отдельный человек, осмеливается совершать аппарат. При неразрешимых проблемах вызывают как к наиболее значимой инстанции к науке; служа публичному интересу, понятному как порядок существования, она готова в качестве компетентной инстанции предоставить в распоряжение аппарата вынесенное ею суждение, которое в самых трудных случаях должно быть признано окончательным. Если компетентное лицо фактически не обладает и не может обладать нужным знанием, оно вынуждено обратиться к формулам, создающим видимость знания, например при оправдании политических актов посредством их интерпретации в терминах государственного права, при интернировании преступников, при толковании неврозов, вызванных несчастными случаями, для уменьшения страховых обязательств и т.д. Собственно говоря, сказанное значения не имеет; ценностным масштабom формулы служит

50

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

возможность сохранить порядок, замаскировать то, что ставит его под сомнение. Противоположным методом является язык возмущения. Он так же, как успокаивающий метод, служит массовому порядку, но скрывает истину другим методом. Вместо того чтобы обращаться к целому, изолируется и резко выделяется отдельный случай. В ярком свете, направленном на одно, скрывается другое. Совершается в любом смешении апелляция ко всем темным инстинктам, а равно и ко всем высшим этическим ценностям, и все это лишь с одной целью: оправдать возмущение. Подобно тому как язык рационального обоснования служит, исходя из общего блага, средством сохранить порядок, так язык изоляции и протеста служит средством разрушения.

Не обладающее подлинным пониманием самого себя, существование, пользующееся этим языком, теряет устойчивость. Там, где что-либо не является вопросом технического обеспечения существования, но его как будто касается, оставаясь фактически ему недоступным, обнаруживается неуверенность мнения и воления. Под обликом разумности и деловитости в действительности скрывается беспомощность. Если в дискуссии невозможно более утверждать что-либо с несомненностью, приходит на помощь притянутая ad hoc патетика. «Святость жизни», «величие смерти», «величие народа», «воля народа — воля Бога» и т. п. — таковы обороты речи тех, кто обычно кажется погруженным в повседневность существования. Устраняясь, таким образом, от дискуссий, они косвенно подтверждают, что существует нечто за пределами порядка существования; но поскольку сами они утратили свои корни, они не знают больше, чего они, собственно говоря, хотят. Эта софистика колеблется между оппортунистической ловкостью эгоистического существования и безрассудно гипертрофированной аффектацией.

Там, где нечто должно быть совершено многими, и никто, по существу, не знает, о чем идет речь и какова цель требуемых действий, где каждый пребывает в смятении, не зная, чего ему следует хотеть, возникает маскировка беспо-

51

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

мощности. Те, кто обладает обеспечивающей их собственное существование управленческой позицией, апеллируют к единству, к ответственности, требуют трезвого мышления; они убеждают, что необходимо считаться с фактами, не теоретизировать, а действовать практически, находиться в боевой готовности, держать порох сухим (хотя стрелять никто не собирается), не заниматься враждебной властям политикой, предотвращать нападение всеми доступными средствами и прежде всего предоставить решение вождю, который найдет наилучший способ выйти из затруднения. Что же касается вождя, то он, выступая с мужественными речами, хотя в глубине души сам не знает, чего он хочет, держится своей позиции и предоставляет делам идти их ходом,

не принимая никакого решения.

Нежелание принимать решения

Порядок существования требует мира для того, чтобы удержаться, и внушает страх перед принятием решения с целью софистически ощущать себя в своей ничтожности истинным поборником общего интереса. Жажда действий укрощается в отдельных индивидах, группах, организациях и партиях тем, что они взаимно ограничивают друг друга. Поэтому выравнивание именуется справедливостью, которую находят в том или ином компромиссе. Этот компромисс является либо установлением связи между Гетерогенными интересами во имя единства существования, либо взаимной уступкой во избежание принятия решений. Правда, тот, кто вступает в сообщество взаимно обуславливающей деятельности, должен вследствие необходимой заботы о его сохранении стремиться к согласию, а не к борьбе; поэтому он отказывается в известных границах от себя, от своего индивидуального существования, чтобы сохранить возможность продолжения общего существования; он различает свое самобытие в его безусловности от существования в его относительности, внутри которого он именно как самобы-

52

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

тие обладает силой к компромиссу. Но вопрос заключается в том, где компромисс требует в качестве предпосылки силы различающего самобытия и где он ведет к разложению самобытия, превращаясь в безграничное нивелирование в кооперировании со всеми.

Ибо там, где человек в каком-либо деле полностью является самим собой, для него существует только «или — или», а не компромисс. Он хочет довести понимание вещей до крайнего предела, чтобы затем принять решение. Он знает, что может потерпеть крушение, ему ведома изначальная покорность по отношению к существованию как длительности, ведома действительность бытия в подлинном крушении. Однако для собственного существования, которое в рамках общего порядка частично отказывается от себя, чтобы гарантировать себя в целом, борьба слишком рискованна. Оно осуществляет насилие, если обладает превосходством, и избегает решения, если с ним связана опасность. Когда возможным остается только существование в определенных границах, оно согласно на все, занимает среднюю позицию, направленную против всех чрезмерных требований и крайностей. Выступая против всяких дерзаний, оно призывает к адаптации и выравниванию. Мир любой ценой исключит борьбу. Идеал заключается в отсутствии трений внутри предприятия. Я исчезаю в кооперации, в которой господствует фикция дополнения всех всеми. Преимуществом обладает не отдельный индивид, а общий интерес, который, будучи определен, по существу, является уже особым, а в качестве общего остается пустым. Исключение конкуренции посредством картелей приукрашивается разговорами об общих интересах, ревность нейтрализуется взаимной терпимостью, борьба за истину растворяется в синтезе различных возможностей. Справедливость уже не субстанциональна, во взвешивании она теряет свою остроту, будто все допускает сравнение на определенном уровне. Стремиться к решению означает уже не определять свою судьбу, а осуществлять насилие, пребывая в прочном обладании властью. Если же в этих условиях прорывается возмущение, то в своем софистическом искажении мнений и поведения оно

53

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

также не приводит к решению, а превращается просто в губительную потасовку, которая либо подавляется порядком существования, либо ведет к хаосу.

Дух как средство

На то, от чего все зависит для абсолютизации порядка существования, на экономическую силу и ситуацию, на несомненную мощь, будто все это и есть подлинное, ориентируется и духовная деятельность. Дух уже не верит самому себе как своему собственному истоку; он превращает себя в средство. Превратившись в софистику вследствие совершенной способности к адаптации, он может служить любому господину. Он находит оправдательные основания для любого состояния, осуществленного в мире или долженствующего быть осуществленным могущественными силами. При этом он знает, что все это несерьезно, и соединяет это тайное знание с патетикой ложной убежденности. Поскольку сознание реальных сил существования, с одной стороны, поддерживает эту неправду, с другой — раскрывает то, что если не порождает, то определяет всякое существование, постольку

возникает новое правильное знание о неотвратимом. Однако требование трезвого осмысления действительности сразу же становится софистическим средством, призывающим уничтожить все то, что непосредственно не очевидно, и тем самым уничтожить подлинное воление человека. Подобная неправда в ее неизмеримом многообразии неизбежно возникает из искажения возможностей человека, если помимо существования в качестве порядка обеспечения масс больше ничего нет.

Невозможность постоянного порядка существования

Для правильной организации существования необходим постоянный порядок. Однако очевидно, что стабильное со-

54

стояние невозможно. Существование, всегда в себе незавершенное и невыносимое таким, как оно есть, принимает все новые образы.

Уже технический аппарат, как таковой, никогда не может стать завершенным. Утопически эксплуатацию нашей планеты можно изобразить как местоположение и материал гигантской фабрики, которая приводится в движение массой людей. Чистой и непосредственно данной природы больше не будет, в качестве данного природой выступает только материал аппаратуры, однако, использованный для определенных целей человека, он не имеет своего бытия; люди приходят в соприкосновение лишь с обработанным ими материалом; мир существует только как искусственный ландшафт, аппаратура человека в пространстве и свете, в различное время дня и различные времена года, единое производство, связанное непрерывно действующими средствами сообщения; человек привязан к нему, дабы, участвуя в работе, существовать. Достигнуто стабильное состояние. Материалы и энергии использованы без остатка. Контроль рождаемости регулирует прирост населения. С помощью евгеники и гигиены создается наилучший тип человека. Болезни уничтожены. Обеспечение всех посредством обязательной службы регулировано планом. Решения больше не принимаются. Все остается таким, как оно есть в круговороте повторяющихся поколений. Не зная борьбы и судьбы, люди довольствуются неизменной нормой распределения при коротком рабочем времени и множестве развлечений.

Однако такое состояние невозможно. Тому препятствуют непредвиденные силы природы, в их разрушительном действии достигающие технических катастроф. Существует специфическое бедствие технической несостоятельности. Быть может, длительная борьба с болезнями лишит людей всякого иммунитета, и они окажутся беззащитными перед непредвиденным заболеванием. В осуществлении контроля над рождаемостью не так просто достигнуть желаемого результата; вступит в борьбу инстинкт продолжения рода, более сильный у одних, чем у других. Евгеника не сможет

55

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

воспрепятствовать сохранению слабых и, быть может, неотвратимому ухудшению рас в наших условиях; ибо нет объективного масштаба для отбора и выявления ценности; более того, вследствие многообразия исконной человеческой природы ее возможности пребывают в непримиримой борьбе.

Удовлетворяющее всех длительное состояние немислимо. Техника не создает совершенный мир, но на каждом шагу создает в мире новые трудности, а следовательно, и новые задачи — техника создает не только увеличение страдания из-за ее несовершенства; она должна остаться несовершенной или подвергнуться разрушению. Остановка для нее всегда конец: на каждой ее границе неудержимый прогресс — одновременно упадок и стремление вперед в еще неизвестные сферы в качестве духа открытия, изобретения, планирования и создания нового, без чего техника не может существовать.

Что человек окончательно не входит в запланированный порядок существования, очевидно уже из того, что сам этот порядок расщеплен на противоположности. Посредством их борьбы он беспокойно движется сквозь время, не зная завершения ни в одном образе. Противостоят друг другу не только конкретно государство государству, партия партии, государственная воля интересам экономики, класс классу, различные хозяйственные интересы, но антиномичны по своему характеру и сами создающие существование силы; эгоистический

интерес возбуждает деятельность отдельного индивида, создает этим то такие условия существования, которые составляют общий интерес, то нарушает их; упорядоченный механизм с его окончательно ограниченными функциями, обязанностями и правами, любым образом заменяемых атомистических людей противопоставляет себя опасной для существующего порядка инициативе, индивидуальной смелости, истокам, без которых, однако, целое не могло бы продолжать существовать во все новых ситуациях среды. Организация разрушила бы то, что она стремится обеспечить для человека как человека, если бы противо-

56

Кара ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

ложные ей силы не держали ее в узде. Государства типа пчелиных ульев мыслимы в качестве статичных образований, повторяющихся любым образом; человеческое же существование — только как историческая судьба отдельного человека и человечества в целом, как необозримый путь технических завоеваний, экономической деятельности, политических систем.

Человек обладает существованием лишь в том случае, если он посредством разума и взаимопонимания с другими людьми занимается порядком технического обеспечения масс. Поэтому объектом его страстных усилий должен быть мир, если он не хочет погибнуть вместе с крушением этого мира. Он создает этот мир планированного порядка, пытаясь перейти его границы там, где они обнаруживаются. Эти границы выступают здесь как его противники, но в них он, собственно говоря, и присутствует в качестве самого себя, того, кто не входит в установленный порядок. Если бы он полностью одолел противника порядка своего существования, он потерял бы самого себя в созданном им мире. Духовная ситуация человека возникает лишь там, где он ощущает себя в пограничных ситуациях. Там он пребывает в качестве самого себя в существовании, когда оно не замыкается, а все время вновь распадается на антиномии.

Универсальный аппарат существования и мир существования человека

Граница порядка существования дана-сегодня специфически современным противоречием: массовый порядок создает универсальный аппарат существования, который разрушает мир специфически человеческого существования.

Жизнь человека как такового в мире определена его связью с воспоминанием о прошлом и с предвосхищением будущего. Он живет не изолированно, а как член семьи в доме, как друг в общении индивидов, как соотечественник, принадлежащий некоему историческому целому.

Он ста-

57

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

новится самим собой благодаря традициям, позволяющим ему заглянуть в темные глубины своего происхождения и жить, ощущая ответственность за будущее свое и своих близких; погруженный на долгое время в субстанцию своей историчности, он действительно присутствует в мире, создаваемом им из полученного наследия. Его повседневное существование охвачено духом чувственно присутствующего целого, маленького мира, каким бы он ни был скудным. Его собственность — неприкосновенное тесное пространство, которое определяет его принадлежность к общему пространству человеческой историчности.

Технический порядок существования для обеспечения масс сначала еще сохранял эти действенные миры человека, снабжая их товарами. Но если в конце концов я ничего не стал бы больше создавать, формировать, передавать в действительно окружающем меня мире, а все поступало бы людям просто как средство удовлетворения сиюминутной потребности, только использовалось бы и обменивалось, само пребывание у себя получило бы машинный характер, не сохранился бы дух собственной среды, труд стал бы лишь выполнением данной на день задачи и ничто не поднялось более до уровня жизни, тогда человек утратил бы мир. Человек не может быть человеком, если он оторван от своей почвы, лишен осознанной истории, продолжительности своего существования. Универсальный порядок существования превратил бы существование действительного, живущего в своем мире человека просто в функцию.

Однако человек как отдельный индивид никогда не растворяется полностью в порядке существования, которое оставляет ему бытие только как функцию, необходимую для сохранения целого. Он может, правда, жить в аппарате благодаря тысячам связей, от которых он зависит и внутри которых он действует; но поскольку он там в своей заменяемости столь безразличен, будто он вообще ничто, он восстает, если уже ни в каком смысле не может быть самим собой.

Если же он хочет свое бытие, он сразу же оказывается в состоянии напряжения между собственным бытием и под-

58

линным самобытием. То, что есть просто его своеволие, сопротивляется, борясь и обманывая, и стремится в своей потребности в значимости и слепом желании преимуществ своего индивидуального существования. Только в качестве возможности самобытия он ищет в воле своей судьбы выходящий за пределы всех расчетов риск, чтобы достигнуть бытия. Исходя из обоих импульсов, он подвергает опасности порядок существования как покоящееся пребывание. Поэтому существует двойная возможность крушения этого порядка, его постоянная антиномия. Создавая пространство, в котором самобытие может реализоваться в качестве существования, своеволие является как бы телом этого порядка, который сам по себе знаменует его крушение, но в определенных условиях есть его действительность.

Следовательно, если своеволие и существование ищут свой мир, они впадают в противоречие с универсальным порядком существования. Он же пытается, в свою очередь, подчинить себе эти силы, которые грозят ему здесь на его границах. Поэтому он в значительной степени озабочен тем, что само по себе не служит обеспечению существования. Оно, двойственное как собственное жизненное существование и как экзистенциальная безусловность, называется, будучи рассмотрено с точки зрения его *ratio*, иррациональным. Этим отрицательным понятием оно, правда, снижается до бытия второго ранга. Однако при этом оно либо допускается в определенных сферах, где, отвечая потребности контраста, *ratio*, оно обретает положительный интерес, например в эротике, в приключении, в спорте, в игре; либо рассматривается как нежеланное и преодолевается, например, в страхе перед жизнью, нерасположении к работе. И в обоих направлениях оно решительно уводится в область только жизненных интересов, чтобы заглушить дремлющее в нем притязание на экзистенцию. Тому, что желательно собственному существованию, стремятся способствовать в качестве необходимой потребности и лишить его возможной безусловности, рационализируя иррациональное, чтобы пользоваться им в случае необходимости как определенным способом удов-

59

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

летворения потребности; хотят создать именно то, что, если оно не подлинно, никогда создать нельзя. Таким образом, то, что первоначально ощущалось и требовалось как другое, под предлогом заботы уничтожается; то, что подверглось технизации, обретает своеобразный серый цвет или яркую пестроту, в которых человек больше не узнает себя; бытие в человеке как индивидуальная судьба похищена. Однако как не допускающее подчинения оно обратится против тех структур, которые хотят его уничтожить.

Напряжение между универсальным аппаратом существования и действительным миром человека не может быть снято. Одно воздействует только через другое; если бы одна сторона окончательно победила, она сразу же была бы и сама уничтожена. Притязание своеволия и экзистенции так же не могут быть устранены, как в осуществленном массовом существовании необходимость универсального аппарата в качестве условия существования каждого индивида.

Поэтому границы порядка существования обнаруживаются там, где человек станет ощутимым как таковой. Планирующее преодоление и истоки возмущения будут попеременно встречаться, заблуждаться по поводу друг друга, находиться в плодотворном напряжении, начинать борьбу друг с другом. Эта многообразная возможность становится повсюду двойственной из-за напряжения между собственным существованием в его витальном желании и экзистенцией в ее безусловности.

В пояснении этой духовной ситуации будут затронуты сферы, где человек как отдельный индивид достигает своего существования, борется, ощущает самого себя. Символом мира, как исторической среды человека, в котором человек, пока он остается человеком, должен жить в

каком-либо образе, является жизнь в доме. То, как он ощущает опасность, проявляется в страхе перед жизнью; то, как он, совершая ежедневно свою работу, себя чувствует, — в радости от труда; то, как он ощущает действительность своего существования, — в спорте. Но то, что он может погибнуть, становится очевидным в возможности отсутствия вождей.

60

Кара ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

Жизнь в доме

Дом как совместная жизнь семьи возникает из любви, которая на всю жизнь связывает индивида в безусловной верности с другими членами семьи; она хочет воспитывать своих детей в субстанциальности традиций и сделать возможным постоянное общение, которое способно осуществиться полностью в своей открытости только в повседневной трудности будней.

Именно здесь встречается самая прочная, служащая основой всему остальному человечность. В массе сегодня неведомая, эта изначальная человечность теперь рассеяна повсюду, полностью предоставлена самой себе и связана со своим маленьким мирком и его судьбой. Поэтому сегодня брак имеет более существенное значение, чем раньше; когда субстанция публичного духа была выше и служила опорой, брак значил меньше. В настоящее время человек как бы вернулся к узкому пространству своего происхождения, чтобы решить здесь, хочет ли он остаться человеком. Если существует семья, ей нужен свой дом, свой жизненный уклад, солидарность и пиетет, возможность для всех полагаться друг на друга, и все они вместе служат друг другу опорой в семье.

Этот изначальный мир и сегодня сохраняется с неодолимой силой; но тенденции его разрушения растут с абсолютизацией универсального порядка существования.

Начиная с внешнего: стремление перевести человека на казарменное положение, превратить его жилище в место для ночлега, попытки полностью технизировать не только практическую его деятельность, но и всю жизнь — все это превращает одухотворенный мир в безразличную взаимозаменяемость. Силы, выступающие как бы в интересах большинства, целого, пытаются поддерживать себялюбие отдельных членов семьи, ослабить их солидарность, призывать детей восстать против отчего дома. Вместо того чтобы рассматривать публичное воспитание как углубление домашнего, его превращают в основное, причем очевидной целью

61

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

служит стремление отнять детей у родителей, превратив их в детей государства. Вместо того чтобы с ужасом взирать на развод, полигамную эротику, аборты, гомосексуализм как на выход за пределы исторического существования человека, которое он стремится создать и сохранить в семье^ все это внутренне облегчается, иногда с фарисейским морализированием по поводу того, что это испокон веку осуждено, иногда безучастно принимается как нечто связанное с существованием массы в целом; или же аборты и гомосексуализм бессмысленно и насильственно караются уголовным правом как мера государственной политики, к которой они, собственно говоря, никакого отношения не имеют.

Тенденции распада угрожают существованию семьи тем в большей степени, что ей приходится складываться из бытия отдельных индивидов, которое еще сопротивляется распаду, который несет поток универсального порядка существования. Поэтому в настоящее время в браке заключена потрясающая проблематика человеческого бытия. Невозможно предвидеть, сколько людей, изначально неспособных справиться со стоящей перед ними задачей, потеряв опору в публичном и авторитарном духе, падают в пропасть с того острова, владение которым связано с их самобытием, и создают смешение дикости и неспособности владеть собой. К этому прибавляется трудность, связанная с браком из-за экономической самостоятельности женщины, громадное число незамужних женщин, которые могут быть использованы для удовлетворения сексуальной потребности. Брак стал в значительной степени только контрактом, нарушение которого влечет за собой в качестве конвенционального наказания отказ предоставлять содержание. Потеря устоев ведет к требованию облегчить развод. Бесчисленное множество книг, посвященных проблемам брака, свидетельствует о создавшемся положении.

Идея универсального обеспечения направлена на то, чтобы привести в порядок то, что доступно только отдельному человеку в его свободе, который может исходить из первоначального содержания своего сформированного воспита-

нием бытия. Поскольку эротика стала препятствовать всем связям, рациональный порядок овладевает и этой опасной иррациональностью. Гигиена и различные предписания технизируют и ее, чтобы сделать наиболее удовлетворяющей и устранить возможные конфликты. Сексуализацию брака, например, по типу, предложенному Ван де Вельде, следует рассматривать как симптом времени, стремящегося сделать безвредным то, что иррационально с его точки зрения. Не случайно в проспектах эту книгу рекомендуют даже католические теологи-моралисты. Этнос выраженной в браке безусловности произвольно в корне отрицается как религиозным снижением брака до существования второго сорта, которое лишь благодаря церковной легитимации не является развратом, так и технизацией эротики в качестве опасной иррациональности. То и другое бессознательно заключают союз против любви как силы, служащей основанием браку, не нуждающейся в легитимации, поскольку ей по ее экзистенциальному происхождению присуща определяющая жизнь верность, допускающая, быть может, лишь на мгновения счастье эротики. Любовь, уверенная в себе лишь благодаря свободе ее экзистенции, устранила в себе эротику, не снижая ее, но и не признавая ее чувственные требования. Идеалом гармонической технизации она была бы уничтожена для того, кто принимает эти разумные средства и масштабы. Но она не позволяет и подчинить себя в своей безусловности универсальному порядку, который намеревался бы сломать ее во имя предполагаемого существенного целого.

Если я отказался от семейных связей и самобытия, вместо того чтобы вырасти из их корня в некое целое, я могу жить лишь в ожидаемом, но всегда отсутствующем духе целого. Взирая на универсальный порядок существования, я хочу всего достигнуть с его помощью, предав мой собственный мир и связанные с ним притязания. Если я больше ни в чем себе не доверяю, если я живу только общими интересами класса и только как функция производства стремлюсь лишь туда, где, по моему мнению, сконцентрирована сила,

то семья разрушается. Достигаемое лишь целым, не снимает притязания взять на себя то, на что я способен, исходя из своих истоков.

Таким образом, границей универсального порядка существования служит свобода индивида, который должен своими силами создавать то, чего никто его лишить не может, ибо в противном случае прекратится существование людей.

Страх перед жизнью

Вместе с феноменальными успехами рационализации и универсализации порядка существования утвердилось сознание грозящего крушения вплоть до страха утратить все то, ради чего стоит жить.

Однако еще до осознания возможности этого ужасного будущего отдельного человека как такового охватывает страх, вызванный тем, что он не может жить оторванным от своих истоков, ощущая себя просто функцией. Современного человека постоянно сопровождает такой никогда ранее неведомый жуткий страх перед жизнью. Он боится утратить свое витальное бытие, которое, находясь под постоянной угрозой, находится более чем когда-либо в центре внимания; и совсем по-иному он боится за свое самобытие, до которого ему не удается подняться.

Страх распространяется на все. Он усиливает неуверенность, если о ней не удастся забыть. Существование может защитить человека от забот лишь без гарантий. Жестокос-тей, совершаемых раньше скрытно, стало меньше, но о них знают, и они представляются страшнее, чем когда-либо. Каждый человек должен, чтобы выстоять, напрячь свою рабочую силу до предела; постоянно возникает беспокойство, вызванное требованием работать еще интенсивнее; ведь известно, что тот, кто не успевает за другими, будет отброшен; люди, которым больше сорока лет, ощущают себя вытолкнутыми из общества. Существуют, правда, обеспечение, страхование, возможность сбережений; однако то, что со-

ответственно современным масштабам считается необходимым минимумом для существования, не обеспечивается государственной и частной предусмотрительностью и всегда оказывается ниже требуемого уровня, хотя человек и не умирает с голоду.

Страх перед жизнью обращается и на тело. Несмотря на увеличивающиеся шансы на долгую жизнь, господствует все увеличивающаяся неуверенность в жизнеспособности. Потребность во врачебной помощи выходит далеко за рамки осмысленной медицинской науки. Если существование более не поддерживается душевными силами, становится невыносимым в невозможности даже постигнуть его значение, человек устремляется в свою болезнь, которая как нечто обозримое охватывает его и защищает.

Страх усиливается в сознании неизбежности исчезнуть как потерянная точка в пустом пространстве, ибо все человеческие связи значимы лишь во времени. Связывающая людей в сообществе работа продолжается лишь короткое время. В эротических связях вопрос об обязанностях даже не ставится. Ни на кого нельзя положиться, и я также не ощущаю абсолютную связь с другим. Кто не участвует в том, что делают все, остается в одиночестве. Угроза быть брошенным создает ощущение подлинного одиночества, которое выводит человека из состояния сиюминутного легкомыслия и способствует возникновению цинизма и жестокости, а затем страха. Существование как таковое вообще превращается в постоянное ощущение страха.

Принимаются меры, чтобы заставить людей забыть о страхе и успокоить их. Организации создают сознание сопричастности. Аппарат обещает гарантии. Врачи внушают больным или считающим себя больными, что им не грозит смерть. Однако это помогает лишь на время, пока человек благополучен. Порядок существования не может изгнать страх, который ощущает каждое существо. Страх подавляется лишь страхом экзистенции за свое самобытие, заставляющим человека обращаться к религии или философии. Страх жизни должен расти, если парализуется экзистенция.

3 -4975Ясперс

65

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Полное господство порядка существования уничтожило бы человека как экзистенцию, не успокоив его как витальное существование. Более того, именно абсолютизированный порядок существования создает непреодолимый страх перед жизнью.

Проблема радости труда

Минимум самобытия заключается в радости, доставляемой трудом, без чего человек, в конце концов, теряет всякие силы. Поэтому сохранение данного ощущения составляет основную проблему технического мира. На мгновение важность ее постигается, но вместе с тем о ней забывают. На длительное время и для всех она неразрешима.

Повсюду, где человеку лишь предоставляется работа, которую ему надлежит выполнить, проблема бытия человека и бытия в труде является решающей для каждого. Собственная жизнь обретает новый вес, радость труда становится относительной. Аппарат навязывает все большему числу людей эту форму существования.

Однако для существования всех необходимы и такие профессии, где невозможно гарантировать работу в ее сущностных аспектах посредством задания и объективно измерить фактическое его выполнение. То, что делает врач, учитель, священник и т. п., нельзя рационализировать по существу его деятельности, так как это относится к экзистенциальному существованию. В этих профессиях, служащих человеческой индивидуальности, результатом воздействия технического мира явился, несмотря на рост умения специалистов и расширения их деятельности, упадок практического применения их профессий. Массовый порядок неизбежно требует, правда, рационализации в наличии материальных средств. Однако то, до каких пределов эта рационализация доходит, а затем сама себя ограничивает, чтобы оставить свободным пространство, где индивид выполняет свои обязанности без предписания, из собственных побуждений,

66

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

становится для этих профессий решающим. Здесь радость труда вырастает из гармонического сочетания бытия человека с деятельностью, которой он отдает все свои силы, так как речь

здесь идет о целом. Эта радость уничтожается, если целое делится универсальным порядком на частичные действия, совершение которых полностью превращается во взаимозаменяемую функцию. Целостность идеи распалась. То, что требовало применения всей своей сущности в длительно протекающей деятельности, теперь совершается посредством простой отработки. В настоящее время сопротивление человека, борющегося за подлинное выполнение своего профессионального долга, еще рассеянно и бессильно; оно кажется неудержимым падением. Примером может служить изменение во врачебной практике. В медицине наблюдается рациональное обслуживание больных, специальное наблюдение в институтах, болезнь делится на части, и больной передается в различные медицинские инстанции, которые переправляют его друг другу. Однако именно таким образом больной лишается врача. Предпосылкой *служит* мнение, что и лечение — дело простое. Врача в поликлинике приучают к любезности, личное доверие к врачу заменяют доверием к институту. Но врача и больного нельзя ввести в конвейер организации. Правда, скорая помощь при несчастных случаях действует, но жизненно важная помощь врача больному человеку во всей продолжительности его существования становится невозможной. Огромное предприятие по врачебной деятельности все более находит свое выражение в учреждениях, бюрократических инстанциях, материальных успехах. Склонность большинства пациентов ко все новым способам лечения какого-либо заболевания совпадает со стремлением к организации у технически мыслящих массовых людей, которые с ложной, обычно основанной на политических соображениях патетикой обещают всем даровать здоровье. Заботу об индивиде вытесняет деятельность технически оборудованных медицинских специальностей. Если этот путь будет пройден до конца, то тип действительно сведущего в вопро-

67

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

сах воспитания и науки врача, который не только говорит о личной ответственности, но и ощущает ее и поэтому может курировать лишь небольшое число людей и помочь им, находясь в историческом единении с ними, по-видимому, вымирает. Вместо преисполненной человечности профессии выступает радость технически выполненного задания при разделении самобытия и бытия труда, которое для многих видов деятельности неизбежно, но здесь уничтожает само деяние. Однако граница этой системы медицинского обслуживания неизбежно наталкивается на свой предел. Государственная организация медицины начинает страдать от злоупотреблений. Максимальное использование возможных предоставляемых государством преимуществ совращает и пациентов, и врачей; возникает тенденция к заболеваемости, чтобы пользоваться этими преимуществами, стремление принять наибольшее число пациентов как можно быстрее, чтобы в сумме незначительных гонораров получить приемлемую выручку. Этому злоупотреблению пытаются препятствовать посредством законов и контроля, которые, однако, лишь еще более разрушительно действуют на медицинскую практику. Но прежде всего следует заметить, что действительно больной человек все меньше может доверять основательности, разумности и ясности лечения единственным, уделяющим ему полное внимание врачом. Больной больше не находит то, на что он вправе надеяться, если настоящих врачей больше не существует, ибо аппарат, который пытался использовать их в массовом порядке, сделал действенность их практики невозможной.

Примеры других профессий также свидетельствуют о повсеместной угрозе их сущности. Принцип уничтожения радости от профессионального труда заключен в границах порядка существования, который не может создать, но вполне может уничтожить то, что ему необходимо. Отсюда глубокая неудовлетворенность человека, лишенного своих возможностей, — врача и больного, учителя и ученика и т.д. Несмотря на интенсивную, едва ли не превышающую силу работу, сознание подлинного ее выполнения отсутствует.

68

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

Все безудержнее то, что может существовать только как личная деятельность, превращается в предприятие, чтобы достигнуть смутной цели коллективными средствами, полагая, что массу можно удовлетворить как некую стоящую выше отдельных людей личность. Идея профессий отмирает. Сохраняются частные цели, планы и организации. Самое непонятное состоит в том, что же уничтожено, если учреждения, как таковые, находятся технически в безупречном порядке, а человек, который хочет быть самим собой, все-таки не может в этих условиях дышать.

Спорт

Самобытие как жизненная сила находит выход в спорте как остатке возможного удовлетворения непосредственного существования в дисциплине, пластичности, ловкости. Подчиненная воле телесность убеждается в своей силе и своем мужестве; открытый силам природы индивид обретает близость к миру в его элементах.

Однако спорт как массовое явление, организованный в виде обязательной, подчиненной правилам игры, направлен на то, чтобы отвести в иную сферу инстинкты, которые могут стать опасными для аппарата. Заполняя свободное время, спорт служит успокоению масс. Воля к проявлению жизненной силы в виде движения на воздухе и на солнце ищет для такого наслаждения своим существованием общества; тогда спорт теряет свою связь с природой и лишается плодотворного одиночества. Желание борьбы требует величайшей ловкости, чтобы ощутить в соперничестве свое превосходство; целью становится рекорд. Участники в спорте ищут в своем сообществе публичности, им необходимы оценка и успех. В правилах игры заключена форма, которая учит и в действительной борьбе придерживаться правил, облегчающих общественное существование. То, что недоступно массе, чего она не хочет для самой себя, но чем она восхищается как героизмом, которого она,

69

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

собственно говоря, требует от себя, показывают смелые свершения других. Альпинисты, пловцы, летчики и боксеры рискуют своей жизнью. Они являются жертвами, лицемерие которых воодушевляет, пугает и умиротворяет массу, и которые порождают тайную надежду на то, что и самому, быть может, удастся достигнуть когда-либо чрезвычайных успехов. Возможно, что этому сопутствует и то, что привлекало массу уже в цирке Древнего Рима: удовольствие, испытываемое от опасности и гибели далекого данному индивиду человека. Подобно экстазу при виде опасных спортивных достижений, дикость толпы проявляется в чтении детективов, горячем интересе к сообщениям о ходе судебных процессов, в склонности к необузданному, примитивному, непонятному. В ясности рационального существования, где все известно или может, безусловно, стать таковым, где нет больше судьбы и остается лишь случайность, где целое, несмотря на всю деятельность, остается безгранично скучным и совершенно лишенным тайны, человек, полагая, что он лишен судьбы, связывающей его с глубинами тьмы, стремится, по крайней мере, к лицемерию эксцентрических возможностей, и аппарат заботится об удовлетворении этой потребности.

Во что вследствие таких массовых инстинктов превращается спорт, отнюдь не объясняет явление современного человека в спорте. Вне организованного занятия спортом, в котором зажатый в производственном механизме человек ищет лишь эквивалент непосредственного самобытия, в этом движении все-таки ощущается известное величие. Спорт — не только игра и рекорд, он также порыв и напряжение сил. Сегодня он — как бы требование, обращенное к каждому. Даже отличающееся утонченностью существование отдается его естественной импульсивности. Часто современный спорт сравнивают с античными играми. В те времена спорт был подобен косвенному сообщению о себе выдающегося человека в его божественном происхождении; теперь об этом не может быть и речи. Правда, современные

70

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

люди также хотят представлять собой нечто, и спорт становится мировоззрением; люди стараются избавиться от судорожного напряжения и стремятся к чему-то, но связанная с трансцендентностью субстанция здесь отсутствует. Тем не менее, как бы вопреки окаменевшей современности, этот порыв существует, хотя нежеланный и лишенный общего содержания. Человеческое тело создает свое право в такое время, когда аппарат без всякого снисхождения уничтожает человека. Вокруг спорта царит нечто, несравнимое с античностью в своей историчности, все-таки родственное ей, хотя и нечто иное. Современный человек, конечно, не становится греком, но он и не фанатик спорта; он представляется караемым в существовании человеком, которому грозит опасность, как в постоянной войне, и который, устояв под почти невыносимым бременем, бросает копьё.

Однако если спорт и представляется границей рационального порядка существования, его одного недостаточно, чтобы человек обрел себя. Закалкой тела, ростом мужества и

овладением формой он еще не может преодолеть опасность утраты самого себя.

Руководство

Если бы развитие в направлении универсального порядка существования вобрало в себя мир человека как отдельного индивида, то, в конце концов, исчез бы и сам человек. Тогда должен был бы распасться и аппарат, ибо он уничтожил и людей, без которых он не способен существовать, ибо так организация может, правда, указать каждому его функцию и количество того, что должно быть произведено и потреблено, но не может создать человека, который находится во главе управления. Бессмысленно человек допускает высшую трату сил, когда от него самого больше не зависит ничего существенного и отсутствует напряженное внимание в помыслах о правильном внутри постоянно данного неизменным наличного целого. Введенный в аппарат

71

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

и подчиненный чужой воле, он только отрабатывает заданное; если же ему надлежит принять какое-либо решение, он делает это как бы случайно в пределах своей функции, не вникая в суть вещей. Трудности преодолеваются посредством насильственных правил или в покорности бездумного послушания. Однако лишь в подлинном, данном под личную ответственность приказе и в подлинном, основанном на понимании дела послушании, т.е. в среде людей, являющихся самими собой, удается создать деловую, создающую мир общность действий, когда человек, осуществляющий управление, знает тех немногих, независимому суждению которых он открыт, и готов вместе с ними склониться перед инстанцией, незримо присутствующей в его душе. Там же, где все заключено в аппарате и исчезает явная опасность, в силу которой удача или неудача влечет за собой суждение о действующих лицах, человек лишен инициативы. Аппарат, правда, и требует только работы, лишенной всякой инициативы; однако функционировать он может только до тех пор, пока на решающих постах, самостоятельно погружаясь в свой мир, находятся люди, отдающиеся своему делу. Если в будущем таких людей не окажется, потому что им с юности не будет предоставлена возможность развития, то и аппарат прекратит свое существование. То, что на границах аппарата казалось угрозой, создаваемой независимостью суших в своей самости людей, оказывается условием его сохранения в неминуемом преобразовании.

Следовательно, значение индивида как руководителя не исчезает при господстве массы в аппарате; однако теперь совершается особый отбор среди тех, кто может быть таковым. Значительные люди отступают перед людьми дельными. Аппарат, обеспечивающий массовое существование, повсюду обслуживается и управляется людьми, сознание которыми этой деятельности служит фактором в достижении успеха. Господство и власть массы сохраняет свое воздействие в структурах, которые она обретает посредством организаций, большинства публики, общественного мнения и в фактическом поведении больших скоплений людей. Но

72

Карл ЯСПЕРС, Жен БОДРИ И АР

господство массы действительно лишь постольку, поскольку отдельный индивид поясняет ей, чего она хочет, и выступает в своих действиях от ее имени. Если в таком аппарате иногда появляется руководитель, чья личность растворяется в его деле для бытия мира, ибо он на протяжении десятилетий оправдывал свое положение постоянным влиянием, то все-таки бывает нужен и такой руководитель, который как бы случайно именно в качестве этого индивида занимает именно это место. Силою обстоятельств он временно становится незаменимым. Однако любое действие может быть осуществлено лишь с привлечением массы, которая должна дать свое согласие, хотя в неожиданно сложившихся ситуациях решительное суждение выносит отдельный человек. Но так как он может попасть в эту ситуацию лишь в том случае, если он в постоянном внимании к мнению толпы как бы воспитан для того, чтобы быть ее функционером, то, став выразителем ее сущности, он никогда не будет действовать, противореча желанию толпы. Он сознает, что представляет собой нечто не сам по себе, а в качестве выразителя желаний стоящей за ним толпы. По существу, он столь же беспомощен, как любой другой, совершая то, что должно отразить усредненную волю толпы. Без этой воли он ничто. То, чем он может быть, измеряется не соответственно какой-либо идее, не соотносится с истинно данной трансцендентностью, не обнаруживается исходя из основных свойств человека так, как они проявляются в большинстве и господствующих в качестве подлинной действительности в самом действующем лице. При подобном руководстве в ходе вещей наступает неминуемая путаница. На поворотных пунктах

существования, когда возникает вопрос, ведет ли путь к новообразованию или гибели, вынести решение может тот человек, который по сути своей способен взять в свои руки бразды правления, действуя и не считаясь с волей массы. Если возможность появления таких людей будет уничтожена, то наступит такой конец, который мы даже не можем себе представить. Господство становится в массовой организации призрачным и невидимым. Господство хотели бы вообще уничто-

73

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

жить. При этом игнорируют тот факт, что без господства немислимо существование масс. Отсюда расщепление, управление, переговоры, затягивание, компромиссы, случайные решения и одурачивания. Повсюду существуют различные виды коррупции в интересах частных лиц. Молчаливая осведомленность всех участников позволяет сохранять ее. При огласке какого-либо случая поднимают шум, который быстро утихает из-за туманного сознания того, что обнаружен лишь симптом.

Никто не берет на себя подлинную ответственность; делается вид, что один человек решить вопрос не может. Действуют различные инстанции, контроль, решения комиссий — одни сваливают решение на других. В основе — авторитет народа в качестве массы, которая принимает решение посредством выборов. Но это и не господство массы как одного существа, и не предоставление отдельным лицам права принимать ответственные решения и действовать; это — авторитет метода в качестве упорядочения, которое освящено видимостью интереса целого и на которое в одном из его бесконечно меняющихся образов в конце концов падает ответственность. Каждый человек — лишь колесико, он лишь участвует в решении, но не решает действительно. Реальная политика понимается только в одном смысле; предоставить развитию идти своим ходом, а затем ограничить свои действия в соответствии с санкцией слепо развивающейся действительности. Иногда отдельный индивид получает громадную власть, однако, не подготовленный к этому своей жизнью в целом, он способен использовать ее в отдельных случаях лишь в особых интересах или чисто доктринерски — в соответствии с теориями. Каждый, кто оказывается на виду у публики, становится предметом сенсации. Масса выражает восторг или возмущение там, где, по существу, не происходит ничего решающего. Люди действуют как бы в густом тумане, если не приходит к господству и не становится значимой сама воля человека, которая происходит из иных истоков и противопоставляет себя общему порядку существования.

Кризис

То, что в течение тысячелетий составляло мир человека, в настоящее время как будто потерпело крушение. Мир, возникающий в качестве аппарата обеспечения существования, принуждает все служить ему. То, чему в нем нет места, он уничтожает. Человек как будто растворяется в том, что должно быть лишь средством, а не целью, не говоря уже о смысле. Он не может обрести в этом удовлетворение; ему должно недоставать того, что придает ему ценность и достоинство. То, что во всех бедах было непререкаемым фоном его бытия, теперь находится в стадии исчезновения. Расширяя свое существование, он жертвует своим бытием, в котором он обретает себя.

Одно осознается всеми — с тем, что, собственно, и составляет главное в жизни человека, неблагополучно. Все стало сомнительным; всему грозит опасность. Подобно тому как некогда принято было говорить, что мы живем в переходный период и тридцать лет тому назад наше духовное бытие определялось как *fin de siecle**, так теперь в каждой газете речь идет о кризисе.

Ищут основу этого кризиса и приходят к заключению, что это — кризис государственный; если характер правления не ведет к решительному волеизъявлению целого и согласие неустойчиво, то неустойчивым становится все. Иногда говорят о кризисе культуры как распаде духовности или, наконец, о кризисе самого человеческого бытия. Граница абсолютизированного порядка существования выступает настолько резко, что колебание распространяется на все.

В действительности сущность кризиса заключается в недостатке доверия. Если еще сохранялись обязательность формального права, нерушимость науки, прочие условности, то

все это было лишь расчетом, не доверием. Когда все подчиняется целесообразности интересов существования, сознание субстанциальности целого исчезает. В самом деле,
Конец века (франц.)

74

75

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

сегодня невозможно доверять ни вещи, ни должности, ни профессии, ни лицу до того, как обретена уверенность в каждом данном конкретном случае. Каждому сведущему человеку известно об обманах, притворстве, ненадежности и в сфере его деятельности. Существует доверие только в самом маленьком кругу, но не доверие в рамках целого.

Все охвачено кризисом, необозримым и непостижимым в своих причинах, кризисом, который нельзя устранить, а можно только принять как судьбу, терпеть и преодолевать. Необозримость кризиса можно, в общем, приблизительно определять четырьмя способами.

Все технические и экономические проблемы принимают планетарный характер. Земной шар стал не только сферой переплетения экономических связей и единства технического господства над существованием; все большее количество людей видят в нем единое замкнутое пространство, в котором они соединены для развития процесса своей истории. В мировой войне впервые участвовало все человечество.

Объединение людей земного шара привело к процессу нивелирования, на который мы взираем с ужасом. Всеобщим сегодня всегда становится поверхностное, ничтожное и безразличное. К этому нивелированию стремятся, будто оно создаст единение людей. В тропических плантациях и в северном рыбацком поселке демонстрируются фильмы столиц. Одежда повсюду одинакова. Одни и те же манеры, танцы, одинаковый спорт, одинаковые модные выражения; месиво, составленное из понятий Просвещения, англосаксонского позитивизма и теологической традиции, господствует на всем земном шаре. Искусство экспрессионизма было в Мадриде таким же, как в Москве и Риме. Всемирные конгрессы ведут к усилению этого нивелирования, поскольку там стремятся не к коммуникации Гетерогенного, а к общности религии и мировоззрения. Расы смешиваются. Исторически сложившиеся культуры отрываются от своих корней и устремляются в мир технически оснащенной экономики, в пустую интеллектуальность.

Этот процесс только начался, но каждый человек, даже ребенок, втянут в него. Упоение расширением пространства

76

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

уже начинает превращаться в ощущение его тесноты. Нам кажется странным, что Цеппелин, пролетая над Сибирью, еще не встречал людей, убежавших и прятавшихся от него. На кочевников взирают как на остановившееся прошлое.

Прежде всего, бросается в глаза необратимая утрата субстанциальности, остановить которую невозможно. На протяжении столетий физиогномика поколений все время снижается, достигая более низкого уровня. В каждой профессии наблюдается недостаток в нужных людях при натиске соискателей. В массе повсюду господствует заурядность; здесь встречаются обладающие специфическими способностями функционеры аппарата, которые концентрируются и достигают успеха. Путаница, вызванная обладанием почти всеми возможностями выражения, возникшими в прошлом, почти непроницаемо скрывает человека. Жест заменяет бытие, многообразие — единство, разговорчивость — подлинное сообщение, переживание — экзистенцию; основным аспектом становится бесконечная мимикрия.

Существует духовная причина упадка. Формой связи в доверии был авторитет; он устанавливал закон для неведения и связывал индивида с сознанием бытия. В XIX в. эта форма полностью уничтожена огнем критики. Результатом явился, с одной стороны, свойственный современному человеку цинизм; люди пожимают плечами, видя подлость, которая происходит в больших и малых масштабах и скрывается. С другой стороны, исчезла прочность обязательств в связывающей верности; вялая гуманитарность, в которой утрачена гуманность, оправдывает посредством бессодержательных идеалов самое ничтожное и случайное. После того как произошло расколдование мира, мы осознаем разбожество мира, собственно говоря, в том, что нет больше непререкаемых законов свободы, и их место

занимают порядок, соучастие, желание не быть помехой. Но нет такого воления, которое бы могло восстановить истинный авторитет. Его место заняли бы только несвобода и насилие. То, что могло бы заменить авторитет, должно возникнуть из новых истоков. Критика всегда служит условием того, что

77

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

могло бы произойти, но созидать она неспособна. Некогда положительная жизненная сила, она сегодня рассеялась и распалась; она направляет свое острие даже против самой себя и ведет в бездну случайного. Смысл ее уже не может состоять в том, чтобы выносить суждения и решения в соответствии со значимыми нормами, ее истинная задача теперь в том, чтобы подступить близко к происходящему и сказать, каково оно. А это она сможет лишь в том случае, если она вновь будет одухотворена подлинным содержанием и возможностью создающего себя мира.

На вопрос, что же теперь еще осталось, следует ответить: сознание опасности и утраты в качестве радикального кризиса. Сегодня это сознание — лишь возможность, а не обладание и гарантия. Всякая объективность стала двусмысленной; истина как будто заключена в невозвратно утраченном, субстанция — в беспомощности, действительность — в маскарade. Тот, кто хочет преодолеть кризис и достигнуть истоков, должен пройти через утраченное, чтобы, усваивая, вспомнить; измерить беспомощность, чтобы принять решение о себе самом; испробовать маскарad, чтобы ощутить подлинное.

Новый мир может возникнуть из кризиса не посредством рационального порядка существования как такового; человек, являющийся чем-то большим, чем он создает в рамках этого порядка, обретает себя посредством государства в воле к своей целостности, для которой порядок существования становится просто средством, и в духовном творении, посредством которого он приходит к сознанию своей сущности. На обоих путях он может вновь удостовериться в истоках и цели, в своем бытии человеком — в благородном и свободном самосозидании, утраченном им в том, что было лишь порядком существования. Если он полагает обрести в государстве существенное, то вскоре поймет, что государство само по себе еще не все, а лишь сфера осуществления возможного. Если же он доверится духу как бытию в себе, то присутствие его в каждой существующей объективности начнет вызывать у него сомнение. Он должен вернуться к

78

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

началу, к бытию человеком, которое придает государству и духу полнокровность и действительность.

Тем самым человек привносит относительность в единственную связь, способную охватить всех, внешний порядок мира рассудочного целенаправленного мышления. Однако истина, создающая в человеке ощущение общности, является чисто исторической верой, которая никогда не может быть верой всех. Конечно, истина разумного понимания одна для всех, но истина, которой является сам человек, достигающая в нем ясности, отделяет его от других. В бесконечной борьбе исконной коммуникации возгорается чуждое в столкновении друг с другом; поэтому человек, который достиг своей сущности в духовной ситуации современности, отвергает насильственно навязываемую всем веру. Единство целого в качестве постигаемого остается историческим для данного государства, дух остается связанным с его истоками жизнью, человек — его специфической незаменимой сущностью.

ВОЛЯ В ЦЕЛОМ

Неизбежность порядка существования находит свою границу в человеке, не растворяющемся в функции, а также в том, что не может быть только одного, и притом окончательного, порядка существования. Человек, который хочет не только просто существовать, решает, какой порядок будет избран и утвержден; в противном случае человек полностью отдается во власть существования и подчиняется его решениям.

Решение, принимаемое человеком внутренне о своей сущности, является, правда, главной инстанцией его бытия, однако действительностью в мире оно может обладать лишь в зависимости от характера власти, в рамках целого, в котором люди могут прийти к единству воли в вопросе об устройстве мира и своего самоутверждения в нем. То, чем человек

действительно становится, зависит от воления этой

79

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

власти, определяющей существование в целом как историческую конкретность; зависит это также от воспитания, которое сознательно направляет определенным образом передачу человеческих возможностей от поколения к поколению.

Если действительность целого осознается как инстанция последнего решения, то рычагом, посредством которого проводится в жизнь решение, становится воля государства.

Государственная воля — это воля человека обрести свою судьбу, что он никогда не может совершить в качестве отдельного индивида, а может только в своей общности посредством смены поколений. Государственная воля сразу же обнаруживает себя во множестве борющихся государств и в своем внутреннем напряжении, связанном с формированием своего определенного исторического образа. Для государственной воли порядок существования не является больше лишь предметом рационального планирования для всех людей, а становится предметом исключаящего все остальное решения посредством применения своей власти. Она, правда, исходит из идеи государства благосостояния как экономической системы, однако направлена посредством него на самого человека.

Поскольку государство не может создать человека своей планомерно направленной волей, оно создает ему, по идее, область полнейших возможностей. Воля государства вынуждена прокладывать себе путь через неразрешимые трудности. Его особое положение в мире (в качестве всемирно-исторической ситуации) заставляет его усиливать свою мощь за счет раскрытия в нем человеческого бытия. И наоборот, человеческое бытие заставляет его ограничивать усиление своей мощи, если эта мощь направлена на уничтожение смысла и назначения человека — создать наивысший тип человека. Если когда-либо в государственном деятеле или солдате это внутреннее напряжение на мгновение смягчается и вызывает в нем возвышение человека, который благодаря этому усилит мощь своего государства, то на длительное время это напряжение между тем, чего требует

80

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИ И АР

ситуация данного момента, и единственно существенной целью — тем, во что превратится человек, устранено быть не может. Поэтому государственная воля может пасть до оппортунистической политики момента во имя внешнего успеха; может также в плену духовного идеала игнорировать действительность момента и неправильно оценить всякое существование. Конкретное содержание государства составляет свобода в выполнении человеком многообразия профессиональных идей, которые не могут быть осуществлены как простые функции внутри аппарата; субстанцию этого составляют люди, следующие посредством воспитания своей исторической традиции. В обоих случаях государство, обеспечивая массовый порядок, потому что этот порядок сохраняется только благодаря ему, может одновременно служить и защитой от этого массового порядка.

В той мере, в которой действует сознательная воля, будущее полностью зависит от политической и педагогической деятельности. Напрягать волю в бессилии перед ходом вещей, воздействовать на них — в этом мужество самобытия действующего в политике человека; в бессилии перед сложившимся типом человека все-таки делать все возможное, чтобы посредством передачи глубочайшего содержания традиции придать человеку благородство, заключена сила воспитателя.

Государственное сознание

Обретя государственное сознание, человек пришел к познанию насилия как возможного осуществления власти, всегда решающей проблему состояния и движения вещей. Государство притязает на монополию легитимного применения насилия (Макс Вебер).

Этим было достигнуто двоякое: исключение применения насилия из человеческого существования, которое теперь мирно следует правилам и законам, и рост насилия в един-

81

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ственном месте, чье существование подчеркнуто выражает, что без насилия или возможного насилия существование людей невозможно. Применение насилия, которое раньше было рассеянно, теперь сконцентрировано. Человек, всегда готовый прежде силою оружия защитить и увеличить сферу своего существования, становится средством технического

осуществления насилия, введенного в определенное русло государством. К профессиональным полицейским относятся лишь немногие, в случае войны в армию призываются все. Государство есть власть, которая существует посредством угрозы применить насилие или выносит свое решение, осуществляя его. В зависимости от ситуации эта власть чрезвычайно усиливается или доводится до минимума.

Духовная ситуация должна бы состоять для индивида в притязании занять определенную позицию по отношению к действительности этой власти, которая, поскольку он существует только благодаря ей, в каком-то смысле и его власть. Тогда государство выступало бы не как слепая природа любого насилия, а как результат духовных актов, которые в своей свободе все-таки признают себя связанными действительностью, такой, как она есть здесь и сейчас.

Государство может погрузиться в хаос тупого насилия, но может и возвыситься в качестве идеи воли, которая направлена на такое бытие человека и для этого захватывает власть. Поэтому государство либо теряется в пустом насилии, пользуясь интеллектуальной софистикой, и тогда оно подобно природе, которая может меня уничтожить и уничтожит, по существу, оставляет меня в моем бессилии равнодушным; либо, если смутное притязание действительности проясняется в духовно осознанной воле, государство — исторически обусловленная субстанциальная власть. В настоящее время духовная действительность государства как бы распалась, но еще не исчезла.

Когда государство обладало авторитетом легитимированной божеством воли, люди покорялись меньшинству и терпели то, что происходило, видя в этом провидение. Однако, если, как это происходит сегодня, люди осознали, что дейс-

82

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

твия государства, как таковые, уже не являются выражением божественной воли, обязательной для всех, они видят в этом проявление человеческой воли, участвовать в осуществлении которой может быть целью каждой индивидуальной воли. Человек живет в массовом устройстве между полюсами мирного аппарата обеспечения его существования и в ежеминутно ощущаемой власти, в направленность и содержание которой он хочет проникнуть, так как стремится оказывать на нее влияние.

Человек не может больше скрывать от себя действительное наличие силы, например, тем, что видит в ней остатки прошлых, якобы доступных преодолению страхов. Для непредвзятого взора сегодня очевидно, что каждый порядок сохраняется только посредством силы потому, что наталкивается на границы чуждой ему воли. Рассматривается ли такой порядок как сдерживающий это зло или сам в своей абсолютизации как зло, в государстве как форме монополизирующего насилия люди вступают на темную почву своего совместного существования, где всякое действие, если эта сила сама по себе зла, выступает как договоренность с тем, что неразумно и противно природе человека. Лишь по этой причине решительная воля входит в континуум исторической возможности, или в этой воле тонет лишенная решения деятельность, связанная с раздробленными минутными интересами, и ее власть. Наше общественное существование пребывает во времени, будучи сформировано этой силой.

Государство, само по себе не легитимное и не нелегитимное, есть, не обладая глубокими корнями, основывающее самого себя существование воли, к которой перешла власть и которая сама себе ее предоставила. Поэтому вокруг государства и между государствами всегда идет борьба. Ибо власть никогда не бывает всеисключающей властью населяющих мир людей, но лишь одной властью наряду с другими, действующей совместно с ними и против них. Правда, всегда ищут законный порядок, но каждый существующий порядок так или иначе основан на актах насилия, которые

83

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

в борьбе и войне определили, в рамках какого рода зависимости и на основе каких принципов этот порядок будет существовать. Полного покоя не бывает; ситуации меняются, силы, на концентрации которых основана власть, слабеют или растут. Вместо государства человечества может быть лишь беспокойство всей совокупности человеческого существования посредством идентификации себя с собственной исторической ситуацией.

Нет никакого смысла ни обожествлять государство, ни считать его дьявольским порождением. Патетические разглагольствования такого рода обычно лишь делают слепым к действительности, вместо того чтобы довести до сознания, чем определено существование. Существенное различие между людьми состоит в том, охвачены ли они внутренне историческим изменением существования, видя в нем нашу судьбу, или слепо пребывают в успокоенности иллюзорного мира дружелюбных чувств к людям или неудовольствия, в наслаждении своим существованием или вызванным им страданием до тех пор, пока непредвиденный крах не откроет им ничтожество их иллюзий.

После расколдования мира, которое по-настоящему поставило государство в центр вопросов и исследований, духовная ситуация настоящего позволяет каждому вступить в это пространство совместного существования людей. Человек видит ужас мира человеческой деятельности в действительности государства как безжалостной непреклонности. Тот, кто не был парализован страхом, не предал это забвению или маскировке, хочет проникнуть в точку соучастия в знании этой действительности человеческой деятельности и принятия решений, где он сможет уяснить себе, чего он сам хочет не вообще и повсюду, а исторически вместе с людьми, в которых он видит подлинное человеческое бытие.

Ухватить политическую сторону этого — настолько дело людей высокого ранга, что едва ли можно ожидать, будто кто-нибудь сможет одолеть эту высокую задачу. Существуют две противоположные возможности несостоятельности.

В одном случае человек не принимает участия в ходе вещей. Правда, принимают в расчет выгоду в случайных

84

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

обстоятельствах собственного существования. Но целое считают делом других, профессией которых это является. В самом деле, человек повсюду наталкивается на действие насилия в бытии существующего порядка. То или другое он считает несправедливым или бессмысленным. Но терпит это как нечто чуждое, за что он не несет ответственность. Он настолько последователен, что даже не обвиняет. Безразличный по отношению к тому, что происходит, человек внутренне не откликается на это. Он с легкостью признает, что недостаточно осведомлен ни о возможностях вообще, ни о сложившейся ситуации, и поэтому воздерживается как от суждения, так и от действий. Такая аполитичность — отказ от вмешательства того, кому незачем знать, чего он хочет, ибо он хочет только одного: осуществлять себя в своем, лишенном мира самобытии, как бы в лишенном времени пространстве. Историческую судьбу людей он принимает в пассивном терпении, так как он верит в бытие как во внеисторическое спасение души. Ему неведомо чувство ответственности, свойственное тому, кто только в мире есть он сам и считает себя виновным в том, что происходит, если он не сделал того, что было в его силах, чтобы позаботиться о том, что должно было произойти.

В другом случае люди слепа бросаются в политическое воление. Они недовольны своим существованием и обвиняют обстоятельства, в которых ищут единственную причину, вместо того чтобы искать ее в себе самих. В них действует инстинкт ненависти, а также воодушевления, но, прежде всего, инстинкт воли к власти как таковой. Несмотря на то, что они не знают того, что им уж следовало бы знать, а также чего они, собственно, хотят, они говорят, выбирают, действуют, как будто это им известно. Опрометчивое заключение сразу же ведет от ничтожного знания к неистинной безусловности фанатизма. Это шумное соучастие — самое распространенное явление мнимой политической осведомленности и воления; в своей шаткости оно движется во времени, способное вызывать и пробуждать беспокойство, но неспособное идти определенным путем.

85

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Сегодня для тех, кто не оказывается несостоятельным, задача заключается в том, чтобы жить вместе с другими в государстве, которое не обладает сиянием авторитета, которое бы свидетельствовало о сверхчувственном оправдании его определенной деятельности в настоящем и не может быть упрочено как доступный рационализации центр планомерного обеспечения людей всем необходимым. Сознательно стоять на этой почве, посредством

которой существует все человеческое существование, является подлинным государственным сознанием. То, что человек внутренне признает эту связь, заставляет его окончательно поставить вопрос о бытии человека. Здесь исчезают все иллюзии, позволяющие грезить о гармоническом существовании в правильном устройстве мира. Здесь не разрешено окончательное знание о сущности государства даже как знание о чудовище, которое приняло форму законности. Здесь в необозримом переплетении человеческих действий и желаний человек в его ситуациях отдан во власть исторического процесса, движение которого совершается в действиях политической власти, но обозреть который как целое невозможно. На этой основе слепые желания, страстное возмущение, нетерпеливое стремление к владению теряют свой смысл. Лишь длительное терпение при внутренней решимости к внезапному вмешательству, обширное знание, остающееся сверх обязательного действительного открытым бесконечному пространству возможного, может здесь достигнуть чего-либо — большего, чем просто хаос, уничтожение, покорность логике хода вещей. Обрести в бессилии-все-таки свободу действия человеку особенно трудно, если, как обстоит дело сегодня, основа должна быть найдена в чисто мирской сфере; за то, что раньше совершалось по указанию божественного авторитета государства, теперь человек несет ответственность сам; в напряжении, ослабления которого ожидать невозможно, он, проходя через конечные цели, ищет путь, конец которого ему неизвестен. И все-таки это то место, где, в отличие от способа разумно обеспечивать существование, то, что есть, открывается лишь тому, кто, несмотря на все, способен взирать на трансценденцию...

86

Кари ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

Смыслу порядка существования общества человек служит трудом, обеспечивающим его собственное существование в этом обществе. Всякое разумное планирование направлено на улучшение существующего строя и его функций, на устранение помех, на достижение справедливости, законности и мира. Импульсом этого действованиия служит социальное ощущение государственности.

Но есть неизбежные границы: к ним относятся свойства людей массы, неизбежная безжалостность социального и биологического отбора; неравномерное ограничение жизненной сферы большинства людей; различие рас, характеров и способностей; различный прирост населения в отдельных группах. Поэтому государство следует рассматривать не только в его функции обеспечения законного порядка, но и как сферу борьбы за характер и направленность неизбежного где-либо применения насилия. Человек был во все времена обременен страданием. Сегодня он сознательно хочет от него освободиться посредством наиболее правильного устройства мира в целом. Поскольку выполнение этого желания невозможно, ощущение социального характера государства заменяется сознанием государственной судьбы. В качестве средоточия жизни целого государство является не путем к окончательному устройству единого целого, а ситуационной властью определенного государства в период, когда существуют данные средства техники и данные возможности человеческого бытия. Поэтому только в абстрактном понимании духовная ситуация государства и общества является всеобщей ситуацией времени. В качестве действительной может рассматриваться только ситуация исторического отдельного государства, отправляясь от которого взирают на другие государства. Ослабление человеческой индивидуальности может, правда, дойти до того, что индивид меняет свою принадлежность определенному государству или вообще теряет государственную принадлежность, живет где-либо как гость, которого терпят. Однако историческое воление человека может стать действенным лишь в идентификации его с отдельным государством. Ник-

87

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

то не растает без ущерба со своей страной. Если он чувствует себя вынужденным к этому, то он не теряет, правда, возможность быть самим собой, свое сознание судьбы, но теряет участие в обосновывавшем его самом целом, свой действительный мир.

Методы и сфера власти политической деятельности

Поскольку государственная власть не единственна, а лишь одна индивидуальность наряду с

другими и поскольку в ней заключены и возможности других порядков, кроме существующего, власть переходит в насилие, как только договорное или фактическое единение перестает действовать. Границами обеспечения существования являются война и революция, и в зависимости от их результата меняется основа его действия и закона. Несмотря на то что их всячески стараются избежать, они остаются в качестве возможностей нерешенным вопросом всякого существования. Если хотят любой ценой предотвратить войну, то все равно придется вступить в нее, причем слепо, когда окажется, что создана такая ситуация, при которой без войны неизбежно уничтожение или рабство. Если же стремятся, во всяком случае, по мере своих сил избежать войны, то жестокая действительность заставляет ежеминутно считаться с ее возможностью и ясно понимать все время, что значит «любой ценой».

В войне как фактическом действии насилия судьба выносит решение на пути обдуманых политических решений посредством физического решения. Войне свойствен пафос — жертвовать жизнью за веру в безусловную ценность собственной сущности. Лучше умереть, чем быть рабом. Чем яснее, исходя из собственной воли, сражающийся понимает, о чем идет речь, тем возможнее этот взлет в человеке. Чем дальше он от этого, тем в большей степени тот высокий импульс превращается в неистинную романтику.

В настоящее время смысл войны изменился; она уже борьба не за веру, а за интересы, борьба не подлинных куль-

88

турных сообществ, а государств, не только борьба людей, а техническая борьба машин друг с другом и с пассивным населением. В войне уже человеческое благородство не борется за свое будущее. Она не приводит более к историческим решениям, как победа греков над персами, которая вплоть до сего дня служит основой экзистенции западноевропейской личности, или как победа римлян над карфагенянами, которая это гарантировала. Если результат войны ничего не меняет в мире, а приводит только к разрушениям и одна группа людей, существенно не отличающаяся по своей природе от группы побежденных, получает большие выгоды в будущем, то истинный пафос веры в бытие, судьба которой решается, отсутствует. Поскольку то, что люди рискуют жизнью, само по себе еще не создает содержания, в последней войне между солдатами, сражавшимися не на жизнь, а на смерть, могла возникнуть своеобразная солидарность; существовала общность в необходимости переносить трудности, в которых каждый должен был проявить свою стойкость, готовность быть принесенным в жертву. Выдержка при постоянной опасности, связанной с непредвидимой и непреодолимой случайностью, требовала, несмотря на изнурение, в определенные моменты присутствия духа для принятия решения. В этой ситуации мужество создало тихий, новый, неведомый истории до той поры героизм. Но именно это мужество не берет на себя ответственность за создание ситуации, при которой все вынуждены воевать. Отсюда воззвание; «Больше никогда не должно быть войны».

Однако мы не видим гарантии того, что европейские народы не будут больше воевать. Возможность мира, к которому стремятся, могла бы стать реальной благодаря тому, что техническое развитие оружия заставит признать невозможность войны в Европе, так как в условиях ограниченного пространства нападающая сторона будет также уничтожена. Однако остается возможность новой войны, более страшной, чем все предыдущие, которая приведет к уничтожению населения современной Европы. Даже если экономические вопросы и урегулированные договорами проблемы будут

89

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

решены, останется нерешенным вопрос, есть ли в человеке нечто подобное темной и слепой воле к войне — стремление к иному, к выходу из повседневности, из стабильности обстоятельств, нечто подобное воле к уничтожению и жертвенности, туманный энтузиазм, направленный на создание нового мира, или далекая от действительности рыцарская жажда борьбы; воля к самоутверждению, стремящаяся доказать, на что она способна, и предпочитающая пассивному ожиданию смерти в конце бессмысленного существования свободно избранную смерть. Быть может, в глубинах духа есть нечто время от времени пробуждающееся, когда чувственное впечатление действительной войны забыто. Тогда задача

подлинного вождя — не только пацифистски бороться против этого, чтобы длительный мир дал бы, по крайней мере, созреть необходимым возможностям, но и предусмотрительно наполнить войну, если предотвратить ее в данной конstellации уже невозможно, содержанием исторически релевантного решения. В настоящее время следует признать, что ни для полного мира, ни для исторически содержательной войны возможность не обнаруживается, и все-таки человек продолжает жить в напряжении порядка существования и насилия, *circulus vitiosus**, боязни войны и увеличения вооружения для обеспечения своей безопасности — оно, в свою очередь, ведет к войне, которую хотели предотвратить; этот круг может быть прорван либо одной силой, сложившейся из единения людей, обладающих средствами ведения войны, либо посредством неведомой нам судьбы, пролагающей путь из разрушения к бытию нового человека. Желать такого пути было бы бессильной слепотой, но тот, кто не заблуждается, должен быть готов к нему как к возможности.

Методы политической деятельности до применения насилия должны заключаться в формировании воли, способной привести массы к единению. Однако в аппаратах массы каждая воля обладает своеобразной неуловимостью. В напряжении между лидером и массой заключена определен-

Порочный круг (*лат.*)

90

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

ная тенденция: в тот момент, когда одна сторона стала действенной, парализовать ее посредством другой.

Всемирно-историческим основным политическим вопросом нашего времени является вопрос о том, можно ли демократизировать массы, способен ли вообще средний по своей природе человек фактически включить в свою жизнь ответственное соучастие в качестве государственного подданного посредством соучастия в знании и в принятии решений об основных направлениях политики. Нет сомнения в том, что сегодня избиратели в подавляющем большинстве следуют не основанному на знании убеждению, а непроверяемым иллюзиям и неистинным обещаниям; что пассивность тех, кто не участвует в выборах, играет большую роль; что колеблющееся меньшинство, бюрократы или отдельные лица господствуют благодаря случайно сложившимся ситуациям. Масса может принять решение только посредством большинства. Борьба за большинство, пользуясь всеми средствами пропаганды, внушения, обмана, следования частным интересам, является, по-видимому, единственным путем к господству.

Подлинный лидер, который на протяжении своей жизни хочет указывать путь и может принимать решения, появляется лишь там, где он находит подготовленную почву. Сегодня вопрос в том, к чему апеллирует лидер, обращаясь к массам? Какие инстинкты пробуждаются, для какого рода способности существуют шансы? Какие характеры исключаются? Тот, кто желает чего-либо достигнуть в политике, должен внушить волею массам. Массы могут быть меньшинством. Однако лидеры, которые в качестве самих себя пользуются доверием у самосуших людей, до сих пор в нынешней ситуации не обнаруживаются. Они — либо постоянно связанные условиями и контролем, наблюдаемые с недоверием выразители ситуации или минутного воления многих, с изменением которого они исчезают; либо неизвестные в своей истинной действительности демагоги, в течение некоторого времени увлекающие массы; либо, наконец, обладатели совместно с неким меньшинством фактической

91

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

военной власти, господствующие посредством этой власти над всеми остальными, хотя те этого или нет.

При такого рода лидерстве государство в эпоху абсолютизации массового порядка свидетельствует в технике и экономике о том, что оно само подвластно тенденциям, разрушающим его в его идее. Оно превращается как хаотическое предприятие в духовной сфере либо просто в единение рационального порядка существования масс с властью, без которой ничего в мире не существует; тогда в распадающемся государственном сознании действительность государства сводится к случайным решениям и неуправляемому чередованию насильственных действий. Либо государственная воля становится в своей реакции против этого диктаторским

восстановлением единства, авторитета, послушания, и тогда в фанатизированном государственном сознании теряется свобода человеческого бытия и остается только сила умной грубости. В обоих этих случаях остается лишь насильственное лидерство, не оправдываемое возвышенным до подлинной человеческой сущности бытием.

Таким образом, политической судьбой всех оказывается как будто отсутствие судьбы, ибо судьба есть лишь там, где самобытие посредством своей активности охватывает существование, вбирает его в себя, осуществляет и подвергает испытанию. Сегодня сфера власти политической деятельности нигде не служит ареной, на которой решается во всемирно-историческом масштабе характер человеческого бытия. Однако эта духовная ситуация все-таки предъявляет каждому возможному самобытию требование достигнуть понимания того, что может быть сделано на основании знания того, что происходит.

Далее, сфера власти не обладает сегодня больше той непосредственной простотой фактических действий, которой отличалась борьба европейских государств. Бесконечно запутанный мир, проникнуть во внутреннее переплетение которого после многолетнего опыта и исследования возможно человеку лишь отчасти, этот мир с его неясными фронтами борьбы, которые надлежит еще осознать как проявление

92

Кара ЯСПЕРС, Жан ВОДРИЙАР

подлинного смысла борьбы, — такова сфера, где действия, не основанные на специальном знании, не более чем бессмысленные попытки. Только ясность ситуации, которая в деятельности все время вновь создается, может сделать эту деятельность осмысленной и действенной.

Если же никто не может действовать длительное время, а самый могущественный проявляет свою власть посредством воли большинства, с исчезновением которой исчезает и он, то он действует в ожидании результата и благоприятного для него исхода выборов, будучи ответственным не перед своим Богом, а перед неуловимой массой. Ему приходится считаться с другими могущественными людьми, находящимися в том же положении. Поэтому сфера власти и практической деятельности явно и неопределенно ограничена переговорами...

Непостижимость целого

Целое в планирующем мышлении есть, во-первых, идея общего состояния, к которому стремятся программы; во-вторых, конкретное всемирно-историческое положение в настоящем.

Могущественными факторами являются, правда, своекорыстные интересы, объединенные в группы общего интереса. Однако выступают они, как бы представляя общие интересы. В программах как духовных образованиях общие интересы выступают в изначально Гетерогенных образах: в виде утопии правильного устройства мира, обеспечивающего существование массы в состоянии вечного мира; в виде метафизики бытия государства самого по себе, которому должно быть подчинено все остальное; в виде этоса, который утверждает изменение мира, опираясь на фактические силы, существующие в данный момент, и не желает ничего знать о будущем, ибо это движение должно открыть непредвидимое будущее; в виде этоса самоограничения со стороны государства и общественного аппарата в пользу неприкос-

93

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

новенных прав человека и пространства, предоставляющих сферу действия возможному бытию людей в его многообразии; в виде исторической жизни народа как нации.

Эти образы борются в духовной сфере и становятся побудительными основаниями для смутных ранее мотивов. Но каждый из них становится неистинным в качестве тотальной программы, поскольку она претендует на абстрактную всеобщность. Ибо политическая деятельность проистекает всегда из конкретной исторической ситуации в необозримом целом; каждый человек, каждая группа и каждое государство находятся только в единственном месте, а не повсюду; всему присуща лишь его возможность, а не возможность человечества вообще. Политическая деятельность — это действительность, схваченная в борьбе в ее последней зависимости и открывающая в фактическом результате свою сущность.

Однако то, что сегодня фронты борьбы неясны, делает столь необычайно трудным в определенной борьбе этих фронтов перемещение из неопределенной воли в подлинную волю. Так, например, понятие народа в качестве целостности, о бытии которого идет речь, сегодня вызывает сомнение, которое не преодолено. Стремления к национализации во всем мире более нетолерантны, чем когда-либо, хотя нация рассматривается в них лишь как усредненная

общность языка в ассимиляции, приближающейся к нивелирующему типу. Нация перестает быть подлинным народом там, где ее принуждают принять несвободу такого самосознания. Наоборот, многие отрицают национальность, считая ее ложным фронтом чуждых им интересов, и верят в неисторический характер народа, присущий всем родственным по своей судьбе массам исторических народов.

Как националистический народ, так и неопределенный народ массы, обеспечиваемый в своем существовании, подавляют сегодня изначальное, связанное с темной основой самобытие своего народа. Ясному сознанию уже невозможно вступить в фронт их борьбы. Тот, кто действительно хо-

94

Кара ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

чет участвовать в судьбе человека, должен достичь более глубокой основы. Историчность собственной сущности в духовной традиции, покоящейся на глубокой основе преемственности крови, есть — когда об этом дискутируют и спрашивают — не просто действительная сила судьбы в ее данности, а лишь в том случае, если она взята и воспринята из свободы. Страшная ситуация современного человека проявляется, когда он не может больше верить в свой народ в тех образах, посредством которых он обладает своей нынешней объективностью и выражает свои требования, но вынужден погружаться в более глубокие слои, из которых он либо выводит субстанциальную историчность своего бытия, либо падает в бездну.

Судьба не может быть насильственно создана в соответствии с идеалом. Она открывается только в конкретной всемирно-исторической ситуации. Исторически данное — это субстанция, которую человек со времен Французской революции, правда, пытался радикально уничтожить. Это равносильно тому, что он сознательно рубит ветку, на которой сидит. Его возможностью как будто стала попытка приложить руку ко всему своему существованию, превратив его в предмет планирования. Когда хотели сделать существование как целое правильным, с одной стороны, возникла опасность его крушения, с другой — угроза возникновения неведомой ранее принудительности; обе они одновременно познаются и переносятся людьми. Любая попытка перерыва или прекращения истории терпит крушение, поскольку, к счастью для духовного состояния, история вновь начинает действовать в измененном образе. Постигнуть настоящий момент всемирной истории — дело политической конструкции, которая должна исходить из конкретного положения. Описать его изолированно невозможно. Политика как эгоистический расчет государственной сферы рассматривает все остальное как изменяемое в зависимости от конstellации союзников или врагов...

Ситуация как будто требует в мирное время активности в духовной борьбе за или против войны. Однако держаться

95

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

этой альтернативы возможно перед лицом непостижимого целого только при гарантии мира для всех посредством могущества одного, которому все согласны подчиниться. Трудность возникает из-за всеобщей маскировки. Возбуждающая волю к войне выставка военного оружия не знакомит население с применением газов, с голодом и смертью. С другой стороны, пацифистские аргументы умалчивают о том, что означает жить в рабстве и подчиняться требованию не оказывать сопротивления. То и другое маскирует основу зла, в котором находят мрачный выход все силы, которые, в конце концов, находят свое выражение в войне. К ним относятся: уверенность в бесспорном превосходстве, считающая собственное существование единственно истинным; неспособность стать на точку зрения другого, исходить из его ситуации, не предавая себя; страх, требующий уверенности и обретающий ее лишь в превосходстве над всеми; удовольствие от власти как таковой; отсутствие истины в отношении к себе и другим, в результате чего жизнь становится хаосом, из которого ищут насильственный выход слепое утверждение, неодолимая страсть и влечение во тьму. Человечность, по существу, не действительна, она зависит от условий, при нарушении которых прорывается дикость звериного своеволия как устанавливающее свое преимущество существование — как это и происходит в отношениях между отдельными людьми в

страшные, обнажающие страсти мгновения, так и между государствами. Вооружение в милитаристском применении: действительно могло бы когда-нибудь в будущем мире сократиться до границы исчезновения. Ибо в переплетении государств существует сила, способная господствовать, не обладая формой господства и заметными милитаристскими средствами. Суверенные по своей форме государства фактически находятся в полной зависимости. Вопрос в том, каким образом сегодня выгода и осуществление мирового господства могут выглядеть иначе, чем когда-либо. То, что бросается в глаза, может не иметь исторического значения. Однако где-то ведь существует точка, где в основе целого лежит,

96

по крайней мере, возможность победоносного применения насилия.

В этой ситуации тот, кто стал соучастником знания о целом, либо хочет участвовать в борьбе на исторически релевантном месте, т.е. для становления подлинного человеческого бытия, либо вообще не участвовать в политической борьбе. Периферийная борьба, результатом которой могут быть лишь разрушения, лишённые исторического воздействия, ниже его достоинства. Ибо безусловность в решимости рисковать жизнью возможна только там, где речь идет о характере человеческого бытия, который должен сохраняться в жизни, следовательно, о собственно исторической судьбе, а не там, где речь идет только об интересах государства и экономических коллективов.

Однако действительность требует другого. Чем является целое в определенной ситуации вне данной перспективы, остается непостижимым. Сегодня мы вряд ли еще можем верить в то, что всемирная история является судом мира, — убеждение Шиллера и Гегеля, осуществление может быть в крушении столь же действительным, как в успехе. Что обладает преимуществом перед лицом трансценденции, никто знать не может.

Целое являет собой напряжение несоединимого. Оно для нас — не предмет, а в неопределенном горизонте местопребывание людей как самосушущих экзистенций, их творений как зримых образов, возвеличение сверхчувственного в чувственном — и все это в погружении в бездну небытия.

Быть может, свобода человека может сохраняться и неизмеримо расширять опыт своего бытия только в том случае, если пребывает неразрешимость напряжения. Как диктатор, так и лишённое судьбы обеспечение масс ведут к механизму, в котором человек в качестве человека не мог бы больше жить. Наша потребность в покое может действительно стремиться к такому решению как единство. Однако то, что мы должны были бы хотеть, если бы можно было того хотеть, это — то, что решение, к которому мы стремимся, никогда не наступит. В области политики парадоксальность состоит

4 - 4975 Яспсрс

97

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

в том, что то, на что направлены все силы, не должно быть завершено.

Воспитание

Становление человека происходит не только посредством биологического наследования, но и существенным образом посредством традиций. Воспитание человека — процесс, который повторяется применительно к каждому индивиду. Посредством фактического исторического мира, в котором вырастает индивид, а в этом мире посредством планомерного воспитания родителями и школой, посредственно свободно используемыми учреждениями, и, наконец, в течение всей жизни посредством всего, что он слышит и узнает, в него входит то, что, объединенное в активности его существования, становится его образованностью, как бы второй его натурой.

Образование делает индивида посредством его бытия соучастником в знании целого. Вместо того чтобы неподвижно пребывать на своем месте, он вступает в мир, и таким образом его существование может быть в своей узости все-таки одушевлено всем. Человек тем решительнее может стать самим собой, чем яснее и наполненнее мир, с которым его собственная действительность составляет единство.

Если субстанция целого бесспорно присутствует, то воспитание, связанное с прочной формой,

обладает своим само собой разумеющимся содержанием. Оно означает строгую серьезность, с которой новое поколение каждый раз втягивается в дух целого как образованность, исходя из которой живут, трудятся и действуют. То, что совершает воспитатель, почти не осознано. Полностью пребывая в своем деле, он служит, не делая экспериментов, потоку становления человеком, который протекает в равномерности уверенного континуума.

Но если субстанция целого стала вызывать сомнение и находится в состоянии распада, воспитание становится не-

98

Кара ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

уверенным и раздробленным. Оно уже не приводит детей к величию всеохватывающего целого, а служит разнообразному опосредствованию. Личная деятельность учителя выступает на первый план, подчеркивается и вместе с тем теряет свое значение, поскольку она не опирается на целое. Предпринимаются различные попытки, чередуются рассчитанные на короткое время содержания, цели и методы.

Мир охватывает беспокойство; сползая в бездну, люди чувствуют, что все зависит от того, каким будет грядущее поколение. Известно, что воспитание определяет будущее человеческое бытие; упадок воспитания был бы упадком человека. И воспитание приходит в упадок, если исторически воспринятая субстанция распадается в людях, которые в своей зрелости несут за нее ответственность. Забота об этой субстанции становится сознанием опасности ее абсолютной утраты. Один обращается назад и хочет передать детям в качестве абсолютного то, что для него самого уже не безусловно. Другой отвергает историческую традицию и занимается воспитанием так, будто оно находится вне времени и состоит в обучении техническому умению, в приобретении реального знания и в умении ориентироваться в существующем мире. Каждый знает — кто завоеует молодежь, обладает будущим.

Симптомом обеспокоенности нашего времени в воспитании является интенсивность педагогических усилий, лишенных единой идеи, необозримая ежегодная литература, рост дидактического искусства, то, что отдельные учителя отдают все свои силы в до сих пор едва ли существовавшей степени. Тем не менее, до сих пор для нашей ситуации характерен распад субстанциального воспитания, замена его бесконечными педагогическими опытами, растворением в безразличных возможностях, неистинной прямолинейности того, что выражено быть не может. Создается впечатление, будто завоеванная человеком свобода сама отказывается от себя в пустой свободе ничтожного. Эпоха, не доверяющая сама себе, озабочена воспитанием, будто здесь из ничего может вновь возникнуть нечто.

99

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Характерна роль молодежи. Там, где воспитание, исходя из духа целого, субстанциально, молодежь сама по себе незрела. Она почитает, слушается, доверяет и не обладает значимостью в качестве молодежи; ибо она — подготовка и возможная призванность для будущего. В условиях же распада молодежь обретает ценность сама по себе. От нее прямо ждут того, что в мире уже потеряно. Она может чувствовать себя истоком. Уже детям разрешено участвовать в обсуждении школьных порядков. Как будто к молодежи предъявляется требование самим создать то, чем уже не владеют их учителя. Подобно тому, как будущие поколения обременяются государственным долгом, они обременяются и следствиями расточительства духовного богатства, которое им предоставляют завоевать заново. Молодежь обретает фальшивый вес и вынуждена оказаться несостоятельной, ибо становление человека возможно, только если он растет на протяжении десятилетий и в строгости формируется посредством последовательности шагов. Если после такого воспитания в смешении безразличного и случайного взрослый человек не входит в мир, остается покинутым и сознает это, то неизбежным признаком времени становится требование образования для взрослых. Раньше по отношению к взрослым людям речь шла только о передаче знания более широким кругам; проблемой была возможность популяризации. Сегодня же возник вопрос, как из истоков данного в настоящем существования создать в сообществе народных учителей, рабочих, служащих, крестьян новую образованность, предотвратить вульгаризацию старой.

Человек в своей оставленности должен не только, понимая, научиться ориентироваться в

действительности, но вновь принадлежать к сообществу, которое, выходя за пределы профессиональной принадлежности и партийности, сближает человека с человеком как таковым; вновь должен возникнуть народ. Сомнительность всего того, что было достигнуто в этом смысле в области образования взрослых, не может препятствовать пониманию всей серьезности поставленной задачи. Если все то, что было идеей, разбивается о

100

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

действительность времени, то взлет в ситуации превращается в невыполнимое, быть может, требование, но в качестве требования оно — остаток человеческого достоинства. Если народа, к которому индивид ощущает безусловную принадлежность, больше не будет — или если этот народ будет существовать только в виде руин, — если все станет массой в неодолимом процессе распада, то становление нового народа превратится в утопическое содержание романтического устремления. Но импульс сохраняет свое право. В настоящее время существует только товарищество друзей, физиогномически зримая действительность отдельных индивидов, воля к коммуникации с чужими, первоначально иначе настроенными людьми. Поэтому образование взрослых в том смысле, как оно понимается сегодня, не есть действительность, а требование вследствие потерянности человека в разрушенном образовании в нашу эпоху, человека, воспитание которого оказалось несостоятельным.

Государство и воспитание

Государство посредством своей власти выступает как гарант любой формы массового порядка. Сама по себе масса не знает, чего она, собственно говоря, хочет. Требования массы сводятся к усредненному, которое может быть выражено в форме вульгарной понятности. Если требования массы вообще определяют содержание воспитания, то лишь следующим образом: учиться тому, что имеет применение в жизни; ощущать близость к жизни, причем под жизнью понимается умение ориентироваться в существовании вплоть до знания правил движения в больших городах; формироваться в личность (под этим понимается, с одной стороны, приспособленность, которую называют деловитостью, с другой — распущенность в качестве уступки склонностям и удовольствиям в том виде, в каком они свойственны всем, что именуют естественностью); препятствовать строгости, связанной с идеей, ибо она создает дистанцию и иерархию

101

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

бытия вместо простой пригодности; видеть свободную от трений жизнь индивидов и уничтожать возможность ответственного за свои действия человека.

Государство, которое само является формой длительного воспитания всех, озабочено воспитанием молодежи. Ибо посредством этого воспитания формируются люди, которые впоследствии будут его опорой. Сегодня государству даны две крайние возможности. Либо оно предоставляет полную свободу в деле воспитания, дает требованиям массы утратить свою силу, пытаясь в борьбе с ними установить аристократическую форму воспитания. Государство господствует без единства и устойчивости в этой сфере посредством своей персональной политики, которая ведет к распределению преподавательских должностей между господствующими партиями. Допускается многообразие учебных планов и попыток вплоть до необозримой раздробленности, ограничиваемой только тем, что утвердиться может лишь то, что находит опору какой-либо политической группы власти. Иногда создание школы приводит к успеху благодаря личным качествам директора, если он свободен в выборе учителей. Но в целом результатом оказывается противоречивая деятельность учителей, не понимающих друг друга и подчиняющихся механическим учебным планам в школах, где отсутствует дух подлинной общности за фасадом патетики национального, мировоззренческого и социального характера. Контролирование и противодействие друг другу препятствуют установлению континуума. Все совершается скачками и все время меняется. Дети лишены истинных, значительных, благородных впечатлений, которые не забываются и могут определить всю их жизнь. Чрезмерные требования в области фактического обучения заставляют их напрягать силы, не формируя их сущность. Отсутствует чистая объективность вещей, которая на основе веры строго противостояла бы индивидуальному

желанию и нежеланию. На индивидуализации настаивают более, чем следует, и все-таки не могут достигнуть того, что нелепо превращают в цель волевой направленности, — формирования личности.

102

Кара ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙЛР

Вследствие того, что ребенка дергают в разные стороны, он обнаруживает лишь обломки традиции, но не мир, в который он мог бы с доверием вступить.

Либо государство овладевает воспитанием, незаметно и насильственно формируя его в своих целях... Массе ведаема эта прямолинейная власть государственного униформирования, ведомо лишенное направленности многообразие. Однако для того, чтобы воспитание вновь стало тем, чем оно было в свои лучшие времена, т.е. возможностью стать в историческом континууме человеком в самобытии, необходимо исходить из веры, косвенно опосредствующей в строгости обучения и упражнения духовное содержание.

Для этого нет рецепта. Государственная власть не может здесь ничего создать: она может только защитить или разрушить. Когда, взирая на будущее, осознается целое, это выдвигает свое требование духовная ситуация. Оно может быть выполнено лишь в том случае, если в противовес массовым оценкам утвердятся различия между учением и дисциплиной, между тем, что понятно всем, и тем, что человек достигает посредством дисциплины внутренних действий в силу избранной элитарности.

Воспитание зависит от изначальной жизни духовного мира. Воспитание не может пребывать само по себе; оно служит традиции этой жизни, которая непосредственно выступает в поведении человека, является его ставшим сознательным отношением к действительности обеспечения существования и к государству и возвышается в присвоении созданных духовных творений. Судьба духа в нашу эпоху должна определить содержание еще возможного воспитания.

УПАДОК ДУХА И ЕГО ВОЗМОЖНОСТИ

Государство в качестве действительности существования было границей, на которой нечто большее, чем существование, определяло его волей в целом. Государство в силу

103

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

своей власти является последней инстанцией решения в сфере существования, но не последним для самого человека. В нем он не обретает покоя. Даже если он идентифицирует себя с ним, целое остается для него под вопросом, ибо для него государство всегда остается лишь промежуточным бытием в незавершаемом движении сквозь время. Если же государство становится просто слугой массового порядка и теряет всякое отношение к подлинной судьбе, если оно в этой зависимости изменяет возможностям человека в качестве экзистенции в труде, профессии, духовном созидании, тогда человек в качестве самобытия должен внутренне даже противостоять государству. Правда, установленный благодаря власти государства порядок существования никогда не может быть упразднен, ибо тогда наступит полный развал; но может возникнуть жизнь в радикальной оппозиции, основным вопросом которой является — как вновь овладеть этим порядком.

Поскольку человек не находит завершения в осуществлении целостности существования, он, перелетая через существование, строит в пространстве, в котором он во всеобщем образе своего бытия коммуникативно обретает уверенность, второй мир, мир духа. Правда, он и как духовное бытие связан со своей действительностью существования, но в своем взлете он выходит за ее пределы; освобождаясь на мгновение от действительности, он возвращается в нее в качестве бытия, которым он стал в созидании духа.

Из таких истоков в первом мире создается и обнаруживается второй: в знании своего бытия человек выходит за пределы своего лишь данного ему существования. В сфере своего образования он совершает духовный процесс, который, определяя деятельность в заботе о существовании, становится смыслом пронизывающей ее идеи. В творениях искусства, науки и философии дух создает свой язык.

Судьба духа заключена в полярности зависимости существования и изначальности. Он теряется как в одной только зависимости, так и в воображаемой недействительности. Если в действительности существования он был ее идеей,

то эта идея может умереть, а то, что было духом, продолжит пребывать в остаточных: явлениях в качестве оболочки, маски и просто раздражения. В нашу эпоху массового порядка, техники, экономики духу вместе с человеческим бытием грозит, если эта неизбежность абсолютизируется, разрушение в своей основе: подобно тому как государство в качестве союзника человека может быть парализовано, так может быть парализован и дух, если он живет уже не истинной жизнью из собственных истоков, в конечной целесообразности, а жизнью в конечной целесообразности, фальсифицированной для службы мысли.

Образование

В образовании как форме жизни его стержень — дисциплина в качестве умения мыслить. А среда —* образованность в качестве знаний. Его материалом являются созерцание образов прошлого, познание как необходимо значимые воззрения, знание вещей и владение языками... На Западе образованность широких слоев, в отличие от массы, вплоть до настоящего времени осуществлялась только посредством гуманистических знаний, тогда как для отдельных индивидов были возможны и другие пути. Тот, кто в молодости изучал греческий и латинский, читал античных авторов, философов и историков, кто освоил математику, ознакомился с Библией и немногими великими поэтами своей нации, преисполнен миром, который в своей бесконечной подвижности и открытости дает прочное содержание и делает доступным все остальное. Однако такое воспитание в своем осуществлении уже есть отбор. Не все обретают в нем то, что важно, многие оказываются несостоятельными и способными воспринять лишь внешнее. Решает здесь не специфическая способность к языкам, к математическому мышлению или реалиям, а готовность к духовному постижению. Гуманистическое образование — всегда образование единичного человека, который посредством своего бы-

тия в становлении совершает вместе с ним выбор. Поэтому лишь это воспитание обладает тем чудесным свойством, что и плохие учителя могут достигнуть успеха. Тот, кто в ученические годы, читая «Антигону», слышит лишь о грамматике и метрике и противится такому преподаванию, может быть все-таки взволнован самим текстом.

На вопрос, почему же именно этот путь обладает таким преимуществом, ответ может быть дан только исторически, а не исходя из какой-либо рационально понятой целесообразности. Античность дала фактическое обоснование тому, чем мы на Западе можем быть в качестве людей. В Греции идея образованности была впервые осуществлена и постигнута так, как она с тех пор применяется каждым, кто ее понимает. Все великие взлеты человеческого бытия происходили на Западе посредством соприкосновения и размежевания с античностью. Там, где о ней забывали, наступало варварство. Оторвавшемуся от своей почвы суждено колебаться, будучи лишены опоры, и именно таково будет наше состояние, если мы утратим связь с античностью. Античность — наша почва, хотя она постоянно меняется, и лишь во вторую очередь и без автономной силы образования — прошлое своего народа. Мы — европейцы в своей принадлежности народности, которая посредством специфического заимствования стала таковой. Это образование теперь в лучшем случае допускается волей масс. Число людей, для которых оно что-то значит, становится все меньше.

Нивелированное образование и специальная подготовка

В существовании массового порядка всеобщее образование приближается к требованиям среднего человека. Духовность гибнет, распространяясь в массе, рационализация, доведенная до грубой моментальной доступности рассудку, привносит в каждую область знания процесс обеднения. С нивелирующим массовым порядком исчезает тот образо-

ванный слой, который на основе постоянного обучения обрел дисциплину мыслей и чувств и способен откликаться на духовные творения. У человека массы мало времени, он не живет жизнью целого, избегает подготовки и напряжения без конкретной цели, преобразующей их в пользу; он не хочет ждать и допускать созерцание; все должно сразу же дать удовлетворение в

настоящем; духовное стало сиюминутным удовольствием. Поэтому эссе стало наиболее подходящей литературной формой, газета вытеснила книгу, а все время меняющееся чтение — сопутствующие на протяжении всей жизни творения. Читают быстро. Нужна краткость, но не та, которая может стать предметом воспоминания в медитации, а та, которая быстро сообщает то, что хотят знать и что затем сразу же забывают. Собственно говоря, подлинное чтение в духовном единении с содержанием стало невозможным.

Теперь образованность означает нечто, никогда не получающее формы, а стремящееся в чрезвычайной интенсивности выйти из пустоты, к которой постоянно возвращаются. Появляются типичные оценки. Люди пресыщены уже тем, что они только что услышали; поэтому они все время ищут нового, привлекающего их уже самой новизной. В нем приветствуют изначальное, которого ждут, и вскоре отворачиваются от него, ибо оно нужно только как сенсация. В сознании того, что наступила эпоха, формирующаяся как новый мир, где прошлого уже недостаточно, люди охотно дают наименование нового тому, что хотят сделать значимым: новое мышление, новое ощущение жизни, новая культура тела, новая деловитость, новое хозяйствование и т.д. Утверждение «нечто новое» является позитивной оценкой, не новопренебрежительной. Даже если сказать нечего, есть ведь рассудок, который можно занять решением сложных задач как объектом преодоления; утверждение, что человек интеллигентен становится оценкой, которая теперь заменяет духовное бытие возможной экзистенции. Нет человеческой близости, нет любви, есть только польза; товарищи и друзья выступают в абстрактной теории или служат сиюминутным целям существования; отдельный человек ценится в качестве

107

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

интересного, не в качестве самого себя, а как раздражитель; раздражение прекращается, как только он больше не удивляет. Образованным называется тот, кто обладает способностью ко всему этому, являет себя новым, интеллигентным и интересным. Сфера этой образованности — дискуссия, которая сегодня стала массовым явлением. Однако дискуссия могла бы вместо удовольствия, упомянутого выше в трех оценках, дать подлинное удовлетворение лишь в том случае, если она служит подлинной коммуникации в качестве выражения борьбы верований или сообщения опыта и знания, принадлежащих совместно конституированному миру.

Массовое распространение знания и его выражения ведет к изнашиванию слов и фраз. В хаосе образованности можно сказать все, но так, что, собственно говоря, ничего не имеется в виду. Неопределенность смысла слов, более того, даже отказ от отвлеченности, которая только и соединяет дух с духом, делает существенное понимание невозможным. Когда внимание к подлинному содержанию утрачено, в конце концов, сознательно обращаются к языку как языку, и он становится предметом намерения. Если я смотрю на местность через стекло, и это стекло становится мутным, то я все еще вижу, но если я вставляю стекло в глаз, я не вижу больше ничего. Сегодня избегают воспринимать через язык бытие, более того, бытие подменяется языком. Считая, что бытие «изначально», избегают всех привычных слов, прежде всего высоких слов, которые имели и могли иметь содержание. Непривычное слово и непривычное расположение слов должны симулировать изначальную истину, способность быть новым в словах, глубину. Дух как будто пребывает в новых наименованиях. На мгновение поразительное свойство языка приковывает внимание, но вскоре и оно теряет значение или оказывается личиной. Сведение к языку кажется судорожным усилием найти в хаосе образования форму. Таким образом, сегодня проявление образованности, которая заменяет действительность, либо расплывчатые высказывания любыми словами, либо разговорчивость становятся манерой речи. Центральное значение языка для

108

Кара ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

человеческого бытия стало вследствие искажения направленности внимания фантомом. В этом неудержимом разложении усиливаются возможности образования, обнаруживаются пути к подъему: там, где речь идет о профессиональном знании, точная специализация стала само собой разумеющейся. Распространилась специализация; необходимое для этого знание может быть достигнуто усвоением методов и сведено к простейшей форме в своих результатах. В хаосе повсюду разбросаны оазисы, где люди, обладая профессиональным

знанием, к чему-либо способны. Но это знание разбросано; отдельный человек может выполнять лишь отдельные функции, и это его умение часто подобно ограниченной сфере, которой он только обладает, но не приводит к единству со своей сущностью и с целостностью образованного сознания.

Историческое усвоение

Возникла враждебность к образованию, которая сводит содержание духовной деятельности к техническому умению и выражению минимума голого существования. Эта позиция — коррелят к процессу технизации планеты и жизни индивида, который ведет к превращению исторической традиции у всех народов, чтобы поставить собственное существование на новую основу: существовать может лишь то, что входит в новый, созданный Западом, но по своему смыслу и воздействию общезначимый мир технической рациональности. Этот акт обуславливает доходящее до корней человеческого бытия потрясение. Это наиболее глубокий надлом, когда-либо известный Западу; однако, поскольку он создан самим Западом в его духовном развитии, здесь он находится в континууме мира, к которому принадлежит. Ко всем другим культурам этот надлом приходит извне как катастрофа. Ничто не может больше сохраняться в прежнем виде. Один и тот же основной вопрос стоит перед великими культурными народами Индии и Восточной Азии, так же как

109

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

перед нами. В мире технической цивилизации им надлежит либо преобразовать свои социальные условия и следствия, либо погибнуть. Когда враждебность к образованию самонадеянно уничтожает все прошлое, будто мир начинается сначала, духовная субстанция может быть сохранена в этом преобразовании только посредством исторического воспоминания, которое в качестве такового есть не просто знание о прошлом, а сила жизни в настоящем. Без него человек стал бы варваром. Радикальность кризиса нашей эпохи бледнеет перед вечной субстанцией, часть бытия которой, бессмертного, способного всегда быть, составляет воспоминание.

Поэтому враждебность к прошлому относится к родовым мукам нового содержания историчности. Она оборачивается против историзма как ложной историчности, поскольку он стал неподлинным суррогатом образования. Ибо воспоминание просто как знание о прошлом лишь собирает бесконечные антикварные сведения; воспоминание как понимающее созерцание воспроизводит картины и образы как необязательное противостояние; лишь воспоминание как усвоение создает действительность самобытия человека в настоящем, сначала в почтении, затем в масштабе его собственного чувствования и деятельности и, наконец, в участии в вечном бытии. Проблема характера воспоминания — это проблема еще возможного теперь образования.

Знанию о прошлом служат распространенные повсюду институты; объем, в котором современный мир интересуется прошлым, свидетельствует о наличии глубокого инстинкта, стремящегося к тому, чтобы, несмотря на разрушение, сохранилась бы по крайней мере возможность исторического континуума. В музеях, библиотеках, архивах хранятся творения прошлого с сознанием того, что таким образом сберегается нечто незаменимое по своему значению, даже если оно в данный момент еще не понято. В этом единодушны все партии, мировоззрения и государства, и верность в деле сохранения творений прошлого еще никогда не была столь всеобщей и само собой разумеющейся по своей надежности. Исторические реликвии пользуются во всех местах, где

110

Кара ЯСПЕРС, Жан ВОДРИЙАР

о них помнят, защитой и уходом. То, что некогда обладало величием, продолжает жить как историческая мумия данной местности и становится целью путешествий. Места, обладавшие некогда мировым значением и отражавшие гордость республиканской независимости, живут теперь на средства, поступающие от туризма. Европа становится чем-то вроде большого музея истории западного человека. В склонности отмечать исторические даты основания государств, городов, университетов, театров, годы рождения и смерти знаменитых людей воспоминание Служит, хотя еще и без должного наполнения содержанием, симптомом воли к

сохранению.

Лишь у немногих знакомое воспоминание переходит в понимающее созерцание. Человек как будто уходит из настоящего и живет в прошлом. То, что уже достигло своего конца, продолжает жить как элемент содержания образованности. Панорама тысячелетий подобна пространству душевного созерцания. XIX в. довел это понимание до никогда ранее не достигнутого уровня и объективности: страсть к созерцанию освобождала от ничтожности настоящего, знакомя с наивысшим, на что способны были люди. Конституировался мир образованности, который перешел в традицию жизни в книгах и свидетельствах прошлого. Бледные эпигоны первых созерцателей знакомили с тем, что было увидено. То, что некогда было изначальным видением образов, эпигоны! эпигонов сохраняют еще под властью обаяния, воспринятого в понимании мира по крайней мере в слове и учении.

Однако антикварное знание и созерцательное понимание сохраняют свое право в конечном счете только как идеал возможного в настоящем осуществлении. Историческое усваивается не только как знание чего-то; не как лучшее, которое может быть восстановлено, поскольку оно не должно было умереть. Усвоение состоит только в преобразующем прошлом возрождении человеческого бытия посредством вступления в духовную сферу, в которой я, исходя из собственных истоков, становлюсь самим собой. Образование как усвоение прошлого служит не тому, чтобы уничтожить

111

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

настоящее как неполноценное, чтобы подло бежать от него, но тому, чтобы, взирая на вершины, не утратить то, что на пути к высотам доступной мне действительности я могу искать в настоящем.

То, что берется в новое владение, заново порождается для другого настоящего. Неистинная историчность лишь понимания в образованности есть воля к повторению, истинная же — готовность найти источник, питающий каждую жизнь, а поэтому и жизнь в настоящем. Тогда возникает без определенного намерения и плана подлинное усвоение; невозможно предвидеть, какая осуществляющая сила живет в воспоминании. Сегодняшняя ситуация, когда возникла угроза разрыва в истории, требует сознательно обратиться к возможности этого воспоминания. Ибо, уничтожив ее, человек уничтожил бы и себя. Сегодня, когда в машинный мир массового существования вступают новые поколения, они обнаруживают в качестве средств воспоминания книги, архитектурные памятники и разного рода произведения, вплоть до бытовых особенностей прошлого, наряду с сообщением фактов их собственного происхождения, никогда ранее не бывшими доступными в такой степени всеобщности. Спрашивается, как использует это экзистенция в ее историчности, обнаруживая себя в ней?

Образование в качестве простого знания и понимания могло бы вести к романтическому желанию восстановить то, что возвращено быть не может, к забвению того, что каждой исторической ситуации доступны лишь ее собственные возможности осуществления. Этому противостояла благонаправленность расчетливой жизненной позиции, ищущей в исторически увиденном лишь то, что для нее самой было безусловно и необходимо для ее деятельности. Истинная образованность предпочитает минимум усвоения в пребывании изначальном самой собой блужданию в путанице великолепнейшего мира. Из этого импульса выросло, по-видимому, и чувство истинного и экзистенциально изначального по отношению к истории. Решающим стало вновь не только богатство многообразного, но прежде всего единственные

112

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРЬЯР

вершины, с которых человек говорит для всех времен. Сегодняшняя скудость объединяется с величием. Утрата иллюзий, которую пришлось претерпеть романтическим грезам в столкновении с действительностью сегодняшнего бытия, переходит в лишенное иллюзий видение подлинного, которое одновременно было полнотой.

Пресса

Газета является духовным существованием нашей эпохи в качестве сознания того, как оно осуществляется в массах. Находившаяся сначала на службе по сообщению известий, она стала вскоре властительницей. Она создает знание о жизни во всеобщей доступной определенности в отличие от специального знания, которое в своей постижимой лишь для знатоков очевидности пользуется терминологией, недоступной другим людям. Артикуляция этого знания жизни, воз-

никающая как сообщение, оставляя изучение специального знания как промежуточную точку за собой, создает анонимное образование эпохи в его становлении. Газета как идея становится возможностью великолепного осуществления проблемы образования масс. Она избегает пустых общих мест, агрегат внешнего, переходя к зримому, конструктивному, отчетливому представлению фактов. Газета охватывает все, что вообще возникает в сфере духовности, вплоть до самой далекой, эзотерической специальной науки и самых возвышенных личных творений. Она как бы вновь создает, привнося в сознание времени то, что без нее осталось бы не оказывающим воздействия владением отдельных лиц. Она делает понятным в преобразовании, превращающем специальное в видимое каждому. Античная литература, которая делала маленький, прозрачный и простой по сравнению с нашим мир пластическим и отчетливым для него самого, могла бы служить образцом и служила им для некоторых. Ее сущность — гуманность, открытая во все стороны, которая может сама непосредственно видеть вещи. Однако сегодня

113

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

требование мира, которое хочет быть познанным, вследствие неизмеримой запутанности фактических данностей радикально иное.

Возможность обнаружить в хламе ежедневной печати драгоценные алмазы отшлифованного в поразительной краткости сообщения, предлагаемого совершенным языком непритязательного отчета, дает высокое, хотя и нечасто доставляемое удовлетворение современному человеку.

Это — результат духовной дисциплины, которая оказывает в данном случае свое воздействие и незаметно преобразует сознание современного человека. Уважение к журналисту возрастает, когда становится ясным смысл сказанного для сегодняшнего дня. То, что теперь происходит, должно быть не только воспринято с полным присутствием духа; важно также, чтобы оно было высказано для сотен тысяч. Слово, возникшее в данный момент, оказывает действие. Это самое близкое жизни свершение, держащее в своей власти ход вещей, поскольку оно соответствует представлениям, которые присущи людям в качестве массы. То, на что часто жалуются, исходя из того, что влияние печатного слова на читателя невелико по своему объему и своей длительности, что это работа на день, может быть сегодня именно непосредственно активным участием в подлинной действительности. Поэтому существует и своеобразная ответственность журналиста, которая дает ему уверенность в себе и славу в его незаметности. Он знает о своей власти управлять мыслями людей в нагромождении событий. Он становится соучастником момента, находя то, что должно быть сказано теперь.

Однако его высшая возможность может превратиться в крах. Кризисов прессы, правда, не существует. Ее царство гарантировано. Борьба в этом царстве идет не за сохранение господства, не против какого-либо противника, а за решение вопроса о том, сможет ли еще существовать власть независимо присутствующего духа, или ей грозит уничтожение? То, что от мгновенного восприятия духом настоящего часто остается лишь умелая писанина, понятно и должно быть принято как неизбежное. Действительно страшно в ситуа-

114

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

ции времени то, что возможная ответственность и духовное творчество в журналистике ставятся под вопрос из-за их зависимости от потребностей масс и политико-экономических сил. Высказывается мнение, что, работая в прессе, невозможно сохранить духовную порядочность. Для того чтобы найти сбыт, пресса должна учитывать инстинкт миллионов; сенсация, вульгарность, доступная рассудку большинства, отказ от всех требований к читателю ведут к росту тривиальности и грубости. Чтобы жить, пресса должна все больше переходить на службу политических и экономических сил. Под руководством этих сил она обучается искусству сознательной лжи и пропаганды, рассчитанных на чуждые духу силы. Она должна покоряться диктату ее содержания и убеждений. Только в том случае, если какая-либо власть сама придерживалась бы какой-либо идеи и журналист мог бы объединиться в своей сущности с этой властью, он вступил бы на путь своей истины. Возникновение сословия, обладающего собственным этосом, которое фактически осуществляет духовное господство над миром, — признак нашей эпохи. Его судьба едина с судьбой мира. Без прессы этот мир жить не может. Его будущее зависит не только от читателя и фактических властей, а от изначальной воли людей, которые своей духовной деятельностью формируют это сословие.

Вопрос заключается в том, смогут ли свойства масс полностью разрушить все то, что могло бы определить здесь становление человека.

Журналист может осуществить идею современного универсального человека. Он полностью погружается в напряженность и действительность дня и способен сохранить в нем присутствие духа. Он ищет точку, где мог бы пребывать в той глубине, где душа времени совершает свое движение. Он сознательно соединяет свою судьбу с судьбой времени. Он пугается, страдает и отступает там, где наталкивается на ничто; становится неискренним, если к удовольствию большинства объявляет хорошим то, что есть. Свой подлинный подъем он совершает тогда, когда действительно чувствует в настоящем бытие.

115

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Духовное созидание

Духовный труд, который в своем ограничении ищет, не принимая во внимание сиюминутные требования среды, творение, которое бы пребывало во времени, ставит перед собой далекую цель. Индивид выходит из мира, чтобы найти то, что он затем возвращает ему. Характер этого труда также, по-видимому, испытывает сегодня угрозу упадка. Подобно тому как экономика при государственном социализме в качестве обеспечения существования масс заступает на место государства или неоправданно использует его во имя выгоды отдельных способов владения, так искусство становится игрой и удовольствием (вместо того, чтобы быть шифром трансценденции), наука — заботой о технической пригодности (вместо того, чтобы служить удовлетворению изначального стремления к знанию), философия — школьным обучением или исторической видимостью мудрости (вместо бытия человека в сознании и опасности, вызванных радикальным мышлением).

Возможности сегодня очень велики. Почти во всех областях достигнуты виртуозные свершения. Фактически существует то, о чем судят как о выдающемся, исключительном. Однако нередко даже в совершенном отсутствует ядро, которое позволило бы и менее совершенному нравиться и стать существенным.

Возрастание духовных возможностей как будто открывает неслыханные перспективы. Однако эти возможности грозят тем, что вследствие все более далеко идущих предпосылок они уничтожат друг друга; новые поколения молодежи больше не усваивают достигнутого; создается впечатление, что люди не способны постигнуть то, что дано прошлым.

Отсутствует уверенное ограничение посредством целого, которое еще для произведенного труда бессознательно указывает пути к внутренне связанному достижению, способному обрести завершенность. На протяжении ста лет становилось все более осязаемым, что человек, творящий духовно, отброшен к самому себе. Правда, одиночество было на протяжении всей истории корнем подлинной деятельности; однако это одиночество личности находилось в определенном отноше-

116

Кара ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

нии к народу, которому она исторически принадлежала. Сегодня же становится необходимым прожить жизнь так, будто человек совершенно одинок и начинает все сначала; кажется, что его жизнь никого не интересует, она не окружена ни атмосферой дружбы, ни атмосферой вражды. Ницше — первый великий образ этого страшного одиночества.

Не находя опоры ни в прежних, ни в нынешних поколениях, оторванный от традиции действительной жизни, человек, занимающийся духовным творчеством, не может в качестве члена сообщества быть возможным завершителем некоего пути. Он не совершает необходимых шагов и не выводит заключения из того, что превосходит его. Ему угрожает случайность, и в ней он не движется вперед, а растрчивает себя. Мир не дает ему заданий, которые бы его связали. Он должен на свой страх и риск сам давать себе задания. Без какого-либо отклика и подлинного противника он сам становится для себя двойственным. Вырваться из рассеянности требует почти нечеловеческих сил. Без само собой разумеющейся воспитанности, которая делает возможным наивысшее, он вынужден искать свой жизненный путь зигзагами, испытывая постоянные потери, чтобы в конце концов увидеть, что он мог бы теперь начать все сначала, если бы для этого еще было время. Он как будто не может дышать, так как мир духовной действительности, из которого должен вырасти индивид для того, чтобы ему в духовной сфере удалось пребывающее, больше не окружает его.

Возникает угроза, что в искусстве исчезнет не только дисциплинирующее, но и содержательное ремесленное образование; в науке — опирающееся на смысл целого обучение в области знания и исследования; в философии — передающаяся от лица к лицу традиция веры. Вместо всего этого сохранится традиция технической рутины, умения и форм, усвоение точных методов и, наконец, ни к чему не обязывающая болтовня.

Поэтому анонимная судьба тех, кто решился зависеть только от себя, — крушение во фрагментарном и

неудавшемся, если они уже раньше не утратили всех своих сил. Лишь немногие способны покориться необходимости повиноваться тому, чего требует непостижимая организация и что нравится толпе.

117

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Искусство

В нашу эпоху одобрение лучших людей и массы встречает архитектура. Техническая деловитость инженерного искусства находит в анонимном развитии наиболее совершенные, по своей целесообразности формы для предметов пользования. Ограничение действительно доступным подчинению доводит его до совершенства, в котором продукт человека выступает как природная необходимость; в нем нет пробелов, жесткости, второстепенности и излишеств. Однако в этой технической деловитости как таковой, даже если она достигает совершенства, отсутствует стиль в понимании прежних времен, когда даже в завитке орнамента, в каждом декоративном элементе просвечивала трансцендентность. Удовлетворенность отчетливыми, ясными линиями, пространством, формами техники поэтому редко сама по себе достаточна.

Поскольку время еще не нашло своего стиля и не знает, чего оно, собственно, хочет, оно остается связанным своими целями; церкви, сооруженные методами современной техники, кажутся несообразными, так как у них нет-технически адекватной цели существования. Неудовлетворенность невольно ведет к утрате технической чистоты. Правда, в исключительных случаях удается создать большее, чем просто практическую форму, аналог стиля. Здесь архитекторы как бы в свободном от зависти соперничестве совместно борются за нечто, представляющееся всем выполнением подлинных задач, требуемых всеобщей жизнью современного человека. За последние десятилетия среди уродливого маскарада европейских строений публичных зданий, в градостроительстве, машинах и средствах сообщения, в жилых домах и садах появляется не только негативно простая, но и позитивно удовлетворяющая способность видеть и чувствовать среду, воспроизведение которой действует не только как модное для данного времени, но как пребывающее в веках явление.

Однако вместо того, чтобы в не допускающей исчисления форме обрести преодоление технической чистоты и превращение ее в содержательное созидание, для нашего времени типичен переход от объективности к форсированным поискам

118

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРЯЙАР

ее противоположности в чередовании и произволе. Чистота нашего лишнего трансценденции технического мира как законченного механизма все время распадается на это чуждое ей, как только она уходит с пути творческой удачи, который вьется как узкая тропинка в зодчестве нашего времени. Однако по оригинальности ни одна разновидность искусства не может сегодня соперничать с архитектурой.

В прошлом искусство в качестве изобразительного искусства, музыки и поэзии волновало человека в его целостности, и посредством нее он ощущал себя в своей трансцендентности. Если уничтожен мир, прославлению которого служило искусство, то возникает вопрос, где же созидающий обнаружит подлинное бытие, которое дремлет, но должно благодаря ему обрести сознание и раскрытие. Искусства сегодня как бы бичуются существованием; нет алтаря, у которого они могли бы обрести покой, прийти в себя, наполниться своим содержанием. Если в прошлом веке в импрессионизме еще был покой созерцания, если в натурализме настоящее выступало, по крайней мере, как материал для возможного творчества, то сегодня мир в ходе событий как будто полностью отвернулся и отвел взор от творческого пребывания. Ощущается не дух как мир сообщества, который мог бы отразиться в искусстве, но ставшая могущественной действительность как еще немая мгла. Создается впечатление, что перед ее лицом исчезают смех и слезы, даже на устах сатирика замирает слово. Попытка осмелиться натуралистически подойти к этой действительности поглощается ею самой. Описание страданий человека, яркое отражение современности в ее особенностях, сообщение в романе определенных фактов — все это, конечно, свершение, но еще не искусство. Несоразмерность, как кажется, в наши дни событиям времени, монументальность человека лишила пластику и трагедию их возможностей. Искусство должно было бы сегодня, как испокон веков, ненамеренно делать ощутимой трансценденцию, причем в том образе, которому теперь действительно верят. Может показаться, будто приближается время, когда искусство вновь будет говорить человеку, что есть его Бог и что есть он сам. До тех пор, пока это как будто еще не происходит, мы вынуждены взирать на трагедию

119

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

человека, на сияние подлинного бытия в образах давно прошедшего мира — не потому, что там искусство было лучше, а потому, что там была еще сегодня действующая истина — мы, правда, принимаем участие в подлинных усилиях наших современников, видя в этом нашу ситуацию, но с

сознанием недостатка, который заключается в том, что мы не проникли в наш собственный мир. Сегодня повсюду бросается в глаза то, что представляется упадком сущности искусства. Поскольку в техническом массовом порядке искусство становится функцией этого существования, оно в качестве предмета развлечения приближается даже к спорту. В качестве развлечения оно, правда, освобождает от принудительности трудовой деятельности, но не может предъявлять требования к самобытию человека. Вместо объективности шифра сверхчувственного оно обладает только объективностью вещественной игры; поиски новой связанности формой обнаруживают дисциплину формы без проникающего в сущность человека, достойного веры содержания. Вместо того чтобы освобождать сознание в видении бытия трансценденции, оно становится как бы отказом от возможности самобытности, которому только и являет себя трансценденция. В таком занятии искусством действует чрезвычайно высокое требование к умению, но в этом существенным образом и отзвук грубых усредненных инстинктов. Человек массы узнает себя, требуя существования и не вызывая сомнения. Это искусство утверждает оппозицию подлинному человеку в пользу того настоящего, которое есть лишь чистое «теперь». Все, что кажется жадной прошлого величия, удовольствием от него или требованием трансценденции, считается обманом. Форма становится здесь при всей объективности в конечном итоге техникой, конструкция — расчетом, притязание — требованием рекордов. В той мере, в какой искусство унизило до осуществления этой функции, оно лишено этоса. Оно может подчеркивать как существенное сегодня одно, завтра другое и ищет повсюду только сенсации. У него неизбежно отсутствует то, что было свойственно эпохам бесспорной нравственной субстанции, — связь содержания. Выражение его сущности — хаос, несмотря на внешнее уме-

120

Кара ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

ние. Существование видит в нем лишь свою витальность или ее отрицание; оно обретает иллюзии другого существования: романтику техники, воображение формы, богатство в изобилии наслаждений в существовании, приключения и преступления, веселую чепуху и жизнь, которая в бессмысленном риске как будто преодолевает себя.

При таком отношении к искусству театр стал развлечением, удовлетворяющим потребность в иллюзиях и любопытство. Однако во всем этом слабо, заглушаемый другим, слышен подлинный тон. Кино показывает мир, каким его не видели. Люди заинтересованы нескромным показом физиогномической человеческой действительности. Расширяются оптический опыт, знание всех людей и местностей. Но ничего не разглядывают основательно и длительно; видят возбуждающее, даже потрясающее, что не забывается, но в большинстве случаев ценой ни с чем не сравнимой пустоты души, сменяющей напряжение.

В театральном искусстве сохраняется еще традиция техники. Новое может на мгновение достичь поразительного эффекта. Постановка Пискатора с ее смешением машин, улиц, танцующих ног, марширующих солдат создает зрелище грубой действительности, которую она одновременно поднимает до сферы нереальности. Когда все отбрасывает свою тень при рассчитанном освещении и таким образом присутствует дважды, как будто живет только как призрак другого, технический механизм кажется средством постановки и уничтожением действительности этого механизма. Однако уничтожение приводит к ощущению не бытия, а только ничто, которое, вызывая к зрителю, возбуждает ужас перед бытием. Политическая же тенденция действует глупо и второстепенно.

Современный актер может элементарно представить изначальные аффекты существования, ненависть, иронию и презрение, эротику девок, смешных людей, громогласное, простое, убедительные антитезисы. Но там, где следовало бы показать благородство человека, он в большинстве случаев не справляется со своей задачей. Едва ли кто-нибудь может еще сыграть Гамлета, Эдгара.

121

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Наряду с этим, однако, еще сегодня есть великолепные постановки моцартовских опер, вызывающих бурю восторга исполнения лучшей музыки прежних времен без приспособления к массовым инстинктам, более того, соответствующие самым высоким требованиям. Но вопрос, где же истина, в публике Пискатора или в публике Моцарта, был бы неправильно поставлен. Здесь нет альтернатив, поскольку речь идет о том, что не допускает сравнения; в одном случае — об исчезающем формировании хаотического мгновения в сознании голого бытия в качестве ничто, в другом — об искусстве, которое заставляет говорить бытие.

Музыка влияет сегодня на большинство людей, причем наилучших. Однако в отличие от архитектуры она и наиболее склонна воссоздавать прошлое. В этом — ядро ее воздействия. Это — действие не современной музыки, которая является для целого скорее интересной, чем волнующей, скорее экспериментирующей, чем наполняющей особенностью.

Наука

Наука и сегодня создает много замечательного. В естественных науках начался волнующий, быстрый прогресс в основных идеях и эмпирических результатах. Разбросанный по всем странам мира круг исследователей связан рациональным взаимопониманием. Один бросает, как мяч, другому полученные данные. Этот процесс обретает отклик в массе благодаря доступности результатов. Близкое к объективности видение в гуманитарных науках достигло микроскопической тонкости. Доступно стало никогда ранее неизвестное богатство документов и памятников. Достигнута уверенность в критике. Однако ни бурное продвижение естественных наук, ни расширение материала гуманитарных наук не могло предотвратить рост сомнения по отношению к науке. Естественные науки лишены целостности созерцания; несмотря на их значительное единство, их основные идеи действуют сегодня скорее как рецепты, которые пробуют применять, чем как окончательно достигнутая истина. Гуманитарные науки

Кара ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

лишены этоса гуманитарного образования; еще появляются, правда, содержательные работы, но они единичны и воспринимаются скорее как последнее завершение возможности, за которой, быть может, ничего не последует. Борьба, которая велась филологическим и критическим исследованием против философии истории как некоей целостности, завершилась неспособностью представить историю как целостность человеческих возможностей. Расширение объема, известной истории, на тысячелетия привело, правда, к внешним открытиям, но не к новому усвоению субстанциональной сущности человека чести. Кажется, что на прошлое опустилась пустота общего безразличия.

Кризис науки состоит, следовательно, не в границах их умения, а в сознании их смысла. С распадом целого перед неизмеримостью известного встал вопрос, стоит ли оно знания. Там, где знание, лишенное целостного мировоззрения, лишь правильно, оно ценится по своей технической пригодности. Оно погружается в бездонность того, что, собственно говоря, никого не интересует.

Причины этого кризиса отчасти становятся понятны из развития самой науки. Масса обнаруженного материала, уточнение и многообразие методов раздают все больше предпосылок, которые каждое новое поколение должно усвоить, прежде чем оно начнет работать. Кажется, что наука выходит за пределы того, что способен постигнуть человек. Прежде чем он осилит созданное до него, его настигнет смерть. Между тем там, где наука основана на определенном смысле, развиваются основные идеи и отношение к жизни, которые овладевают этой бесконечностью. Объем доступного знанию всегда был таков, что никто не мог полностью им овладеть. Однако средства к овладению каждый раз открывались как решающие шаги к пониманию. То, что есть наука, осуществлялось как целое в личности человека. Дошедшие из прошлого предпосылки обладают, поэтому, на данной ступени знания и умения, быть может, еще неиспробованной возможностью.

Тот факт, что сегодня повсюду ищутся корни, пробуются и сталкиваются друг с другом теоретические принципы в их многообразных возможностях, вызывает у дилетантов сомне-

123

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

ние. Там, где вообще нет больше твердой точки, известное, по их мнению, висит в воздухе. Однако так воспринимает познание лишь тот, кто в нем не участвует. Творческие шаги к новым принципам колеблют действительно здание познания, но сразу же вновь утверждают его в последовательности исследования, которое сохраняет в новом смысле достигнутое, поставленное им под вопрос, для целого особенной науки.

Следовательно, не имманентное развитие науки в достаточной мере объясняет кризис, а лишь человек, которого затрагивает научная ситуация. Не наука сама по себе, а он сам в ней находится в состоянии кризиса. Историко-социологическая причина этого кризиса заключена в массовом существовании. Факт превращения свободного исследования отдельных людей в научное предприятие привел к тому, что каждый считает себя способным в нем участвовать, если только он обладает рассудком и прилежанием. Возникает слой плебеев от науки; они создают в своих работах пустые аналогии, выдавая себя за исследователей, приводят любые установления, подсчеты, описания и объявляют их эмпирической наукой. Бесконечность принятых точек зрения, в результате чего все чаще люди друг друга не понимают, — лишь следствие того, что каждый безответственно смеет высказывать свое мнение, которое он вымучил, чтобы также иметь значение. Все стремятся «поставить на обсуждение» все, что приходит в голову. Огромное количество печатной научной продукции становится, наконец, в ряде областей выставкой хаотического потока, по существу, непонятых уже *capita mortua** некогда живого мышления в головах людей массы. Там, где наука становится функцией тысяч заинтересованных в ней людей, принадлежащих к данной специальности по профессии, смысл исследования и литературы может вследствие усредненности переходить друг в друга. Поэтому в некоторых науках литературная сенсация в качестве ложного журнализма уже стала средством моментального успеха. Результатом всего этого является сознание бессмысленности.

"Мертвая голова (*lat.*)", в переносном значении — «лишенное смысла».

Там, где в науке еще сохраняется континуум продолжающегося открытия, она часто возможна только посредством критерия технического подтверждения своей значимости, ибо изначальное желание знать больше не является целью. Тогда только премии за научные открытия двигают научное исследование, которое продолжается, несмотря на то что силы его парализованы. Тем самым становится возможным создание, которое видит объективный кризис там, где вина только в субъекте. Процесс духовного самоопустошения науки идет на пользу механизированному существованию масс, которое способно награждать премиями, которые заставляют талантливых людей продолжать планомерное исследование даже без иного научного смысла.

В массовом существовании высших учебных заведений проявляется тенденция уничтожить науку как науку. Она должна приспособиться к требованиям массы, которая заинтересована только в практической цели, в экзамене и связанных с ним правами; исследование получает поддержку лишь постольку, поскольку оно обещает практически осуществимые результаты. Это сводит науку к объективным знаниям, которые доступны рассудку и могут быть усвоены в обучении. Вместо университета, который живет в духовном беспокойстве *sapere aude*", возникает просто школа. Индивид обязательным планом занятий освобождается от опасности поиска своего пути. Без риска в свободе не может быть заложена основа возможности самостоятельного мышления. В результате остается виртуозная техническая специализация и, пожалуй, большие знания; решающим становится тип ученого, а не исследователя. То, что начинают считать это одним и тем же, является симптомом упадка. Подлинная наука является аристократическим занятием тех, кто сам посвящает себя этому. Исконное желание знать, которое единственно предотвратило бы кризис науки, — свойство отдельного человека и осуществляется им на свой страх и риск. Теперь, правда, считается невероятным, если человек Осмелься быть мудрым (*лат.*).

125

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

посвящает свою жизнь научному исследованию. Но это никогда и не было делом толпы. К науке причастен лишь тот, даже если он применяет ее как профессию на практике, кто по своей внутренней направленности является исследователем. Кризис науки — это кризис людей, который охватил их, когда они утратили подлинность безусловного желания знать.

Поэтому сегодня в мире установилось искажение смысла науки. Наука пользуется чрезвычайным признанием. Поскольку массовый порядок возможен только посредством техники, а техника — только посредством науки, в нашу эпоху царит вера в науку. Но так как доступ к науке возможен лишь посредством методического образования, а удивление перед ее результатами еще не есть причастность к ее смыслу, то эта вера является суеверием. Подлинная наука — это знание, в которое входит знание о методах и границах знания. Если же верят в результаты науки, которые знают только в качестве таковых, а не в связи с методом, посредством которого они достигнуты, то это суеверие в воображаемом понимании становится суррогатом подлинной веры. Создается уверенность в мнимой прочности научных достижений. Содержание этого суеверия следующее: утопическая компетентность во всем, умение создавать и технически преодолевать любую трудность, благосостояние в качестве возможности общего существования, демократии как справедливого пути для всех к свободе посредством решения большинства, вообще вера в положения рассудочного мышления как в догмы, которые считаются абсолютно правильными. Силе того суеверия подчиняются почти все, в том числе и ученые. Иногда она в отдельном случае как будто преодолевается, но сразу же появляется опять; это суеверие разверзает бездну между человеком, который подчинился ему, и критическим разумом подлинной научности.

Научное суеверие легко оборачивается во враждебность науке, в суеверие, которое ждет помощи от сил, отрицающих науку. Тот, кто в своей вере во всемогущество науки заставил молчать свое мышление перед лицом сведущего человека, знающего и указывающего, что правильно, разочарованно отворачивается при неудаче и обращается к шарлатану. Научное суеверие родственно мошенничеству.

126

Каря ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

Суеверие, противостоящее науке, принимает, в свою очередь, форму науки в качестве подлинной науки в отличие от школьной науки. Астрология, изгнание болезней заклинаниями, теософия, спиритизм, ясновидение, оккультизм и прочее привносят туман в нашу эпоху. Эта сила сегодня встречается во всех партиях и мировоззренчески выраженных точках зрения; она дробит повсюду субстанцию разумного бытия человека. То, что столь немногие люди обретают — вплоть до их практического мышления — подлинную научность, есть явление исчезающего самобытия. Коммуникация становится невозможной в тумане этого, вносящего сумятицу, суеверия,

уничтожающего возможность как подлинного знания, так и действительной веры.

Философия

Ситуация философии характеризуется сегодня тремя неопределенными видами действительности: эпоха создала людей, лишенных веры, внедренных в аппарат; религия, прочно переданная церковным организациям, все-таки не находит больше в них творческого выражения, которое исходило бы из своего настоящего; философия за последнее столетие, по-видимому, все больше превращаясь в учение и историю, теряет свое значение.

Неверие в мире технической аппаратуры выглядит как обвинение. Великолепные достижения человека, которые позволили ему заключить природу в нужные ему формы, привели с увеличением масс к душевной вялости бесчисленных людей, обвинить которых лично перед действительностью истоков их жизни и хода их жизни не посмеет никто. Однако если спросят, должны ли люди в своем большинстве отупить на службе этому аппарату, то ответ может быть один: единственный путь — дальнейшее движение в рамках аппарата и усилия спастись, пребывая в нем. Ведь и неверующий не становится просто рабочей скотиной, но остается человеком. Именно поэтому для него самого ощутимо, что все стало мутным. Остается только слепая воля к изменению обстоятельств

127

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Кари ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

и самого себя. Готовность к этому растет, ибо человек не может не верить. В мире неверия кое-кто еще сохраняет в доброй воле данную ему возможность; но начатки гибнут в своем возникновении, если человек лишен традиции и зависит лишь от самого себя. Однако ни план, ни организация не достигнут того, на что способен лишь сам осуществляющий свою волю человек.

В ложной ясности^ созданной сознанием массового обеспечения в качестве сознания того, что все вещи могут быть сделаны, утеряно необоснованное внутреннее присутствие далекого безусловного, которое до сих пор было в своем историческом образе действительным в виде религии. Историческая основа человеческой экзистенции стала как бы невидимой; религия, правда, продолжает существовать, управляемая церквями и вероисповеданиями, но в массовом существовании часто — только как утешение в беде, как привычка к упорядоченному образу жизни, редко — как действенная жизненная энергия. Наряду с действенностью церкви как политической силы религиозная вера отдельного человека встречается все реже. Великие традиции церковей часто выглядят сегодня в своей осознанности как восстановление собственного невозвратного прошлого при широком использовании всех современных идей. Церковь все менее охотно склонна терпеть самостоятельность независимого человека. В ней нет больше подлинной силы авторитета и свободы, но есть способность к решительному исключению самостоятельности в громадной концентрации ее духовного аппарата для господства над массовой душой и наполнении ее определенным содержанием.

Философское мышление испокон веку способствовало проникновению сознания в глубочайшие основы человеческого бытия, оно секуляризировало религию и сделало действительностью независимость свободного индивида. Человек не потерял основу, она лишь глубже освещалась в своей абсолютной историчности. Сомнительной эта действительность индивида оставалась лишь потому, что этот свет мог угаснуть и опустеть в чистом сознании, лишенном экзистенции. А на самом деле, со второй половины XIX века традиционная философия повсюду стала делом университетов, которые все

128

реже являли собой общество философски мыслящих людей, сформировавших себя, исходя из собственных истоков, и передававших в виде мыслей то, что они осознали. Философия была оторвана от ее основы и утратила ответственность за возможность созданной ею действительной жизни, стала в качестве учения второстепенным явлением. Она пыталась оправдать свое существование перед лицом признанных, фактически превосходящих ее наук, определяя себя как чистую науку и пытаясь под именем теории познания утвердить как свое значение, так и значение наук. Фактически, несмотря на видимость ее значения в настоящем, она свелась к знанию ее истории. Но это было в большинстве случаев не столько проникновением в истоки, сколько оперированием принципами, проблемами, мнениями и системами. Будучи внешне филологической, внутренне рациональной, без какого-либо отношения к собственному существованию индивида, она продолжала свою достойную, благодаря унаследованной традиции строгого мышления, деятельность в школах, которые, несмотря на жаркую полемику в литературе, по существу, не отличались друг от друга (называясь идеализмом, позитивизмом, неокантианством, критицизмом, феноменологией, теорией действительности). То, что они обычно не знали Кьеркегора, не признавали Ницше философом, объявляя его поэтом и тем самым устраняя исходящую от него опасность, и тем не менее говорили о нем, хотя и отвергая его как ненаучного модного мыслителя, неспециалиста, служит характерным симптомом их беспомощности. Они превращали радикальные философские вопросы в безопасные для себя.

Подобная философия, не отвечающая поставленным перед ней требованиям, широко распространилась, но растворилась в хаосе. Перед ней стояла величайшая задача. Только в ней мог человек, неспособный больше жить в соответствии с церковной верой, удостовериться в своем собственном волеии. Правда, на того, кто остается верным трансценденции в образе христианской веры, никто не смеет нападать, если только он не становится нетолерантным. Ибо в верующего можно привести только разрушение; он может быть открыт философствованию и готов испытать распространяющееся и на

5 - 4975 Ясперс

129

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

него неустранимое в человеческом существовании сомнение, однако он обладает позитивностью бытия в историческом образе, она служит ему выходом и мерой, которые неминуемо приводят его к себе. Об этой возможности мы здесь говорить не будем. Сегодня неверие, распространяющееся как поток, прочно связано с нашим временем. Следует задать вопрос, возможна ли вообще вера вне религии. В постановке такого вопроса возникает философствование. Смысл философствования заключается сегодня в том, чтобы увериться, исходя из собственной основы, в своей независимой вере. Предшественниками, указующими путь, являются Бруно, Спиноза, Кант. Там, где религия утрачена, — а она может быть только церковной, называть же что-либо другое религией не более чем бескомпромиссный обман — существует либо фантазия и фанатизм суеверия, либо философствование. Но последнее есть вера лишь на основе своего понимания себя и благодаря ему; мыслящая философия стремится систематически доводить эту веру до ясности и связно сказать то, что действительно может быть узнано лишь в экзистенции, а не во всегда склонном оторваться от нее мышлении. Упомянутые фантазии не нуждаются в философии. Церковная религиозность может обойтись без нее, но может и искать ее, чтобы довести себя в своей сокровенности до полной ясности; церковная вера, как таковая, нуждается в своем существовании в качестве сообщества только в теологии. Философия же нужна индивиду как таковому, т.е. его свободе, пусть даже она с точки зрения теологии не более чем безумный риск, высокомерное притязание или иллюзия несчастных людей, отвергнутых Богом и неспособных найти спасение вне церкви.

Сегодня философия — единственная возможность для тех, кто сознательно не ищет пристанища. Она уже не занятие узких кругов; по крайней мере, в качестве вопроса отдельного человека, спрашивающего, как ему жить, она — дело бесчисленно многих. Философия различных школ была бы оправдана, если бы она создавала возможность философской жизни. В данный момент она, рассеянная и рассеивающая, проявляется в кратких попытках и нигде не обладает целостностью.

Отсюда понятен и совращающий призыв, который мы уже долгое время слышим: вернуться от сознания к бессознатель-

130

Кара ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

ности, к призыву крови, веры, почвы, души, к историческому и бесспорному. Религию, поскольку в нее, в ее исконность больше не верили, возвышали в своем отчаянии, доводя ее до абсурда; будучи, по существу, неверующими, люди хотели насильственно верить, разрушив сознание.

Этот призыв обманывает. Человек для того, чтобы остаться человеком, должен пройти через осознание. Следует лишь продвигаться вперед. Плоское осознание, которое все представляет как доступное познанию знание и как достигаемую цель, философствование должно преодолеть посредством ясного построения всех способов осознания. Нельзя больше прибегать к маскировке посредством отказа от сознательности, не исключая себя из движения в истории человеческого бытия. Сознательность стала для нас в нашем существовании условием, при котором может прорваться подлинное, утвердиться безусловное, станет возможным тождество с собственной историчностью. Философствование стало основой подлинного бытия человека. Сегодня оно обретает свой характерный образ: человек, ввергнутый из субстанции стабильных условий в аппарат массового существования, пребывающий, утратив свою рели* и ию, в неверии, решительнее мыслит о собственном бытии. Из этого возникают типические, адекватные эпохе философские мысли. Первое уже не открывшееся божество, от которого все зависит, — не мир, который существует; первое — человек, который никогда не может удовлетвориться самим собой как бытием, но все время стремится выйти за свои пределы.

КАК СЕГОДНЯ ПОНИМАЕТСЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ БЫТИЕ

Утративший безопасность человек сообщает облик эпохе, будь то в протесте своенравия, в отчаянии нигилизма, в беспомощности многих, не нашедших выхода, или в блужданиях и поисках, отказывающихся от конечной опоры и гармонизирующих соблазнов. Бога нет — таков все растущий возглас масс;

131

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

тем самым и человек теряет свою ценность, людей уничтожают в любом количестве, поскольку человек — ничто.

Аспект нашего мира в вынужденности его существования и отсутствия опоры в его духовной деятельности, не допускает больше бытия в умиротворенной связи с существующим. Нарисованная нами картина может обескуражить; все воспринимается пессимистически, люди отказываются вообще что-либо делать. Или же сохраняют, несмотря на это, оптимистическое сознание собственной радости существования, взирая на субстанциальное, которое встречается еще и сегодня. Однако то и другое слишком просто. Они уклоняются от ситуации.

В самом деле, требование ситуации к человеку кажется таковым, что удовлетворить его может только существо, превосходящее человека. Невыполнимость требований может соблазнить попыткой обойти его, считаться только с настоящим и поставить границы своим мыслям. Тому, кто считает, что все в порядке, и доверяет ходу событий как таковым, мужество не нужно. Он вступает в ход вещей, который и без его содействия ведет к благу. Его показное мужество не более чем уверенность в том, что человек не движется к бездне, где его ждет гибель. Действительным мужеством обладает тот, кто в испытываемом страхе перед достижением возможного знает: достичь возможного может лишь тот, кто хочет невозможного. Только опыт, свидетельствующий о невыполнимости попыток выполнения, может осуществить то, что человеку задано сделать.

Сегодня человек не формируется, усваивая то, что идет ему навстречу из традиции его мира. Отдаваясь только этому, он становится рассеян. Человек зависит от себя как единичного в новом смысле: он должен сам помочь себе, если уж он не свободен посредством усвоения всепроникающей субстанции, а свободен в пустоте ничто. Если трансценденция скрывается, человек может прийти к ней лишь посредством самого себя. В наше время необходимость помочь самому себе приводит философствующего к необходимости понять, как мыслится бытие человека. Прежние противоречия мировоззрений — индивидуализма и социализма, ли-

132

Кара ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

берального и консервативного, революционного и реакционного, прогрессивного и регрессивного, материалистического и идеалистического — больше непригодны, хотя они и используются повсюду как знамя или брань. Столкновение мировоззрений — будто их множество, из которых надлежит сделать выбор, — больше не является методом достижения истины для себя. Распространение на все возможное видения и участия привело сегодня к необходимости, в которой существует лишь один непреложный выбор: либо ничто, либо абсолютная историчность собственной основы, которой доступна каждая возможность при сознании обязательной границы.

Однако вопрос о бытии человека, который должен вывести из догматической объективности фиксированных альтернативных мировоззрений, в качестве такового отнюдь не однозначен. Человек всегда больше того, что он знает о себе. Он не одинаков во всех случаях, он есть путь; не только существование, установленное как пребывание, но и имеющаяся в нем возможность, даруемая свободой, исходя из которой человек еще в своем фактическом действии решает, что он есть. Существование человека — не круговорот, просто повторяющийся в поколениях, и не ясное, открывающееся себе существование. Человек прорывается через пассивность постоянно вновь возникающих тождественных кругов, и от его активности зависит продолжение движения к незнакомой цели.

Поэтому человек расщеплен в глубине своей сущности. Как бы он ни мыслил себя, мысля, он противостоит самому себе и всему остальному. Все вещи он видит в противоречиях.

Каждый раз смысл становится иным. Расщепляется ли он как дух и плоть, как рассудок и чувственность, как душа и тело, как долг и склонность, противопоставляется ли его бытие и его явление, его деятельность и мышление, то, что он делает, и то, что он полагает делать. Решающее в этом — что он все время должен противопоставлять себя себе. Нет человеческого бытия без расщепления. Но он не может на этом остановиться. То, как он себя преодолевает, составляет способ его проникновения в себя.

133

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Существуют две возможности, которые здесь надлежит характеризовать:

Человек превращает себя в предмет познания. То, что он познает в опыте как свое существование, и то, что лежит в его основе, он считает своим подлинным бытием. То, что он есть в явлении, есть его сознание; то, что есть сознание, есть посредством социальных условий, посредством бессознательного, посредством жизненного вида. Это другое для него бытие, сущность которого отражается в его

явлении как сознание.

Смысл такого сознания в том, чтобы снять напряжение посредством отождествления бытия с сознанием. Представление о существовании как завершенном в состоянии отсутствия напряжения невольно представляется этому познанию достижимым: социальный порядок, в котором всем дано их право; душа неосознанности, которой сопутствует сознание, свободное от помех, если в нем устранены все комплексы; жизненность расы, которая после очищения посредством естественного отбора может считать себя здоровой и благородной, чтобы, сознавая свое превосходство, удовлетворенно завершаться в качестве существования. В этих условиях, которые в двойственном смысле именуется естественными, в качестве необходимым образом возникающих и в качестве истинных, больше нет безусловности временного существования: ибо безусловность возникает лишь в напряжении, в котором самобытие насильственно схватывает самого себя. Более того, подобное знание о естественном бытии человека обращается против самобытия как чего-то экстравагантного, болезненного, исключаяющего себя, потерянного. '

Однако именно этим путем идет вторая возможность. Она находит себя в напряжении пограничных ситуаций, совершенно неустраиваемых в существовании, которые становятся для нее открытыми в решительности самобытия. Если человек не познается более как бытие, которое он есть, он, познавая, приводит себя в состояние неустойчивости абсолютной возможности. В ней он слышит призыв к своей свободе, исходя из которой, он лишь посредством себя становится тем, чем он может быть, но еще не есть. В качестве свободы он заклинает бытие как его скрытую трансцендентность.

134

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

Смыслом этого пути является трансцендентность. В качестве существования в конце этого пути терпит крушение то, что собственно есть оно само. Отсутствие напряжения считается в этом понимании путем обмана, на котором в мнимом преодолении скрывается пограничная ситуация и устраняется время.

Всякое познание в мире, в том числе, следовательно, и познание человека, есть частная перспектива, посредством которой для человека возникает пространство его ситуации. Поэтому познание находится в руке человека, который его схватывает. Однако сам для себя он — нечто совершенно незавершенное и не допускающее завершения, переданное некоему другому. Мысля, он лишь освещает себе путь.

Из-за того что человек во всем своем познании еще не находит себя познанным и вносит предметное познание в свой философский процесс, он еще раз прорывается, на этот раз через самого себя. То, что он потерял, когда был полностью предоставлен самому себе, может вновь открыться ему в новом образе. Лишь на мгновенное заблуждение в безнадежности своего голого существования он считал себя тождественным происхождению всего как познающий. Стремясь серьезно понять самого себя, он обнаруживает опять то, что больше, чем он. В мире он вновь обращается к объективности, которая грозила застыть для него в безразличии или потеряться в субъективности; он схватывает в трансцендентности бытие, которое он в своей свободе, представляющейся ему явлением существования, смешивал с собой в качестве самобытия.

Обе эти возможности известны сегодня под наименованием учений; путаница происходит там, где они еще не обрели прочной значимости, но волнуют сегодня человека как едва ли не необозримые способы выражения. Познание человеческого бытия, которое устанавливалось в отдельных направлениях, стало в качестве социологии, психологии, антропологии типичными современными науками, которые в тех случаях, когда они, абсолютизируя, полагают, что познают бытие человека в целом, следует отвергнуть как безнадежную попытку заменить философию. Лишь при ином понимании возникает философия, которая в качестве современной называется экзистенциальной философией. Она находит сегодня материал

135

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

своего выражения в областях, которые в качестве познания человека одновременно ограничиваются и обеспечиваются ею. Однако она переступает через них в движении к самому бытию. Экзистенциальная философия — это философия бытия человека, которая вновь выходит за пределы человека.

Науки о человеке. Социология

Поскольку человек есть только в обществе, которому он обязан существованием, традицией и задачами, его природу следует изучать только посредством изучения общества. Отдельный человек кажется непонятным, но не общество. Не знание о человеке как отдельном индивиде, а знание об общественных образованиях приведут к его бытию. Общественные учреждения, культурные образования, составляющие человечество, являются аспектами бытия человека. Подобная социология существует в разнообразных разветвлениях...

В подобных исследованиях даны определенные частные и относительные познания; но они служат вместе с тем выражением духовной борьбы за способы бытия человека. Общим признаком их является абсолютное утверждение бытия. При таких меняющихся предпосылках аргументы могут быть любыми и любым образом противопоставляться друг другу. Человек, как таковой, всегда исчезает в подобном мнимом знании.

Решающий, обосновывающий знание как знание и поэтому освобождающий человека шаг делается тогда, когда в данной исторической ситуации смысл объективного познания резко отличается от выражения воли не только в теории, но становится и в жизни целью радикальных действий. Этот шаг сделан в наше время Максом Вебером.

Для него социология — уже не философия человеческого бытия. Она является отдельной наукой о поведении человека и его следствиях. Доступные познанию связи для него относительны; он знает, что величина каузального фактора никогда не может быть измерена в бесконечном переплетении исторической действительности: картина целого может быть только аспектом в предметном созерцании, а не знанием действительного целого. Это релятивистское познание не затрагивает человека как его самого. Для него воззрения становятся возможностями и границами; он постигает познаваемое своей ситуации в существовании, но он не возвышается до знакомого и доступного знания. Согласно этой позиции, возможные воззрения должны быть охвачены в их относительности и присутствовать там, где что-либо совершается с должной ответственностью; но она запрещает возлагать ответственность на догматическое знание как на объективную правильность и требует понимания опасности и риска подлинного действия в мире.

Психология

Раньше психология была звеном в мыслимом строении существования. Она предлагала конструктивно, исходя из метафизических принципов, схему элементов и душевных сил, иллюстрируя ее повседневными наблюдениями или рассказами об удивительных событиях. В XIX веке она стала собранием физиологических и психологических утверждений, в силу необходимости соединенных теориями лежащего в их основе бессознательного. Разделенная на тысячи безразличных данных, все больше растворяясь в ничтожестве экспериментального исследования, она, в конце концов, превратилась лишь в подобие науки. Новая глубина в ней открылась в экзистенциально-философском мышлении Кьеркегора и Ницше. К этому присоединились неожиданные эмпирические открытия в области психологии животных и психопатологии. Психологическое истолкование всех вещей стало господствовать в романах и драмах.

Не оказался исследователя, который в путанице учений и фактов, мировоззренческих импульсов и объективного исследования, описаний процесса сознания и спекуляций о бессознательном, в психологии, лишенной души и призраков души, разрешил бы эту путаницу и поставил бы все доступное знанию во внутреннюю связь, методически разграничив эмпирическое, объективно обязательное и относительное.

136

137

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Каря ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

Общим достоянием нашего времени психология стала, приняв характерный для сегодняшнего дня облик психоанализа Фрейда. Если заслугой психоанализа является то, что в сфере внимания оказались не замечаемые ранее в психопатологии факты, то недостаток его состоит в том, что эти факты не были безусловно определены, ибо, несмотря на громадную литературу, до сего дня отсутствует действительно удовлетворительная и убедительная казуистика. Она держится области вероятного, которое на мгновение действительно может показаться решающим, но смысл и действие которого не могут быть ограничены неискушенными людьми.

Психоанализ коллекционирует и толкует сны, ошибочные действия, невольные ассоциации, стремясь проникнуть в глубины бессознательного, определяющего сознательную жизнь. Человек является марионеткой бессознательного; осветив его, он станет господствовать над ним. В бессознательном коренятся основные влечения, которые объединяются в качестве либидо и рассматриваются, прежде всего, как эротическое влечение. К ним присоединяется влечение к власти, к значимости и, наконец, к смерти. Учения никогда не становятся едиными, даже эвристически, на мгновение, чтобы, исходя из этого, двигаться вперед, ясно поставив вопрос, и таким образом решить что-либо исследованием. Их создатели ссылаются на то, что они эмпирики, повторяя при наличии безграничного материала год за

годом, по существу, одно и то же. Истинная саморефлексия, достигшая после длительного развития в рамках христианства вершины у Кьеркегора и Ницше, здесь искажена для открытия сексуальных желаний и типичных переживаний детства; это — маскировка подлинной опасной саморефлексии простым обнаружением известных типов в их мнимой неизбежности, которая абсолютизирует человеческое существование в его низменных проявлениях.

Так соединяется пригодное для того, чтобы показать растерянной массе, что такое человек. Инстинкт, требующий утверждения человека в его слишком человеческом, находит непреднамеренное удовлетворение. Это учение используется для самооправдания существования в его фактической действительности; подлинной действительностью становятся ли-

138

бидо и другие влечения, подобно тому как в марксизме таковыми являются материальные интересы. Они, действительно, присутствуют, но все дело в том, чтобы провести их подлинную границу и рассматривать их в человеческом бытии как другое. Молчаливо допускаемое следствие психоанализа сводится к тому, чтобы не измышлять, а сделать осязаемым идеал, посредством которого человек не приходит через напряжение и насилие, как это было бы возможно, к самому себе, а возвращается к своей природе, и ему уже больше не нужно быть человеком.

Антропология

Антропология занимается человеком, как она его видит в его изначальной сущности. Ее цель — не общечеловеческая психология, а типическое бытие человека как специфическое бытие индивидуального характера. Антропология становится одним из средств схватить неповторимое в его жизненности — тип строения тела, расы, характера, культуры душевной жизни.

В отличие от идеализма, который видит в воображении лишь дух без действительности, и в отличие от материалистического понимания истории, которая превращает человека в функцию, антрополог полагает, что видит бытие самого человека.

Антропология является агломератом, связанным основным понятием расы. Физическая антропология изучает тело, его строение и функции в фактических видах, распространенных на земле. Она точно фиксирует его облик посредством измерений и других наблюдений. Однако телесность человека становится релевантной для знания о бытии человека лишь тогда, если она понимается как физиогномическое выражение его сущности. Понимание выразительности — подлинный источник антропологии в той мере, в которой она направляет свое внимание на бытие человека. От физиогномики и мимики через графологию к морфологии культуры проходит, методически аналогичная позиция — интуитивно понимающее

139

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

видение бытия, проявляющегося в объективности форм тела, в фиксированном в почерке движении, в творениях и поведении людей и народов.

В значительных в некоторой своей части произведениях, в которых это антропологическое видение достигло конкретного сообщения, принудительное объективное знание и возможное интуитивное понимание данного таким образом выражения настолько тесно связаны, что значимость одного внушает читателю значимость другого. Проводятся измерения, но то, что действительно видят, не допускает каких бы то ни было измерений и фиксирования в цифрах. Сообщаются факты, но они еще не отражают смысла, который полагается в них как само собой разумеющийся. Ибо видение выражения не становится обязательным знанием; оно остается возможностью и само является выражением сущности того, кто таким образом видит. В выражении ему является не просто данность природы, но бытие свободы.

Антропологическое понимание вбирает в себя возможности духовного видения, чтобы схваченное таким образом сразу же принизить до натуралистического бытия. Его мышление подчинено масштабу жизненной деятельности, категориям роста и гибели; его произвольная предпосылка сводится к тому, что человек может ухаживать, воспитывать, создавать, вмешиваться. Многообразие человека для нее — не явление экзистенции в ее существовании как историчности и судьбы.

Импульсом этой антропологии не являются поиски оправдания среднего, обычного. Напротив, в этом мышлении царит любовь к благородному облику человека и ненависть к неблагородному. Возникают аспекты человека в качестве образцов и противоположного им. Типы — то, чем я сам хотел бы быть или которым бы хотел противостоять. Типы народов, профессий, строений тела различаются объективно, однако так, что это различие всегда исходит из тайной любви или антипатии.

Другим импульсом служит желание познать себя в богатстве возможного. Себя видят по-новому, и жажда наблюдения над людьми становится ненасытной. Устраняются различия профессий, партий, народов, чтобы привести в ближайшее

140

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

соприкосновение людей в наибольшей степени отдаленных друг от друга. Познается родство, которое затем объективируется в образах высших рангов.

Однако эти методы, которые как будто приближаются к экзистенциальной философии, отделены от нее бездной в тех случаях, когда они абсолютизируются в познание бытия. Ибо в них действует импульс — упростить собственное бытие; из бытия свободы оно превращается в данное бытие, которое таково, в бытие как расу. Склонность считать себя по своему бытию благороднее или, чувствуя себя ниже, отказываться от требований к себе, парализует свободу, превращая ее в природную необходимость...

Экзистенциальная философия

Социология, психология и антропология учат рассматривать человека как объект, который следует изучить на основании опытных данных, позволяющих модифицировать его посредством ряда мероприятий; таким образом можно в самом деле узнать кое-что о человеке, но не самого человека; человек же как возможность своей спонтанности противится пониманию его как результата. Для индивида совсем не обязательно быть тем, чем его конструирует социология, психология или антропология. Он эмансипируется от того, что науки стремятся, как будто, окончательно понять в нем; он рассматривает действительно познаваемое как частное и относительное. Выход за границу познаваемого в догматическом утверждении бытия он постигает как обманчивый суррогат философствования; когда хотят бежать от свободы, оправдания ищут в видимости знания о бытии. Специфическое объективное знание о вещах и о себе как существовании человеку необходимо для его деятельности в любой ситуации и во всех профессиях. Но объективного знания всегда недостаточно. Ибо оно становится осмысленным лишь посредством того, кто им обладает. Лишь мое собственное воление определяет, как я это знание использую. Самые лучшие законы, самые замечательные учреждения, самые

141

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

верные результаты знания, самая действенная техника могут быть использованы в противоположном смысле. Они становятся ничем, если люди не наполняют их содержательной действительностью. Поэтому то, что действительно происходит, может быть изменено не улучшением объективного знания, но посредством бытия человека; истоком того, что он совершает, служит его внутреннее отношение, способ того, как он осознает себя в своем мире, содержание того, что его удовлетворяет. Экзистенциальная философия есть использующее все объективное знание, но выходящее за его пределы мышления, посредством которого человек хочет стать самим собой. Это мышление не познает предметы, а проясняет и выявляет бытие в человеке, который так мыслит. Приведенное к парению посредством выхода за пределы всего фиксирующего бытие познания мира (в качестве философской ориентации в мире) оно апеллирует к своей свободе (в качестве прояснения существования) и создает пространство для своей безусловной деятельности в заклинании трансценденции (в качестве мета-физики).

Эта экзистенциальная философия не может обрести законченного выражения в каком-либо произведении или окончательного завершения в существовании какого-либо мыслителя. Свои истоки и одновременно ни с чем не сравнимое расширение она обрела у Кьеркегора. Кьеркегор, который в свое время стал сенсацией в Копенгагене, затем был вскоре забыт, получил большую известность незадолго до начала первой мировой войны, но оказал значительное воздействие лишь в наше время. Шеллинг вступил в своей поздней философии на путь, на котором совершил экзистенциальный прорыв в немецком идеализме. Однако так же, как Кьеркегор, напрасно искавший метод сообщения и пытавшийся найти выход в технике псевдонимов и в «психологическом экспериментировании», Шеллинг похоронил свои подлинные импульсы и видения в им самим созданной идеалистической систематике, которой он в юности держался и не мог преодолеть. В то время как Кьеркегор сознательно занимался самой глубокой философской проблемой, проблемой сообщения и, стремясь

142

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

к непосредственному сообщению, пришел к поразительно неудачному результату, который тем не менее потрясает каждого читателя, Шеллинг как бы пребывал в бессознательности и может быть открыт, только если идти к нему от Кьеркегора. Из другого корня, не зная обоих мыслителей, вступил на путь экзистенциальной философии Ницше. Англосаксонский прагматизм служил как бы предварительной ступенью. Разрушив традиционный идеализм, он заложил как бы новую основу; однако то, что он вслед за тем построил, можно в качестве агломерата плоского анализа существования и дешевого жизненного оптимизма считать не более чем выражением слепого доверия к нынешней путанице.

Экзистенциальная философия не может найти решение; она способна стать действительной только в

многообразии мышления каждый раз из истоков в сообщении от одного к другому. Она пришлась ко времени, но уже сегодня видна скорее ее неудача и подчинение шумящей, которая превращает все, что появляется в мире, в несвоевременный шум.

Экзистенциальная философия сразу же погибла бы, если бы она считала, что обладает знанием того, что есть человек. Она вновь стала бы заниматься исследованием человеческой и животной жизни в ее типах, стала бы антропологией, психологией, социологией. Смысл ее сохраняется только в том случае, если она в своей предметности остается безосновной. Она пробуждает то, чего не знает; проясняет и волнует, но не фиксирует. Для человека, который находится в пути, она служит выражением, посредством которого он сам опирается на себя в принятии направления, средством сохранить возвышенные моменты для осуществления посредством своей жизни.

Экзистенциальная философия может снизиться до простой субъективности. Самобытие может быть неправильно понятым как бытие и солипсически замыкающееся в себе в качестве существования, которое хочет быть лишь таким. Подлинная экзистенциальная философия апеллирующе вопрошает, благодаря чему человек пытается сегодня вновь прийти к самому себе. Поэтому понятно, что она есть лишь там, где за нее борются. При вносящем путаницу смешении с социологическим, психологическим и антропологическим мышле-

143

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

нием она попадает лишь в софистический маскарад. Тогда ее либо бранят, называя индивидуализмом, либо используют в качестве оправдания личного бесстыдства, и она становится опасной почвой истерического философствования. Но там, где она сохраняет подлинность, там только она и может создать ощущение для явления подлинного человека.

Экзистенциальное просветление, поскольку оно беспредметно, не дает результата. Ясность сознания содержит требование, но не дает выполнения. В качестве познающих нам приходится удовлетвориться этим. Ибо я не есть то, что я познаю, и не познаю то, что я есть. Вместо того чтобы познать мою экзистенцию, я могу только ввести процесс прояснения.

Познанию человека наступил конец, когда было постигнуто, что его граница находится в экзистенции. В экзистенциальном прояснении, которое выходит за пределы этого познания, остается неудовлетворенность. На почве экзистенциального прояснения следует еще раз вступить в новое измерение, когда делается попытка обратиться к метафизике. Создание метафизического предметного мира или возможность открыть истоки бытия — ничто, если они отделены от экзистенции. Она с психологической точки зрения лишь создана, состоит в образах фантазии и в своеобразно волнующих мыслях, в содержании рассказов и конструкциях бытия, которые для каждого пытающегося схватить их знания сразу же исчезают. В ней человек обретает покой или ясное понимание своего беспокойства и грозящей ему опасности, когда перед ним как будто спадает пелена с подлинно действительного.

В наше время подступы к метафизике экзистенциально столь же запутаны, как и все философствование вообще. Однако ее возможность стала, быть может, чище, хотя и уже.

Поскольку необходимое опытное знание теперь ни с чем спутать нельзя, метафизика как научное знание больше невозможна и должна быть постигнута в совсем ином направлении. Поэтому она стала опаснее, чем раньше, ибо она легко уводит либо в суеверие, отрицая науку и истинность, либо в беспомощность, которая больше ни во что не верит, поскольку она хочет, но не может знать. Только тогда, когда эта опасность на почве экзистенциальной философии будет увидена и пре-

144

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

одолена, станет возможной идея свободы в схватывании метафизического содержания. То, что тысячелетия показывали человеку в трансцендентности, может вновь заговорить, после того как оно будет усвоено в измененном облике.

КАКИМ МОЖЕТ СТАТЬ ЧЕЛОВЕК

Анонимные силы

Вопрос об анонимных силах не является вопросом о неизвестном, которое мы находим и узнаем, чтобы вновь в тех же поисках противостоять новому неизвестному. Лишь за пределом неизвестного и в различении с ним человек наталкивается на непостижимое, которое есть не еще неизвестное, а существенно анонимное. Анонимное, доступное постижению, вообще никогда не было бы таковым.

Анонимное — это и подлинное бытие человека, угрожающее исчезновением в рассеянии, и

подлинное небытие, притязующее как будто на всю сферу существования. Вопрос об анонимных силах — это вопрос о бытии самого человека.

Попытка описать анонимность уничтожила бы ее, если бы описание стало познанием. Но здесь описание — не установление, а апеллирующая возможность.

Искажение свободы. Следует напомнить о ряде проявлений современной софистики. Различные замаскированные формы неясности, возмущения, мнимой правдивости, неуверенности мнения и воления должны были служить сохранению определенной структуры существования или отрицанию ее в удобной прямолинейности. Они создали такую атмосферу, которая вносит соблазн в существование индивида, побуждая его бежать от самого себя, приняв признанный образ деятельности, необходимый для всеобщего блага. В структуре существования это всеобщее благо как будто со всех сторон идет мне навстречу, чтобы освободить меня от самого себя как притязания на самобытие.

Деловитость, осмысленная лишь в ограниченных ситуациях, становится в своей абсолютизации в «новую деловитость»

145

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

маской. Ею можно заслонить собственное ничтожество; значение человека — в выполнении функции, и это значение растет вместе с видимостью безграничной трезвости. Люди боятся слов, желаний и чувств, отвергают как пошлость не только то, что придает обманчивость содержанию, но называют пошлостью и все то, в чем не нуждается больше лишенная всех облачений вещь. Людям, собственно говоря, сказать больше нечего. Существуют лишь вопросы техники; после их решения остается немота — не глубина молчания, а выражение пустоты. Человек стремится отказаться от себя, устремиться в работу, чтобы забыться, не быть свободным, вновь стать природой, будто природа идентична технически осваиваемой вещи.

Нежелание принимать решения стало формой мира, требуемой общим интересом структуры существования. Между волей, ищущей решение о своем бытии, и волей, отказывающейся от борьбы и стремящейся лишь продолжать утвердившееся существование как таковое, идет тайная борьба. Воля, отказывающаяся от борьбы, не препятствовала бы и тому, чтобы существование соскользнуло в болото, где исчезает всякая возможность человеческого бытия. Порядок существования дает человеку чистую совесть, уверенность в том, что все совершаемое им и его бытие правильны, при условии, что его поведение никогда не потребует принятия подлинных решений.

Однако человек не может отказаться от себя. В качестве возможности свободы он либо ее истинное осуществление, либо ее искажение, которое не дает ему покоя. Человек, исказивший себя как свободу, становится в своем корне неразличимым. Он отгорожен формами общения и оборотами речи.

В своем искажении он противостоит свободе. При тайной любви к бытию, возможностью которого он был, он вынужден уничтожать бытие повсюду, где оно ему встречается. Его скрытое благоговение превращается в глубокую ненависть. Он пользуется структурами существования, чтобы ложно используемыми аргументами свободы уничтожить ее мощью аппарата. Сущность свободы — борьба; она стремится не к успокоению, а к обострению, не к невмешательству, а к оче-

146

Каря ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

видности. Однако анонимная враждебность к свободе превращает духовную борьбу в искаженную духовность инквизиции: игнорируя самобытие там, где она не может нанести ему удар, отступая повсюду, где ей пришлось бы выступить открыто, она пользуется любой возможностью, чтобы напасть на существование самобытия или уничтожить его приговором публичной власти. Самобытию выносятся приговор, его не выслушивают, в него вторгаются: то, что относится к сфере подлинной коммуникации, желание коснуться глубочайших мотивов настроения и поведения, используется здесь посредством предания гласности частной жизни для публичного порицания. К такому инквизиторскому поведению способно лишь предательство собственных возможностей, которое поразительным образом внезапно прорывается то тут, то там в лишенном коммуникаций мире.

При искажении истинное сознание относительности структуры существования и ничтожности свободы перед лицом ее трансценденции превращается в отрицание всего. Тайный яд, неспособный нейтрализоваться посредством структуры существования, наполняет жизнь отрицанием и упреками, а не деятельностью и трудом. Отравленный этим ядом, я всегда хочу, собственно говоря, только иного, не того, что есть, всегда хочу устремиться, чтобы только не нести ответственности. Справедливая критика времени и обстоятельств, в силу того, что они таят в себе угрозу человеку, превращается в удовольствие скептического уничтожения, будто отрицание в устах недееспособных людей уже есть жизнь. Готовность разрушить мир — к чему это приведет, будет видно, во всяком случае, к чему-нибудь такому, что также будет достойно разрушения, — такова удобная позиция этого отрицания. По-

иски самосознания носят негативный характер, от него отказываются. Однако жизненный инстинкт все-таки заставляет желать — пусть даже в качестве ничто — остаться самим собой. Люди скрывают свои побуждения под видом неумолимой правдивости, которая в своем корне — не что иное, чем ложь. Все продуманное в осознании времени за столетие должно служить мишурой этого отрицающего мнения и высказывания.

147

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Софист

Конкретное определение искажения слишком просто. Ибо искажение софистического существования универсально. Там, где оно принято, оно уже вновь изменилось. Софист, возможность которого создана структурой существования в качестве грозного анонимного предзнаменования судьбы человека в будущем, может быть описан только как непрерывное изменение; формулирование сразу же придает ему слишком определенные черты. В своей как будто само собой разумеющейся естественности он никогда сам не присутствует. Сведущий во всем, он использует по своей прихоти каждую возможность — то одну, то другую.

Он всегда выступает как соучастник, так как хочет присутствовать. Он всячески стремится избежать любого серьезного конфликта, не позволить ему отчетливо проявиться на каком бы то ни было уровне. Маскируясь всесторонней связью, он хочет только существовать и неспособен к подлинной вражде, которая в своей высокой сущности выступает против другой стороны на равном уровне в борьбе за неопределенную судьбу.

Там, где все обращается против него, он готов склоняться и угодничать, но вновь встает во весь рост, как только видит, что опасность миновала. Ему удается найти выход даже там, где все представляется безнадежным. Он повсюду устанавливает связи, ведет себя так, что невозможно не испытать к нему симпатии и не помогать ему. На службе он гибок в отношениях с властью; груб и неверен вдали от власти; патетичен, когда это ни к чему не обязывает; сентиментален, если его воля сломлена.

Там, где он обретает превосходство и прочную позицию, он, только что такой скромный, переходит в наступление против всего, что есть бытие. Маскируясь возмущением, он направляет свою ненависть на благородство человека. Ибо он обращает в ничто все, что встречается на его пути. Он не стоит перед возможностью ничто, он верит в ничто. Встречаясь с бытием, ему необходимо убедиться на свой лад, что это ничто. Поэтому, хотя он все знает, ему чужды почтение, стыд и верность.

148

Кара ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

Он патетически устремляется в радикальное неудовольствие под видом героического терпения. Для него обычна лишенная экзистенции ирония. Он бесхарактерен, не будучи злым, одновременно добродушен и враждебен, готов помочь и беспощаден и, собственно говоря, ничто. Он склонен к мелкому непристойному обману и вместе с тем может быть порядочным и честным, но при этом всегда лишен величия; он — не дьявол во плоти.

Никогда не бывая подлинным противником, он не призывает к ответу, все забывает и не ведает внутренней ответственности, о которой, однако, все время говорит. Он лишен независимости безусловного, но сохраняет бесцеремонность небытия, а в нем сиюминутную и меняющуюся по настроению непререкаемость утверждения.

В интеллектуальности он обретает единственное прибежище. Здесь он чувствует себя хорошо, ибо задача состоит только в том, чтобы в движении мысли постигать все, как другое. Он все путает. Вследствие недостатка самобытия он никогда не может усвоить науку. В зависимости от ситуации он переходит от научного суеверия к суеверию, побеждающему науку.

Его страсть — дискуссия. Он высказывает решительные мнения, занимает радикальные позиции, но не удерживает их. То, что говорит другой, он не усваивает. Каждому он внушает, что сказанное им верно, надо только одно прибавить, другое изменить. Он полностью соглашается с собеседником, но за -тем делает вид, будто вообще ничего не было сказано.

Если ему повстречался противник, обладающий самобытием, для которого интеллектуальность важна не сама по себе, а как медиум явления бытия, он становится бесконечно подвижным; возбужденный до крайности, так как ему представляется, что опасность грозит значимости его существования, он постоянно меняет точку зрения, все время занимает разные позиции в дискуссии, то подчеркивает совершенно объективную деловитость, то переходит к аффектации; он идет навстречу, чтобы найти общую формулу, будто в ней заключена истина; становится то плаксивым, то возмущенным, но то и другое ненадолго. Он даже готов быть уничтоженным, только бы обратить на себя внимание.

149

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Условие его жизни — рассматривать все рационально. Он воспринимает характер мышления,

категории, методы — все это без исключения, но только как формы выражения, не как содержательное движение познания. Он мыслит в последовательности силлогизмов, чтобы с помощью известных логических средств достигнуть мгновенного успеха, применяет диалектику, чтобы остроумно обратить все сказанное в противоположное, использует в созерцании и примерах, не обладая подлинным пониманием вопроса, плоскую понятность, ибо он заинтересован в риторическом воздействии, а не в понимании. Он рассчитывает на общую забывчивость. Пафос его риторической решимости позволяет ему ускользать, наподобие угря, от всего, способного его поймать.

Он оправдывает и отвергает в зависимости от того, что ему полезно. Все сказанное им — забава, не меняющаяся во времени, коммуникация с ним — растекание в бездне. Из сказанного им ничто не вырастает, ибо он журчит, как ему вздумается. Вступать с ним в общение означает попусту растрачивать себя. В целом он охвачен страхом от сознания своего ничтожества и все-таки не решается на скачок, который мог бы привести его к бытию.

Такого завершенного в своем небытии человека в результате искажения свободы быть не может. Однако подобные описания следует безгранично продолжать. Они кружатся вокруг некоей анонимной силы, тайно стремящейся овладеть всеми, то ли для того, чтобы превратить нас в нее, то ли для того, чтобы исключить нас из существования.

Вопрос о действительности времени

Понимание того, что в настоящее время есть истинное бытие, какое бытие в качестве существования обладает зрелостью своего крушения, которое пока еще не более чем росток, как то и другое составляют основу будущего человеческого бытия, столь же недоступно знанию, как бытие софиста. Бытие остается скрытым, оно молчит даже и тогда, когда его носитель играет публичную роль, но становится видимым

150

Карл ЯСПЕРС, Жан ЕОДРИЙАР

каждому встречному, если он сам открыт бытию, которое он видит сквозь собственное самобытие. Вопрос об этой подлинной действительности времени неизбежен, но ответ на него не может быть дан. Следует лишь сформулировать сомнения и поставить вопрос:

Вызывает сомнения, встречается ли эта действительность в общественной жизни в качестве того, что знает и может знать каждый, что каждый день устанавливают и о чем толкуют газеты. Ибо эта действительность может заключаться в том, что происходит за этим зримым для нас, в том, чего мало кто касается и еще меньшее число людей обнаруживает в своих действиях. Она может быть жизнью, о которой, пожалуй, никто не говорит потому, что никто ее не осознает.

Возникает сомнение в том, существует ли духовное движение, действующее так, чтобы все принимали в нем участие; быть может, эта доступность всем была бы лишь инерцией уже прекратившегося движения, которое, закостенев в объективности, способно служить только для развлечения. Духовное движение могло бы во все времена, оставаясь неизвестным толпе, принадлежать невидимому царству духов. В той мере, в какой люди держали руль, исходя из него, это движение косвенно воздействовало на них посредством мотивов решений, однако не так, чтобы их смысл мог быть доступен всем или доступен сегодня. То, что стало бы понятно всем, было бы обеспечением существования в устройстве мира, сводилось бы к манере поведения и высказываний, к тому, что повсюду доступно и что, по существу, не имеет значения.

Возникает сомнение в том, что такое, собственно говоря, успех. В мире успех проявляется в публичном признании, в значимости сказанного, в достижении привилегированного положения, в наличии денег. Тот, кто в качестве самого себя вступает в мир, будет стремиться к этому успеху для расширения условий существования, но этот успех станет действительно таковым, если он в своем самостановлении, в построении наполненной жизни достигнет посредством расширенных условий существования и в своем господстве над ними действительно настоящего для человека.

То, что надлежит показать в образе настоящего, никогда не бывает этим настоящим полностью. Каждый живет в мире

151

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

еще неосознанных возможностей. Существует как бы некий закон: то, что мы знаем, уже не есть путь субстанциальной истории. Подлинно действительное происходит почти незаметно, вначале изолированно и рассеянно. Новое поколение обычно мало похоже на то, о котором мы говорим. Те молодые люди, которые после тридцати лет совершат решительные действия, вероятнее всего бывают тихими, ожидающими; однако уже теперь, незаметно для других, они посредством неограниченной духовной дисциплины полностью отдаются своей экзистенции. Эти люди обладают чувством времени и ничего не предвосхищают. Невозможно установить, кто к ним относится. Все попытки отбора не что иное, как гротескное притязание не сознающего своих

границ технического рассудка. Заранее известное уже существовало бы, и незачем было бы осуществлять его всей судьбой своей жизни. Существует признание способностей, прилежания, надежности, но не анонимности и в качестве предсказания подлинного бытия и утверждения ранга. Анонимное бессловесно, бездоказательно, непритязательно. Оно — зародыш бытия, его невидимый образ, пока оно еще растет, и мир не может отозваться на него. Оно подобно огню, который мог бы воспламенить мир или стать в превратившемся в кучу пепла мире тлеющей искрой, сохраняющей свою силу, чтобы когда-либо вновь возгореться или вернуться в завершении чистой к своему началу.

Современный человек

В настоящее время мы не видим героев. Этого слова опасаются. Всемирно-исторические решения не принадлежат отдельному человеку, который принимает их и может в течение некоторого времени таить в себе. Решение абсолютно лишь в личной судьбе единичного человека и почти всегда представляется относительным в судьбе огромного аппарата современности. Только потребность души массы в восхищении создает своих героев, когда она направлена на виртуозность, способность рисковать жизнью и политическое представительство; на мгновение она помещает индивида в центр свое-

152

Кара ЯСПЕРС, Жан КОДРИЙАР

го внимания, однако вскоре совершенно забывает, когда свет рампы падает уже на другого. Возможный героизм человека сегодня лишен в деятельности блеска, в воздействии — славы. Он остается без признания, если, не уступая повседневности, обладает силой самостояния. Он не ведает чар неверных ожиданий и ложного, отстраняющего его от самого себя отклика. Он отвергает облегчение, которого можно достичь, действуя, как все, получая общее одобрение, и не дает поколебать себя сопротивлением и непризнанием. Ему свойственна уверенность в продолжении своего пути. Этот путь — смелое принятие одиночества, невзирая на то что пересуды, согласно которым подобное притязание на своеволие действительно заслуживает одиночества, едва ли не принуждает следовать тому, чего хотят все. Сохранять при этом без упрямства и слабости выбранное направление, не поддаваться ни на мгновение обману, даже при усталости и слабеющем рассудке сохранять верность решению — такова задача, которая заставляет едва ли не каждого иногда оступиться. В невозможности когда-либо быть довольным собой бытие человека в своей невидимости может надеяться обрести неverified подтверждение только перед лицом своей трансценденции.

Если человек в качестве героя характеризуется тем, что утверждает себя перед превосходством силы, которая, будучи свойственна каждой эпохе, достигает, противостоя ему, цели, к которой она слепо стремится, то сегодня он утверждает себя* перед неосязаемой массой. Индивид не смеет сегодня ставить ее под радикальное сомнение, если он хочет жить в мире; он должен молча терпеть и участвовать в ее действиях или стать мучеником, оказаться во власти этого деспота, уничтожающего тихо и незаметно. Подобную власть мы обнаруживаем в тех индивидах, которые в качестве функционеров группы власти в рамках всеобщности на мгновение осуществляют волю массы так, как они ее понимают, чтобы после завершения своей функции — в их понимании — вновь впасть в ничтожество. Поэтому они и не могут быть постигнуты как индивиды. Современный герой, становясь мучеником, не увидел бы своего противника и сам остался бы невидимым в качестве того, что он в действительности есть.

153

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

В скепсисе нашего времени массовые проявления суеверия служат как бы вызванными отчаянием случайными фанатическими связями. Пророки всех видов достигают успехов. Для независимости же остается только один путь — никогда не отказываться от скепсиса по отношению ко всему объективно фиксированному. Человек, выражающий в нем истинное бытие, радикально отличен от прежних пророков. Прежде всего он не признан пророком, он действует скрыто, в противном случае он превратился бы в демагога, в эфемерно обо^ жествляемого, затем отвергнутого вождя массы или в течение некоторого времени в самого себя — возвеличивающего представителя культа в какой-либо группе. Поэтому он отказывается быть пророком; он отталкивает тех, кто хочет ему следовать, ибо его сущность отвергает подчинение; он видим лишь независимым, которые, проникая взором в его сущность, приходят к самим себе. Он ищет не последователей, а соратников. Стремиться к тому, чтобы ему следовали, он может только в государственной жизни как общей судьбе существования; лишь здесь он становится в качестве демагога вождем, совершает в созданной им понятной форме для всех

то, что, по существу, понимают лишь немногие, и остается при этом скрытым в качестве самого себя. Его сущность воздействует косвенно; он не становится пластическим образом, не провозглашает законов. Не погружаясь в деятельность приходящих и уходящих кумиров существующего порядка, он пребывает в качестве самобытия для самобытия, ибо он создает жизнь как требование посредством действия в другом, исходя из его собственных истоков, не превращаясь для него в идола в своем противопоставлении ему.

Он не предсказывает будущего, но говорит то, что есть. Это он постигает в его полноте как явление бытия, не абсолютизируя его в очередной миф.

Его образ можно спутать с другим, его объективная деятельность может быть незаметной, его знание — как бы двойственным. Его сущность — очевидная тайна. Открытость безграничного желания видеть превращается у него в молчание — не для того, чтобы умолчать о том, что он знает и мог бы сказать, но чтобы не внести в высказанное то, что

154

Кара ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

посредством ошибочности стало бы в экзистенции неясным самому себе. Такая неустранимая анонимность — его признак. Каждый должен быть готов услышать в своем мире ее призыв, не делая ее вновь невидимой для себя из-за ложного утверждения о причастности и ожидания.

Борьба без фронта

Анонимное есть подлинное бытие, открытость которому единственно и создает уверенность в том, что не существует ничто. Но анонимное — одновременно и существование небытия, чья сила ни с чем не сравнима и не может быть постигнута, хотя она и грозит всему уничтожением. Оно есть то, единение с чем возвышает меня, и есть то, с чем я должен бороться, когда ищу бытие. Но и эта борьба своеобразна. Существование небытия кажется то исчезнувшим, то внезапно господствует над всем. В нем сосредоточено нечто зловещее, связанное с беспокойством вследствие неуверенности в том, против чего и за что идет борьба. В нем как будто не остается ничего, кроме жестокой борьбы за существование в ее постоянной эгоцентричности. Но и само это понимание дано им, ибо оно покрывает все пеленой небытия, потому что само есть ничто.

Подобно тому, как примитивный человек противостоял демонам, полагая, что, назвав их имя, он станет их господином, современный человек противостоит этому непостижимому, путающему его расчеты: если только мне удастся познать его, полагает он, я заставлю его служить мне. Аналогом демонов являются анонимные силы ничто в разбожествленном мире.

Борьба, в которой ясно, с кем имеешь дело, открыта. В современном же существовании после минутного прояснения человек теряется от путаницы в фронтах борьбы. Тот, кто только что казался противником, оказывается союзником. Кто по объективному желаемому должен был быть противником, выступает на твоей стороне; то, что, собственно говоря, кажется антагонистичным, отказывается от борьбы, а представлявшееся единым фронтом оборачивается против самого себя.

155

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

И все это в вихревой неразберихе и изменчивости. Это может превратить меня в противника того, кто казался ближайшим, и в союзника самого далекого человека.

Можно было бы вообразить, что этот образ возник вследствие борьбы двух эпох, происходящей сегодня, причем таким образом, что отдельный человек не знает, где он находится, и никто не может знать, что же действительно старое и что, собственно говоря, будущее; эпоха еще неясна в своей сущности; поэтому без понимания себя и ситуации люди борются, быть может, против подлинного смысла. Однако единства нет ни в прошедшей, ни в будущей эпохе. Существо человека в его истории всегда промежуточно, это — беспокойство его всегда незавершенного существования во времени. Ему не поможет попытка обнаружить единство наступающей эпохи, разве только никогда не прекращающиеся попытки снять пелену с анонимных сил, стоящих поперек дороги, как порядку существования, так и самобытию.

Минуя случайные и нежеланные фронты борьбы, человек стремится попасть на подлинные и желаемые. Пусть падут фронты, оказывающиеся подступами, ибо в них нет идентичной воли, пусть увидят друг друга подлинные противники. Все то, что встает между ними как непостижимое, туманит ясность, парализует волю, препятствует достижению цели, пусть оно выйдет наружу. Лишь тогда, когда я и другой пойдем друг друга в борьбе, она станет осмысленной. Я хочу сознания, хочу видеть противника. Пусть он не прячется за моей спиной и не исчезает, когда я оборачиваюсь; пусть он смотрит мне в глаза, говорит со мной и отвечает мне. Однако анонимные силы ускользают и меняют свой облик. Если я на мгновение как будто ухватил их, они уже не то, чем были. В некоторых образах они перестают быть силой, если им не противиться и просто не обращать на них внимания; однако неожиданно они вновь появляются в другом образе. Они выступают с одинаковым успехом как

противники и как друзья, становятся двойственными как одним, так и другим. Каждый, кому когда-либо нечто было безусловно важно, должен был столкнуться с этой путаницей. Она прорывает наше плано-

156

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

мерное существование и опустошает самобытие человека. Или же человек должен сам принимать участие в этой путанице, ничего не ведая о ней.

Подлинные противники выступают там, где в существовании бытие противостоит бытию в продуктивной борьбе. Нет противников там, где бытие борется за существование с небытием. Может случиться, что небытие незаметно предательски достигнет в качестве существования триумфа в неуловимых образах софистики.

Самобытие в условиях времени

Характер бытия человека — предпосылка всего. Можно наилучшим образом наладить действие аппаратов; но если отсутствуют люди в качестве таковых, ничего достигнуто не будет. Может показаться необходимым, чтобы человек не погряз в желании просто продолжать существовать, поставить его в его сознании перед ничто: пусть он вспомнит о своем изначальном состоянии. Если в начале его исторического пути его физическому существованию угрожали силы природы, то теперь его сущности угрожает собственный, созданный им мир. На другом уровне, отличающемся от неизвестного начала его становления, вновь встает вопрос обо всем.

Существование в настоящем, в радости жизни, так же как и отчаянная решимость устоять перед лицом ничто, спасти его не могут. То и другое, правда, необходимо как минутное прибежище при неудаче, но их недостаточно.

Для того чтобы быть самим собой, человек нуждается в позитивно наполненном мире. Если этот мир пришел в упадок, идеи кажутся умершими, то человек будет скрыт от себя до тех пор, пока он в своем созидании не обретет в мире вновь идущую ему навстречу идею.

В самобытии человека начинается то, что лишь затем осуществляется в мире. Когда в бездушном существовании мир как будто становится безнадежным, в человеке сохраняется то, что в данный момент вернулось к чистой возможности.

157

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Если сегодня в отчаянии спрашивают, что же еще осталось в этом мире, то каждому следует ответить: то, что ты есть, потому что ты можешь. Духовная ситуация требует сегодня сознательной борьбы человека, каждого человека за его подлинную сущность. Он должен устоять в этой борьбе или быть побежденным, и это зависит от того, насколько он уверен в основе своего бытия в действительности своей жизни.

Настоящий момент выступает как самое трудное, невыполнимое требование. Теряя в кризисе мир, человеку надлежит, исходя из имеющихся у него предпосылок, вновь создать свой мир из первоначала. Перед ним открывается высшая возможность его свободы; ему надлежит либо в невозможности ухватить ее, либо погрузиться в ничтожество. Если он не последует путем самобытия, то останется своевольно наслаждающимся своим существованием в неотвратимости аппарата, против которого он больше не будет обороняться. Он должен, исходя из собственной независимости, овладеть механизмом своего существования или, превратившись в машину, покориться ему; должен осуществить в коммуникации связь самости с самостью, сознавая, что здесь все решается в верности или неверности; в противном случае он окажется в бездушной покинутости своего существования просто функцией. Он должен подойти к границе, чтобы ощутить свою трансцендентность, или быть опутанным просто дающим себя бытием вещей мира. К нему предъявляются требования, будто он титан; он должен их признать и установить, что ему удастся в становлении его самости, или же, если он их отвергнет, ему придется вести существование, в котором он не будет, по существу, ни человеком, ни животным. Жалобы на то, что от человека ждут слишком многого, что изменены должны быть обстоятельства, не помогут. Ибо лишь из способа самобытия вырастает подлинное воздействие на обстоятельства. Если я жду от изменения обстоятельств того, чем я могу быть из самого себя, я предаю собственные возможности. Я уклоняюсь, передавая другому то, что могло бы зависеть от меня, тогда как это другое процветает лишь в том случае, если я сам становлюсь таким, каким я должен быть.

158

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

Против мира или в мир

Первым актом пробуждающегося внимания человека является то, как он относится к миру. Самобытие есть то, что из бытия против мира вступает в мир.

Первый путь ведет из мира к одиночеству. Самобытие, которое в своем негативном решении, в своем

отказе от себя не устремляется к бытию мира, изнуряет себя в возможности. Оно говорит лишь для того, чтобы ставить под вопрос. Его атмосфера — создание беспокойства. Этот путь Кьеркегора, неизбежный при переходе, стал бы неистинным, если бы человек в собственной твердости допускал бы беспокойство других. Кто занимает какую-либо должность, осуществляя в жизни положительную деятельность, кто выступает, обучая, у кого есть семья, кто живет в мире релевантного ему исторического и научного знания, тот отверг путь негативного решения, отказа от мира. Он не может стремиться к тому, чтобы другие лишились почвы под ногами, не показав им почву, на которой он сам стоит.

Второй путь ведет в мир, но лишь через возможность первого пути. Ибо философствующее самобытие не может находиться в своем мире с не ведающей сомнения удовлетворенностью.

Сегодня, когда поглощение всего существования аппаратом уже стало необратимым, когда существование протекает в учреждениях и на предприятиях и большинство людей являются рабочими и служащими, бессмысленно стремиться зависеть только от себя в своей профессии и в обеспечении средств на жизнь. Участие в союзе, основанном на общности интересов и защищающем существование человека, работа, направленная на достижение поставленных извне целей и условий, стали неотвратимы. В некоторых областях еще есть следы относительной независимости, идущей из прошлого, их следует сохранять всюду, где они обнаруживаются как драгоценные возможности несовременного типа, которые могут показать нам бытие человека в его незаменимости, однако почти ко всем предьявляется неумолимое требование: работать на предприятии или погибнуть. Вопрос состоит в том,

159

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

как жить. Соблазняет двоякая возможность просто противопоставить себя миру. Однако действительно пойти на это может лишь тот, кто сам приговаривает себя к крушению всякого существования. Если же он пытается, используя благополучную экономическую ситуацию, обособиться от мира и сохранить полную независимость, то погрузится в пустоту, в которой все-таки останется в плену у мира; он теряет истину в бегстве из мира, от которого он, порицая его, уходит, чтобы в своем отрицании все-таки остаться бытием.

Действительность мира невозможно игнорировать. Ощутить суровость действительности — единственный путь, который ведет к себе. Быть действительным в мире, даже если поставленной цели достигнуть невозможно, остается условием собственного существования. Поэтому этос заключается в том, чтобы жить вместе с другими внутри аппарата власти, не давая ему поглотить себя. Значение предприятия, при ограниченности необходимым, состоит в том, чтобы, обеспечивая жизнь всех, одновременно служить сферой деятельности отдельного человека; он делает то, что делают все, и это создает для каждого возможность существования. Однако этос такой работы включает в себя страх перед самобытием.

Деграция сферы труда в нечто относительное как будто убивает желание приложить свою силу; однако экзистенция человека в том, чтобы суметь выдержать это отрезвление, не теряя воли к деятельности. Ибо самобытие возможно лишь в напряжении, которое, вместо того чтобы просто сопоставить две сферы жизни, пытается, исходя из одной выразить другую, не утверждая возможность общезначимого обр'аза единения в качестве единственной возможности правильной жизни для всех. Это — как бы жизнь на крутой вершине, с которой я сорвусь либо в сферу предприятия, либо в лишенное действительности существование вблизи от него.

Смысл вступления в мир становится содержанием философствования. Философия не является средством, еще менее того — волшебным средством, она — сознание в осуществлении.

Философствование — это мышление, посредством которого или в качестве которого я деятелен в качестве самого себя. Оно являет собой не объективную значимость знания, а

160

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

сознание бытия в мире. Технический суверенитет, изначальное желание знать, безусловные связи. Вступление самобытия в его мир можно наблюдать в ряде возможных направлений. Путь ведет от технического через изначальное желание знать к безусловным связям.

Повседневная сложность технического мира ставит передо мной требование владеть ею в доступной мне сфере. Отношение к вещам преобразилось; отодвинутые вдаль, они превращаются в своем безразличии в заменяемую функцию. Техника отделила человека от непосредственного присутствия. Новая задача заключается в том, чтобы посредством технического осуществления вновь достигнуть непосредственного присутствия человеческого бытия во всех вещах мира; новые предпосылки возросших возможностей должны быть принуждены служить нам. Рационализация жизненных средств вплоть до деления времени и экономии сил должна внутренне восстановить в каждой возможности

полностью присутствовать: в размышлении, в ожидании созревания, в действительной близости к вещам, которые принадлежат ему. Новая возможность заключена не просто во внешне уверенных действиях в области целесообразно машинного осуществления материальных условий существования, но в свободе, превосходящей все материальные вещи.

Там, где завоевывается техника, энтузиазм человека проявляется в открытиях, превращающих его в инициатора изменения мира, как бы во второго строителя мира; это — привилегия тех, кто прорывается к границе достигнутого.

Там, где используется техника, уместно спокойствие в ограничении необходимым, строжайшая экономия времени, отсутствие спешки и без расточительства. При оглушающей сложности технической сферы тем не менее становится возможным неповторимый покой существования, господствующий над внешними условиями жизни и собственной жизненной телесностью. С легкостью достигнутое, воспринятое с детства послушание законам, регулирующим общественные функции, создает свободную сферу и для самобытия.

Технический мир как будто уничтожает природу. Раздаются сетования на то, что существование становится далеким от

6 - 4975 Ясперс

161

«РИЛОСОФКЖИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Каря ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

природы. Однако техника, которая вынуждена на своем пути смириться с безобразием и отдаленностью от природы, могла бы в конечном счете создать возможность более интенсивного подхода к природе. Современный человек способен по-новому осознать солнце и стихию мира. Техника создает предпосылки для того, чтобы жить в целостности географического мира, в обширном пространстве света и воздуха и всех видов их явления. По мере того как все становится близким и достижимым, родина расширяется. Из этого завоевания природы вырастает подлинная радость от близости нетронутой природы, которую я в одиночестве воспринимаю и открываю в чувственной близости посредством деятельности в ней моего тела. Только расширяя эту возможность открытия в моем непосредственном окружении и не освобождаясь от почвы, вернее, пользуясь этим освобождением просто как техническим средством приблизить ко мне эту почву, я могу не только увидеть в искусственно созданных возможностях шифры природы, но и глубже проникнуть в них. С технизацией мира мы вступили на гуть, по которому надлежит следовать дальше. Повернуть вспять означало бы затруднить существование до невозможности. Порицание не поможет, необходимо преодоление. Для этого техника должна быть чем-то само собой разумеющимся, которое в своем действии находится едва ли не вне сферы пристального внимания. Необходимости в каждой деятельности создания для большего успеха технической основы следует противопоставить доведенное до несомненности сознания того, что не подлежит механизации. Абсолютизация техники была бы уничтожающей для самобытия; в нем каждое чувство свершения должно быть проникнуто другим чувством.

Техническое обеспечение существования требует знания лишь применительно к цели, для которой оно используется. Самобытие же в знании есть лишь в изначальном волении знания. Если последним масштабом знания становится его пригодность, то я в нем отрекаюсь от себя. Если же знание остается просто ясностью, то я обретаю в нем самосознание.

Практически пригодное знание возможно только как результат подлинного знания, которое внутренне разъединяется и обнаруживает мир необходимо значимого и действитель-

162

ного как нечто особенное. Поэтому и в техническом существовании решительное понимание способа знания вызывает доверие лишь там, где есть самобытие, проводящее границы. Там, где это рушится, возникает лишь смешение познанного и воображаемого. Абсолютизированное, рационально принуждающее знание как бы технизирует все бытие; в непонимании оно предоставляет свободу научному суеверию, а затем и всякому суеверию. В этом случае человек не может ни с достоверностью познавать, ни быть подлинно самим собой, ибо ему доступно либо то и другое в одном, либо ни то, ни другое. Науку постигает лишь тот, кто изначальное есть он сам.

Будущее находится там, где сохраняется напряженное единство методов знания, где специальное знание пронизано бытием, а философствование — особенностью мира. Тогда самобытие — высший орган знания, которое, правда, видит лишь в той мере, в какой оно наполнено миром, и только в том случае, если оно само остается в настоящем. Жизнь становится одновременно ответственностью удостоверившегося в бытии человека и подобна эксперименту познающего. То, что человек совершает, исследуя, планируя и строя, является, если видеть перед собой целое, путем, на котором он посредством попыток находит свою судьбу как способ своей уверенности в бытии.

Однако жизнь как существование, которое проходит в течение сумм мгновений, а затем прекращается, не имеет судьбы; время для него лишь ряд моментов, воспоминание безразлично, настоящее лишено будущего — оно лишь мгновенное наслаждение существованием или помеха ему. Судьбу человек обретает только посредством связей, не принудительных, охватывающих его в его бессилии как чуждые, а в принятых им, которые становятся для него собственными. Они держат его существование в единстве, чтобы оно не распадалось тем или иным образом, а стало бы действительностью его возможной экзистенции. Тогда воспоминание открывает перед ним свою неизгладимую основу, а будущее — пространство, из недр которого вырастает требование ответственности за его нынешние действия. Жизнь становится неопределимой в своей целостности. В ней содержится возраст человека, его осуществление, зрелость, возможность. Самобытие есть жизнь,

163

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

которая хочет стать целостной, причем только посредством значимой для нее связи.

В отрыве от исторических связей, в превращении в толпу любым образом взаимозаменяемых индивидов, выполняющих определенные функции в аппарате, действует тенденция разложить человека на короткие перспективы настоящего. Тогда связь относительна; ее можно разорвать, она всегда лишь временна, и безусловность всегда воспринимается как не имеющая отношения к делу патетика; в такой деловитости вырастает сознание хаоса. Поэтому сегодня зывают к новым связям, к авторитету и церковной религиозности. Однако, если время и способно производить все, подлинные связи сделаны быть не могут; они свободно создаются человеком в сообществе. Если призыв к установлению связей сведется лишь к требованию создать искусственный порядок, основанный на послушании авторитетам и сформулированному закону, то это уведет в сторону от подлинной задачи и наступит то, что делает безусловность невозможной, что освобождает от свободы, парализуя ее. Перед человеком стоит возможность либо успокоиться, забыть о своем существовании, возвращаясь к авторитарным формам, освящающим аппарат обеспечения, либо обратиться в качестве единичного к той точке своей основы, исходя из которой существование определяет некая исключаящая безусловность.

Истинным может остаться в мире только тот, кто живет, исходя из позитивного, которое он в каждом данном случае обретает лишь благодаря связи. Поэтому возмущение против внешних связей в качестве простого отрицания неистинно; оно завершается внутренним хаосом и продолжает существовать, когда предмета возмущения уже давно нет; возмущение истинно только как борьба свободы за свое пространство, черпающей свое право только из силы, посредством которой она связывает самое себя.

Погружение в историю

Только тот, кто свободно связывает себя, застрахован от того, чтобы в отчаянии возмутиться самим собой. Невыпол-

164

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

нимая и все-таки единственная задача, которая остается еще сегодняшнему человеку как человеку, состоит в следующем: найти перед лицом ничто, на свой страх и риск, исходя из своих истоков, путь, на котором жизнь, невзирая на всю рассеянность в беспокойном метании, станет целостностью. Как во времена мифических героев, все теперь как бы зависит от отдельного человека.

Все дело в том, чтобы человек погрузился с человеком в мир исторической конкретности и в своей универсальной утрате родины фактически обрел новую, другую родину. Дистанцирование от мира дает ему свободу, погружение в мир — его бытие. Дистанцирование не может быть совершено посредством интеллектуальной абстракции, но лишь в одновременном соприкосновении со всей действительностью; погружение — незримый акт, его не превозносят, а совершают в тихой безусловности. Дистанцирование мира дает внутреннее благородство; погружение в мир пробуждает человечность и самобытие. Первое требует самодисциплины, второе есть любовь.

Погружение в историю, в качестве которого безусловность возможной экзистенции может привести себя с помощью связи к себе, не совершается по предписанию; о нем можно говорить, лишь апеллируя к нему. Оно может быть достигнуто как сила почитания, как концентрация в профессиональном труде, как исключительность в эротической любви.

Сила почитания, взирая на исторические образы человеческого величия, твердо исходит из того, что человек есть и на что он способен. Она не допускает, чтобы увиденное ею было разрушено. Она верна тому, что в качестве традиции воздействовало на ее самостановление, обращается к тому, из чего проросло ее бытие, к особым людям, под влиянием которых она обрела сознание, и сохраняет пиетет, от которого никогда не отказывается. Для нее воспоминание в качестве абсолютного требования сохраняет в настоящем то, что уже лишено действительности в мире. Если же индивид почти всегда встречает на своем пути тех, кто лишен содержания и ранга, если одно его разочарование

сменяется другим, то мера его собственной сущности проявляется в том, насколько он

165

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

может проникнуть вглубь, по рассеянным искрам истинного найти свой путь и обрести уверенность там, где человек действительно есть.

Работа, совершаемая день за днем, если в ней нет ничего, кроме этой рутины, сразу же после ее окончания погружается в бездну забвения. Однако она становится явлением самобытия, если оно активно и длительно преследует в ней смысл, который вырастает в трудящемся как концентрация непрерывности его воли к труду в сознании его определенной направленности. Если человек не может избежать безработицы или случайного использования его рабочей силы вследствие обстоятельств, которые он вынужден выносить, внутренне возмущаясь, то мерой его собственной сущности все-таки остается то, в какой степени он даже в этой крайней нужде способен посредством своей деятельности ощутить близость к вещам, остается та истина, которую осуществить трудно и никогда не следует требовать от других: хотя я и наковальня, мне надлежит совершить в качестве молота то, что я должен выстрадать.

Исключительность в половой любви связывает двух людей без каких-либо условий на все будущее время. Она без всякого обоснования коренится в решении, которое связало самость верностью в то мгновение, когда она пришла к себе посредством другого. Негативная сторона — отказ от полигамной эротике — есть следствие позитивного, которое в качестве любви истинно лишь тогда, когда охватывает всю жизнь; негативное требование — не растрчивать себя —; следствие бескомпромиссной готовности возможного самобытия в этой верности. Без строгости в эротике нет самобытия; человеческое отношение к эротике возможно только в исключительности безусловной связи. Если же требование эротического удовлетворения находит свое выражение в чарах следующих друг за другом счастливых переживаний индивида, то мерой собственно человеческой сущности остается власть, господствующая над этими чарами и не признающая непобедимыми требования природы.

Почитание подобно основе самобытия, активная деятельность в своей профессии — его возможная действительность

166

Кара ЯСПЕРС, Жан ВОДРИЙАР

в мире, все исключая любовь одного человека или безусловная готовность к ней — истина его души, без которой в ней царит непреодолимая грубость.

В каждой безусловности человек становится как бы неестественным в своей жесткости по отношению к себе; ибо подлинность бытия в исторической неповторимости связана с необоснованным стремлением не допускать, не желать и сдерживаться. Путь человека, некогда определяемый принуждением и силой всеобщих авторитетов, теперь же возложенной на него самого в качестве его ответственности свободой, связан с насилием по отношению к самому себе, пафос которого создается возможностью подлинного выполнения поставленной задачи.

Эта свобода в историческом погружении, безусловная по отношению к самой себе, в действительном существовании масс связана с сохранением авторитета духовных сил. Противоположность свободы и авторитета по своему характеру такова, что друг без друга они потеряли бы сами себя; свобода превратилась бы в хаос, авторитет — в деспотию. Поэтому самобытие хочет наличия консервативных сил, в противоположность которым оно только и должно прийти к себе как единичное. Оно принимает традицию, которая прочно сохраняется во всей духовной жизни только в авторитетах. Несмотря на то что церковь совершенно не заинтересована в свободе, она служит условием существования возникающей свободы. Она сохраняет духовное содержание во всем его объеме, понимание неумолимости, относящейся к трансцендентности действительности, глубину требований к человеку. Самой страшной опасностью было бы ее незаметное подпадение под власть массового аппарата при молчаливом союзе с неверием и тем самым утрата того, что в ней постоянно становилось истоком свободы.

Благородство человека

Вопрос, возможно ли еще достоинство человека, идентичен вопросу, возможно ли еще благородство. В настоящее

167

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

время речь больше не может идти об аристократии как о господстве меньшинства в качестве наследственно привилегированного слоя, возвысившегося над толпой в силу своей власти, имущества, воспитания и осуществленного в нем идеала образованности, — того слоя, который считает себя и считается другими сообществом лучших. Аристократия редко могла длительное

время действительно быть господством лучших. Если аристократия как социальный слой временно принадлежала к числу самых значительных явлений, то очень скоро она превратилась в господство меньшинства, которое, само являясь массой, обрело типичные черты таковой; принятие решений большинством, ненависть к каждому выделяющемуся в толпе индивиду, требование равенства, беспощадная изоляция каждой особенности, непредставительной для всех, преследование всего выдающегося. Аристократия, как господство меньшинства в качестве массы, заимствует доступные всем ее членам исключительные качества как социальные суррогаты действительного благородства человеческой экзистенции. То, что она в ряде случаев создавала неповторимый духовный мир, было следствием ее происхождения из подлинно благородного социального слоя и постоянного самовоспитания.

И впредь могут появляться, вероятно, могущественные социальные слои, но они будут варварскими. Проблема человеческого благородства состоит теперь в спасении воздействия наилучших, число которых невелико.

Однако эта аристократия не может держаться в стороне от мира, заполняя личную жизнь романтической любовью к прошлому. Если она не войдет в сознательном волении в условия существования своего времени, с которыми она фактически связана, она составит лишь искусственные группы с необоснованными притязаниями.

Лучшие представители благородства внутри человеческого бытия — не наиболее талантливые, которых можно было бы выделить, не типы рас, которые можно установить антропологически, даже не гениальные люди, создающие выдающиеся произведения, то среди них всех те люди, которые являются самими собой, в отличие от тех, кто ощущают в себе лишь пустоту, ничто не считают своим, бегут от самих себя.

168

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

Сегодня начинается последний поход против благородства. Он ведется не на политическом или социальном уровне, а в самих душах людей. Следовало бы повернуть вспять то развитие, которое считают сущностью нового, но теперь уже прошедшего времени, — раскрытие личности.

Серьезность проблемы, как позаботиться о человеке массы, который не желает внутренней независимости, ведет к восстанию в каждом из нас экзистенциального плебейства против самобытия, требуемого от нас божеством в его таинственности. Возможность, которую человек завоевывает в ходе своей судьбы, может быть в конце концов уничтожена. Инстинкты людей массы вновь, как уже не раз, и опаснее, чем когда-либо, объединяются с церковно-религиозными и политическими абсолютистскими инстинктами, чтобы освятить универсальное нивелирование в существовании массы.

Именно это восстание направлено против подлинного благородства человека. Прежние политические восстания могли оказаться успешными, не разрушая его; это же, если бы оно удалось, уничтожило бы самого человека. Ибо не только последние века, но все историческое время, начиная с иудейских пророков и греческих философов, превратило бытие человека в то, что затем в новое время стали называть личностью. Однако по-разному именуемое, оно объективно недоступно, всегда остается единственным, ничем не заменимым способом самобытия.

Солидарность

Когда люди перемешиваются, как пыль, действительность в ее достоверности встречается лишь там, где друзья являются подлинными друзьями в фактической коммуникации их открытости и солидарности, в личной верности.

От одиночества спасает не мир, а самобытие, устанавливающее связь одного человека с другим. Это единство обладающих самобытием есть невидимая действительность существенного.

Поскольку объективного критерия надежного самобытия не существует, оно не могло быть объединено в группы

169

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

власти. «Треста порядочных людей», как принято было говорить, не существует. В этом их слабость, сила их может сохраняться только в невидимости. Существует не фиксированная в договорах связь, более сильная, чем национальное, государственное, партийное и социальное сообщество, чем раса. Эта связь непосредственно незаметна и проявляется лишь в своих следствиях.

Подобная близость обладающих самобытием людей — лучшее, что может быть нам даровано сегодня. Эти люди служат друг другу гарантией того, что бытие есть. В миру это те, кто меня волновал как

действительность, кто оставался во мне, приводил меня к самому себе, а не те, кто проходил мимо, с кем я просто общался. У нас больше нет пантеона, им служит нам память об истинных людях, которым мы обязаны тем, что стали такими, как мы есть. Влияние известных из истории великих людей становится для нас решающим не сразу, но лишь в той степени, в какой они как бы вновь узнаются в тех, кто был нам действителен в качестве живых. Они пребывают для нас как бы в уверенном знании их близости, остаются без притязаний вовне, без обожествления, без пропаганды. Они не встречаются среди того, что открыто публичности и значимости, и тем не менее именно они определяют правильное движение вещей.

В изолированном существе подлинного благородства быть не может. Оно — в связанности самобытных людей, которые верны обязательству постоянно интересоваться друг другом, помогать друг другу, когда они встречаются, и быть готовым к коммуникации, ожидая ее, не проявляя навязчивости. Не сговариваясь, они сохраняют взаимную верность, более непоколебимую, чем основанную на договоре. Такая солидарность распространяется и на врага, если одно самобытие подлинно противостоит другому. Тогда осуществляется то, что могло бы быть в политических партиях, невзирая на все различия, солидарностью лучших их членов, которая ощущается, даже если не находит своего выражения, потому ли, что для этого нет повода, или потому, что ситуация не предоставляет для этого возможности.

Солидарности этих людей надлежит отделиться от встречающихся повсюду фактических предпочтений, связанных с

170

Кари ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

симпатией или антипатией, от своеобразной притягательности друг для друга всякой посредственности, чувствующей себя хорошо при отсутствии высоких требований, от вялого, но постоянно молча действующего объединения многих против немногих. Если все они чувствуют себя уверенными в массе, в которой они встречаются и из которой они выводят свое право, то солидарность тех, кто обладает самобытием, хотя и бесконечно более прочна во взаимной надежности, распространяющейся даже на не допускающее объективацию поведение, но в мире она ненадежна из-за слабости, связанной с малочисленностью и неуверенностью во встречах. У многих есть десятки друзей, которые не являются таковыми; эти же счастливы, имея одного.

Благородство духов, обладающих самобытием, рассеяно в мире. Тот, кто вступает в их сферу, приходит к этому не на основе суждения, а посредством осуществления своего собственного бытия. Единство этого рассеяния подобно невидимой церкви некоего *corpus mysticum** в анонимной цепи друзей, тот или другой член которой благодаря объективности своей деятельности обнаруживается другим, быть может, далеким самобытием. В этом безобразном царстве духов время от времени находятся отдельные люди, которые воспламеняются в близости строгостью своей коммуникации. Они всегда служат началом высшего взлета, возможного теперь в мире. Только они, собственно говоря, создают облик людей.

Благородство и политика

Массы приводятся в движение вождями, которые говорят им, чего они хотят; историю творит меньшинство. Однако в настоящее время маловероятно, чтобы массу могла бы постоянно держать в повиновении аристократия, право которой на господство она бы признавала. К сожалению, сегодня все люди, неспособные действительно мыслить в силу отсутствия

* Мистическое тело (*лат.*).

III

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

самобытия, все-таки благодаря тому, чему они научились, обрели способность высказывать свои мысли и манипулировать ими. Между тем, обретя таким образом свою долю в мышлении, масса беспрерывно осуществляет нажим.

Поэтому может возникнуть вопрос, каким образом меньшинство, получив на мгновение одобрение массы, приходит к осуществлению власти, посредством которой оно впоследствии и при отсутствии одобрения сохраняет господство, формируя человека массы, который не есть он сам и не знает, чего он хочет. Замкнутое меньшинство может в сознании своего благородного происхождения под именем авангарда или в качестве самых передовых, наиболее волевых из последователей вождя, в силу исторически унаследованных привилегий по крови объединиться, чтобы завоевать власть в государстве. Они формируются по аналогии с прежними сектами: строгий отбор, высокие требования, постоянный контроль; они ощущают себя элитой

и пытаются после захвата власти сохранить свои преимущества посредством воспитания молодежи, способной продолжать их дело. Однако даже если при возникновении этой элиты сила самобытия в качестве благородства человека и могла играть известную роль и продолжает ее играть в ведущих индивидах, то в своей совокупности они создают новую, отнюдь не аристократическую массу меньшинства. Безнадежно в определяемую массой эпоху ждать благородства человеческого бытия в образе господствующего меньшинства.

Поэтому аристократия и масса окончательно и на необозримое время перестали являть собой специфические политические проблемы. Правда, они встречаются еще как антитезы в политической аргументации, но это только слова; по существу же, все дело в том, господствует ли организованное меньшинство над большей массой, или благородство действует анонимно внутри массового порядка; устанавливается ли несправедливая и поэтому невыносимая форма управления, или благородство человеческого духа находит сферу для своего осуществления.

Поскольку благородство есть лишь во взлете, в котором завоевывает себя бытие, оно не может само дать себе предикат. Оно — не род, в который человек входит или не входит, а

172

Каря Я С ПЕРС, Жан БОДРИЙАР

человек вообще в возможности своего взлета. Поскольку мы склонны находить удовлетворение только в существовании, сила взлета всегда свойственна только немногим и в них непостоянна. Эти немногие — не представители массы в качестве вершины ее сущности, а скорее смутный упрек ей. Лишь непонятные они становятся ей известны.

Где идея равенства отдаляется от только метафизически мыслимой изначальной возможности и касается фактического существования людей, она лишена истинности; именно поэтому от нее почти всегда безмолвно отказывались. Отвратительные физиогномические черты в поведении и облике, неприятный смех, мерзкие удовольствия, недостойные жалобы, ощущение себя сильными только в массе — все это не оттолкнет лишь того, кто только в пошлом окружении чувствует себя в сообществе равных. Нет человека, который мог бы равнодушно видеть себя в зеркале; чем сильнее он переживает взлет, тем острее чувствует он другое в себе. Людей массы следует признавать в той мере, в какой они служат, трудятся, поднимая взор, знают импульс возможного взлета, другими словами, в той мере, в какой они сами суть то, чем в большей степени являются немногие. Любви достоин не человек как экземпляр существования, а человек как возможная экзистенция, в каждом индивиде -г- его возможное благородство.

Если же благородство в человеке хочет понять себя как определенное существование и выделить себя, то оно становится ложным; истинное благородство анонимно как требование человека к себе; ложное становится жестом и требованием, обращенным к другим.

Поэтому в ответ на вопрос, возможна ли еще в наше время аристократия, следует апеллировать лишь к человеку, задавшему этот вопрос, к нему самому. Поле духовного сражения существует в каждом, если он еще не полностью утратил силу.

Философская жизнь

Благородство человека может быть названо философской жизнью. Благородством обладает тот, кто обладает истиной

173

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

веры. Кто опирается на авторитет в том, чем он может быть только сам, это благородство теряет; тот же, кто веряет себя божеству, не теряет себя, но претерпевает истину своего взлета как движение конечного самобытия в его крушении, истину, исходя из которой все происходящее в мире не может быть для него большим, чем он сам есть для себя.

Сохранить требование к этому благородству — прежде всего дело традиции. Невозможно достичь всего во внешнем действии; для внутреннего действия в центре вещей человека существует слово, не

пустое слово, а слово, которое может пробудить то, что приближается. Слово преобразуется, но остается тайной нитью, по которой ощупью пробирается сквозь время подлинное бытие человека. В качестве философской жизни это бытие человека, без которого внешняя действительность существования мира лишена души, есть последний смысл философского мышления; только в нем находит свое подтверждение систематическая философия.

В характере философской жизни человека заключена его судьба. Это не предписание, которому надлежит просто следовать, и не идеальный тип, в соответствии с которым надо строить свою жизнь. Философская жизнь вообще не есть нечто идентичное для всех. Она — армия отдельных людей, поток падающих звезд, который, не зная, откуда он пришел и куда направляется, проходит сквозь существование. Отдельный человек, каким бы он ни был ничтожным, последует за ним во взлете своего самобытия.

Человек не может быть завершенным; для того чтобы быть, он должен меняться во времени, подчиняясь все новой судьбе. Каждый из его образов с самого начала несет в себе, пребывая в созданном им мире, зародыш разрушения.

Сегодня он может вспомнить, как история бросала его из одной формы существования в другую, из одного сознания своего бытия в другое, но продолжать идти этим путем он, по-видимому, уже не может. С человеком вновь случилось нечто подобное тому, что было в начале его пути, и свое выражение оно находит в том, что человек оказался перед лицом ничто, и не только фактически, но и в своем знании, и что теперь он должен вновь, исходя из истоков, проложить свой путь, пользуясь воспоминанием о прошлом.

174

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙЛР

Сегодня, когда возможности экстенсивного расширения существования неизмеримо возросли, стала ощущаться некая ограниченность, которая как будто уничтожает экзистенциальную возможность. С тех пор как это осозналось, жизнь людей преисполнилась отчаяния или бессознательного желания забыть о ней, что в объективном рассмотрении может быть и концом, и началом.

Человек не может уклониться от сложившейся ситуации, отступить в лишены действительности — ибо они прошлые — формы сознания. Он мог бы успокоиться в самозабвенном наслаждении существованием, как бы вернуться к природе, к мирной жизни безвременья. Однако наступит день, когда железная действительность вновь станет перед его взором и приведет его в замешательство. Для человека, полностью отброшенного назад в своей незащитности, остается лишь вернуться к началу вместе с другим человеком, с которым он связан верностью. Потрясающие сообщения о том, как в конце войны при отступлении некоторые немцы продолжали сопротивляться: видя себя изолированными, все-таки достигали в своем самоутверждении и жертвенности того, к чему не мог принудить ни один приказ, в последнюю минуту еще пытались спасти родину от разрушения и сохранить в воспоминании немцев сознание своей непобедимости — эти сообщения свидетельствуют о едва ли когда-либо достигнутой в иных случаях действительности, как символ сегодняшней возможности вообще. Это — первое бытие человека, которое перед лицом ничто в гибели не могло осуществить свой мир, но предъявило требование будущему миру.

Если мы назовем состояние перед лицом ничто неверием, то сила самобытия порождает в неверии внутреннюю деятельность во взлете. Эта сила пренебрегает возможностью объяснять внешними причинами то, что возникает или теряется в свободе. Она считает, что призвана к наивысшему, и живет в напряжении из-за действующего на самое себя принуждения, в сопротивлении тому, что есть только существование, в податливости относительного, терпеливой способности ждать, в исключительности исторической связи. Она знает о своем

175

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

крушении и читает в крушении шифр бытия. Она — вера, философская по своему характеру, которая в цепи отдельных людей, передающих друг другу факел, способна к новому созиданию.

Завершения быть не может. Все время будет возникать вопрос, что есть человек. Однако в каждый момент, когда человек, исходя из безусловности, следует своим путем, во времени есть то, что уничтожает время.

Прошлое никогда не может сказать человеку, как ему себя вести. Пробужденный в свете воспоминания о прошлом, он должен сам принять решение. Им он наконец скажет, чем была для него духовная ситуация: в каком образе он осознает бытие, уверен в нем, чего он безусловно хочет, к кому он в данной ситуации обращается и к

кому он в глубине своей души прислушается.

Без таких истоков мир человека останется только предприятием. Для того чтобы бытие стало миром, тот, кто впоследствии отдается в сообществе с другими целому, должен сначала проникнуть в самого себя.

Самобытие — условие, без которого мир как наполненная идеей действительность человеческой деятельности уже невозможен. Поскольку самобытие есть лишь в единстве с бытием своего времени, оно при всем противоречии ему все-таки принуждает решиться на то, чтобы хотеть жить только в это время. Каждый акт действительности самобытия становится, пусть даже исчезающе малым, зародышем творения мира.

ПРОГНОЗ. ОСНОВАННЫЙ НА НАБЛЮДЕНИИ. И ПРОБУЖДАЮЩИЙ ПРОГНОЗ

Прогноз, основанный на наблюдении

По сравнению с миллиардами лет истории Земли 6000 лет человеческого существования подобны первой секунде нового периода в преобразовании планеты. По сравнению с сотнями тысячелетий, когда, как мы знаем по останкам скеле-

176

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

тов, на Земле уже жили люди, известная нам история подобна начальной стадии процесса, в ходе которого определится, каким может стать человек, после того как он пришел в движение, выйдя из пассивно повторяющихся условий. Правда, рассмотренные по сравнению с нашим коротким существованием, 6000 лет — очень длительное время; сегодня, как и две тысячи лет тому назад, человеку благодаря воспоминанию присуще сознание истекшего времени, ощущение, будто он живет в некий конечный период: кажется, что лучшее уже позади. Однако перспектива в истории Земли приносит ему сознание краткости всех его предприятий и ясности ситуации, в которой он находится в своей лишь начинающейся деятельности; все еще впереди; быстрое следование друг за другом от десятилетия к десятилетию технических открытий кажется несомненным доказательством этого. Однако человек может задаться вопросом, не составляет ли вся история человечества лишь преходящий эпизод в истории Земли; человек может погибнуть и вновь уступить место неизмеримой по своему времени истории Земли.

Спрашивают о возможности исчерпать запасы угля, рассчитанные только на несколько тысяч лет; об ограниченном наличии всех доступных нам энергий, о грядущем охлаждении Земли, которое приведет к угасанию жизни. Однако, хотя естественнонаучные данные позволяют прийти к выводам высокой степени вероятности о неизбежном будущем Земли, достоверности они не достигают. Технически релевантные ситуации могут привести и к непредвиденным техническим выходам, и к катастрофам. Можно представить себе утопическую картину того, как в некоей чудовищной организации человек держит руку на рычаге земного механизма, проникая по своей воле с помощью технических средств в мировое пространство; как он при охлаждении планеты создает в мире, где захочет, условия для своей жизни и обретает сферу своего существования не на Земле, а вообще в безграничном мировом пространстве; будто в конце концов творение благодаря человеку возвращено самому себе, благодаря тому, что оно в своей совокупности, служа человеку для осуществления задуманного им, достигло единства. Поскольку все это

177

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

невозможно, конец, вероятно, наступит на границах техники в результате катастроф. Спрашивают также о конце культуры; увеличение населения может привести к последним войнам и в конце концов уничтожить с помощью технических средств основы технического существования, а вместе с ними и нашу культуру. В самом деле, культуры ведь уничтожались, и оставшиеся в небольшом количестве люди должны были, пребывая в состоянии варварства, начинать все с самого начала. Вопрос состоит в том, установилось ли теперь начало неразрывающегося более целого в истории человечества. Особенность ситуации заключается в том, что даже при полном уничтожении какой-либо территории земного шара ряд других областей мог бы сохранить для будущего сокровища исторического развития; но остается также опасность того, что народных резервов больше не будет, если погибнет охватившая к тому времени всю Землю культура.

Спрашивают, не составляет ли наибольшую опасность специфика нашего существования, не возникнет ли в нем такое увеличение числа людей, что отдельному человеку не хватит больше жизненного пространства и в конце концов все человечество в своей массе духовно задохнется; или не произойдет ли отрицательный отбор и изменение рас, которые приведут к прогрессирующему ухудшению

человечества, в результате чего вследствие биологических причин останется только тип трудолюбивых, еще некоторое время функционирующих внутри технического аппарата людей. Не исключено, что человек погибнет от тех средств, которые он создал для своего существования. Спрашивают о мрачном законе неминуемого угасания всего происходящего в человеческом обществе. Не исчезает ли медленно субстанция, некогда данная человеку? Не является ли упадок искусства, поэзии, философии симптомом предстоящего исчезновения этой субстанции? Не является ли то, как люди сегодня изнашиваются на предприятиях, как они общаются, действуют, теряя силы, в рамках своей профессии, бездумно занимаются политикой, предаются бессодержательным удовольствиям — не является ли все это доказательством того, что упомянутая субстанция уже почти исчезла. Правда, в *Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР*

момент утраты мы еще ощущаем, что мы теряем. Но в недалеком будущем никто уже не будет знать, что было раньше, так как это станет непонятным.

Однако подобные вопросы и возможные ответы на них не ведут к знанию о пути целого. Даже доказательства невозможности дальнейшего существования, сколь несомненными они ни представляются, нельзя считать исключаящими возможность ошибки, ибо нам не дано знать то, что когда-либо может стать доступно знанию. Познавая, можно всегда ухватить лишь что-то единичное, но картина неизбежного целого при этом не складывается. Все эти прогнозирующие мысли не носят философского характера. *Это* лишь технические и биологические представления, имеющие частично реальную основу. Человек как возможная экзистенция не устраняется ни одним из этих наблюдений. Там, где существуют реальные предпосылки, можно сказать только одно: в данный момент я не вижу других возможностей. Обладая доступным нам сегодня знанием и существующими в настоящее время масштабами, наш разум всегда увидит в конце неизбежную гибель.

Предвосхищающее знание о ходе вещей остается знанием возможностей, среди которых то, что действительно произойдет, совсем не обязательно должно присутствовать. Более существенно, чем далекие возможности, находящиеся вне сферы того, что зависит от нас, — знать, чего я, собственно, хочу. Применительно к будущему это означает знать, что в нем важно для человека. Затем возникает существенный вопрос — какие люди будут жить тогда. Интересоваться ими современному человеку стоит лишь в том случае, если их существование будет иметь ценность и достоинство в том смысле, который связан с бытием человека, сложившимся в тысячелетия до нас; те, кто придет, должны видеть в нас своих предшественников не обязательно в физическом, но в историческом понимании. Но знать, что такое, собственно, люди, не должно быть целью. Люди суть то, что они суть, не только по рождению, формированию и воспитанию, а по свободе каждого человека на основе его данности самому себе. Создать то, что действительно важно, невозможно даже при совершенном знании.

179

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Поэтому остается только слушать, как говорит со мной прошлое, сделавшее меня человеком, и говорить своей жизнью с будущим. Однако рассмотрение истории в ее целостности отвлекает от того, посредством чего история только и совершается, незримо и незаметно. Возможные на основании истории прогнозы указывают лишь на горизонт, внутри которого я действую.

Поэтому прогноз, основанный на наблюдении целого, если он целое, обособлен от воления, — лишь отговорка, отказ от подлинного действия, которое начинается с внутреннего действия человека. Меня ослепляет «зрелище мировой истории» и высказывания о необходимом развитии, будь то марксистский путь к бесклассовому обществу, продвижение по предполагаемому закону развития в культурно-морфологическом понимании или распространение и осуществление окончательно достигнутой абсолютной истины человеческого бытия, как его мыслит догматическая философия. Когда я задаю вопрос о будущем человека, я должен, если вопрос поставлен серьезно, разрушить все эти фасады, будь они великолепны или мрачны, и прийти к источнику возможного, где человек, обладая самым обширным знанием, все-таки еще сам создает себя таким, каким он будет, а не располагает уже этим в знании.

Поэтому, во-первых, ни один прогноз не может быть безусловным. Он означает открытую возможность. Я ищу его, чтобы изменить ход вещей. Чем ближе прогноз, тем он ревалентнее, так как дает повод к действию; чем дальше, тем безразличнее, так как не имеет отношения к действию.

Прогноз — это спекулирующее предвидение человека, который хочет что-либо совершить; он видит не то, что неотвратно происходит, а то, что может произойти, и ориентируется на это. Будущее становится предвидением, которое может быть изменено волей человека.

Во-вторых, прогноз по своему смыслу соотносится с ситуацией в настоящем. Он не парит в пустом пространстве, соотносясь с наблюдателем вне времени. Самый убедительный прогноз дает тот, кто обладает, исходя из собственной жизни, глубоким знанием настоящего. Сознание того, что есть, он об-

180

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

ретает только посредством своего самобытия в мире, с которым он связан. По опыту он знает, что полностью утрачивает видение всего хода вещей, если занимает позицию зрителя, наблюдающего извне и желающего знать целое; сильнее всего он это чувствует, когда доводит свое сознание ситуации до границ доступного ему мира. Его одушевляет не желание собрать бесчисленные факты настоящего, а чувство, направленное на сферу подлинных решений. Он хочет стать соучастником в знании там, где действительно совершается движение истории.

В-третьих, важен прогноз не как знание, а то, как это знание сразу же становится фактором происходящего в действительности. Нет видения действительного, в котором одновременно не заключалось бы или не могло бы быть пробуждено или парализовано воление. То, чего я жду, следует проверять, исходя из того, что я, высказывая свой прогноз, содействую реализации этого прогноза, пусть даже мельчайшей его части или препятствую этому. Возможно двоякое: либо я вторгаюсь своим прогнозом в ход вещей и изменяю его этим, либо происходит то, чего раньше никто не желал и не опасался. Когда знание способствует отношению к будущему как к чему-то неотвратимому и передо мной стоит только выбор, отдамся ли я течению или поплыву против него, то такой прогноз, воспринимаемый легковерными людьми, получает громадное значение; он усиливает упорство и способствует бездействию поскольку складывается убеждение, что и без моего участия все произойдет так, как должно произойти. Этот прогноз парализует волю, если изображает неизбежным то, что кажется отвратительным и против чего всякая борьба напрасна. Однако такая вера — заблуждение; она основана на том, что знает больше, чем можно знать. Истина лишь неуверенность в возможном, которая, пробуждая в человеке сознание опасности, заставляет его напрячь все свои силы, поскольку он осознает необходимость решения. Духовное сознание ситуации остается знанием и волей одновременно.

Поскольку ход вещей в мире недоступен нашему видению, поскольку до сего дня лучшее всегда терпело неудачу и может вновь претерпеть ее, поскольку, следовательно, ход вещей в

Ж

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

мире в своем длительном процессе совсем не тот, который для нас важен, всякие планы и действия, направленные на далекое будущее, теряют свое значение, и все дело в том, чтобы создать бытие и одухотворить его «здесь и теперь». Я должен хотеть то, что важно, даже если предстоит конец всего. Действия, предотвращающие нежеланные события, могут иметь силу, только если они исходят из воли осуществить собственную жизнь в настоящем. Из мрака будущего, его угроз, его бездны все настойчивее раздается призыв действовать, пока еще есть время. Прогнозирующее мышление отбрасывает нас назад в настоящее, не отказываясь от планирования в сфере возможного. Делать в настоящем то, что подлинно, — единственное, что мне, безусловно, надлежит делать.

Это послужит также основой для людей будущего, которые будут, правда, определены тем аппаратом, в коем они пробудятся к сознанию, но решительное воздействие окажут на них подлинные люди; взирая на них, они придут к раскрытию своего собственного человеческого бытия. Поэтому всегда есть точка, в которой концентрируется воля, ориентированная на будущее бытие человека; что произойдет с миром, решает парадоксальным образом каждый человек в зависимости от того, какое решение он примет о себе в континууме своих действий.

Пробуждающий прогноз

Прогноз, основанный на наблюдении, хочет знать, что будет, не вводя в это знание того, кто мыслит. Пробуждающий прогноз высказывает то, что возможно, так как посредством такой возможности может быть определена воля; этот прогноз проникает через наблюдение к решению собственного воления. Если видение не дает картины того, что станет с миром, то конструкция возможностей показывает лишь арену борьбы, где идет бой за будущее. На арену борьбы вступает то, что само обретает действительность. Тот, кто лишь следит за борьбой, не узнает, в чем, собственно говоря, дело.

182

Каря ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

Арена борьбы неясна. Фактические бои предстают часто как сплетение непонятных противников.

Фронты борьбы застыли, их сдерживает вялое желание оставить все, как есть. В своем предвидении размышление, взирая на действительное в настоящем, ищет подлинные фронты в борьбе, где речь идет о существенных решениях. Видение их пробудило бы меня, заставило бы пойти туда, где я должен быть, так как я хочу этого навечно.

Пробуждающий прогноз сделал бы возможным ответ на вопрос: для какого настоящего я хочу жить. Поскольку прогноз говорит о возможности гибели, ответ может быть — хочу погибнуть вместе с тем, что есть самобытие человека.

Представление о возможных направлениях развития дает ответ на вопрос: каким может оказаться мир, в начале которого мы находимся. Концентрация всего человеческого бытия в стабильных организациях быстро растет. Превращение людей в функции огромного аппарата создает общее нивелирование; не нужны ни люди высокого ранга, ни необычное — нужно только усредненное, обладающее способностями в специальной области; переживает только пребывающее и поэтому относительно постоянное; принудительные меры существующего порядка состоят в том, что для вступления в союзы требуются обоснования, что вводится частичный, а затем полный запрет на свободу передвижения. Своего рода страстная тяга к авторитету, который гарантировал бы порядок, призвана к тому, чтобы заполнить внутреннюю пустоту. Развитие идет к стабильному конечному состоянию. Но то, что выступает как идеал порядка в земном мире, невыносимо для человека, который знает, что его бытие состоит в притязании на свободу этого бытия. Кажется, что эта свобода может быть задушена незаметно растущим бременем преобразенных обстоятельств. Общее мнение деспотически господствует посредством фиксированных убеждений, которые, властвуя над всеми партиями, предстают как нечто само собой разумеющееся.

Таким образом, основной вопрос времени сводится, по-видимому, к тому, возможен ли еще независимый человек, сам определяющий свою судьбу. Под вопрос вообще поставлено, может ли человек быть свободным; это — вопрос, который,

183

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

будучи действительно понят, сам снимает себя, ибо с действительным пониманием ставит такой вопрос только тот, кто может быть свободным. Напротив, при объективирующем мышлении, которое рассматривает свободное бытие человека как существующую при данных обстоятельствах жизнь и ставит вопрос об условиях свободного бытия, может возникнуть мысль, что вся история человека — лишь тщетная попытка быть свободным. Тогда история человека для нас, по существу, не более чем сущее, но терпящее крушение мгновение между двумя неизмеримыми состояниями сна, первое из которых было природным существованием, второе становится существованием техническим. Постепенное угасание человеческого бытия оказалось бы более радикальным, чем когда-либо. Свобода была тогда лишь переходом во времени; она сама знала себя в своей трансценденции как подлинное бытие человека, а результатом оказался технический аппарат, который могла создать только она.

В противовес этому мысль объективирует как неустранимую другую возможность: решение, может и хочет ли человек быть в будущем свободным, выносится для него, а не против него. Правда, в своем большинстве люди испытывают страх перед свободой самобытия. Однако не исключено, что в соединениях внутри огромного аппарата окажется такая брешь, что для тех, кто осмелится, смогут осуществить свою историчность из собственных истоков, хотя и не в том образе, которого ждали. В нивелировании внешнего существования, представляющемся неотвратимым, исконность самобытия может в конечном итоге оказаться решающей. В концентрации сил на краю гибели возникнет, быть может, независимый человек, который фактически овладеет ходом вещей и обретет значимость подлинного бытия.

Мыслить мир преисполненным безверия, а в нем машинных людей, потерявших себя и свое божество, мыслить рассеянное, а затем и окончательно уничтоженное благородство возможно лишь теоретически на мгновение. Подобно тому, как внутреннему достоинству человека необоснованно претит мысль, что он умрет, будто он был ничто, ему претит и мысль, что исчезнут свобода, вера, самобытие, будто их с таким же ус-

184

Кара ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

пехом может заменить технический аппарат. Человек — нечто большее, чем он видит в подобной перспективе.

Но если это меняющееся представление возвращается в сферу позитивных возможностей, то оказывается, что существует не единственная истинная возможность. Без сохраняющейся в церковной традиции религии в мире нет философского самобытия, а без него как противника и

возбудителя нет подлинной религии. В отдельном человеке не содержится все. В существующем прогнозе противники, между которыми в виде напряжения между авторитетом и свободой есть жизнь не допускающего завершения духа, должны ощущать свою солидарность перед возможностью ничто. Если бы напряжение между авторитетом и свободой, в котором должен пребывать обладающий временным существованием человек, было восстановлено в новых формах, в машинном существовании возникла бы субстанция.

Что случится, скажет нам не беспрекословный авторитет, это скажет своим бытием человек, который живет. Задачей пробуждающего прогноза может быть только одно: напомнить человеку о нем самом.

Каря ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

ЧАСТЬ II Жан Бодрийяр

ФАНТОМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

ТЕНИ МОЛЧАЛИВОГО БОЛЬШИНСТВА, ИЛИ КОНЕЦ СОЦИАЛЬНОГО

(отрывки из книги) Перевод Н.В. Сулова

Все хаотическое скопление социального вращается вокруг этого пористого объекта, этой одновременно непроницаемой и прозрачной реальности, этого ничто — вокруг масс. Магический хрустальный шар статистики, они, наподобие материи и природных стихий, «пронизаны токами и течениями». Именно так, по меньшей мере, мы их себе представляем. Они могут быть «намагничены» — социальное окружает их, выступая в качестве статического электричества, но большую часть времени они образуют «массу» в прямом значении слова, иначе говоря, все электричество социального и политического они поглощают и нейтрализуют безвозвратно. Они не являются ни хорошими проводниками политического, ни хорошими проводниками социального, ни хорошими проводниками смыс-

186

ла вообще. Все их пронизывает, все их намагничивает, но все здесь и рассеивается, не оставляя никаких следов. И призыв к массам, в сущности, всегда остается без ответа. Они не излучают, а, напротив, поглощают все излучение периферических созвездий Государства, Истории, Культуры, Смысла. Они суть инерция, могущество инерции, власть нейтрального.

Именно в этом смысле масса выступает характеристикой нашей современности — как явление в высшей степени импозитное*, не осваиваемое никакой традиционной практикой и никакой традиционной теорией, а может быть, и вообще любой практикой и любой теорией.

Воображению массы представляются колеблющимися где-то между пассивностью и необузданной спонтанностью, но всякий раз как энергия потенциальная, как запас социального и социальной активности: сегодня они — безмолвный объект, завтра, когда возьмут слово и перестанут быть «молчаливым большинством», — главное действующее лицо истории. Однако истории, достойной описания, — ни прошлого, ни будущего — массы как раз и не имеют. Они не имеют ни скрытых сил, которые бы высвободились, ни устремлений, которые должны были бы реализовываться. Их сила является актуальной, она здесь вся целиком, и это сила их молчания. Сила поглощения и нейтрализации, отныне превосходящая все силы, на массы воздействующие. Специфическая сила инертного, принцип функционирования которой чужд принципу функционирования всех схем производства, распространения и расширения, лежащих в основе нашего воображения, в том числе и воображения, намеренного эти схемы разрушить. Недопустимая и непостижимая фигура импозитии (возникает вопрос: применимо ли к импозитии слово «процесс»?), о которую спотыкаются все наши рассудочные системы и против которой они с упорством восстают, активизацией всех значений, вспышкой игры всех означающих маскируя главное — крушение смысла.

То есть не «взрывающееся», не распространяющееся вовне, а, наоборот, вбирающее, втягивающее в себя. — *Здесь и далее прим. перев.*

187

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

В вакууме социального перемещаются промежуточные объекты и кристаллические скопления, которые кружатся и сталкиваются друг с другом в рассудочном поле ясного и темного. Такова масса, соединенные пустотой индивидуальные частицы, обрывки социального и распространяемые средствами информации импульсы: непроницаемая туманность, возрастающая плотность которой поглощает все окрестные потоки энергии и световые пучки, чтобы рухнуть, в конце концов, под собственной тяжестью. Черная дыра, куда проваливается социальное.

Итак, полная противоположность тому, что обозначается как «социологическое».

Социология в состоянии лишь описывать экспансию социального и ее перипетии. Она существует лишь благодаря позитивному и безоговорочному допущению социального. Устранение, имплозия социального от нее ускользают. Предположение смерти социального есть также и предположение ее собственной смерти.

Термином «масса» выражено не понятие. За этим без конца используемым в политической демагогии словом стоит рыхлое, вязкое, люмпенаналитическое представление. Верная себе социология будет пытаться преодолеть его ограниченность, используя «более тонкие» категории социопрофессионального и классового, понятие культурного статуса и т.д. Стратегия ошибочная: бродя вокруг этих рыхлых и некритических (как некогда «мана»*) представлений, можно пойти дальше, чем умная и критическая социология. Впрочем, задним числом оказывается, что и понятия класса, социальных отношений, власти, статуса, институции и само понятие социального, все эти слишком ясные, составляющие славу узаконенных наук понятия, тоже всегда были только смутными представлениями, на которых, однако, остановились с тайной целью оградить определенный код от анализа.

Стремление уточнить содержание термина «масса» поистине нелепо — это попытка придать смысл тому, что его не

Мана — сверхъестественная сила, согласно верованиям народов Меланезии и Полинезии присущая определенным людям, животным, вещам и духам.

188

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИ И АР

имеет. Говорят: «масса трудящихся». Но масса никогда не является ни массой трудящихся, ни массой какого-либо другого социального субъекта или объекта. «Крестьянские массы» старого времени массами как раз и не были: массу составляют лишь те, кто свободен от своих символических обязанностей (пойман в бесконечные «сети») и кому предназначено быть уже только многоликим результатом функционирования тех самых моделей, которым не удается их интегрировать и которые в конце концов предьявляют их лишь в качестве статистических остатков. Масса не обладает ни атрибутом, ни предикатом, ни качеством, ни референцией. Именно в этом состоит ее определенность, или радикальная неопределенность. Она не имеет социологической «реальности». У нее нет ничего общего с каким-либо реальным населением, какой-либо корпорацией, какой-либо особой социальной совокупностью. Любая попытка ее квалификации является всего лишь усилием отдать ее в руки социологии и оторвать от той неразличимости, которая не есть даже неразличимость равнозначности (бесконечная сумма равнозначных индивидов $1+1+1+1$ — это ее социологическое определение), но выступает неразличимостью нейтрального, то есть ни того, ни другого (*neuter**).

Полярности одного и другого в массе больше нет. Именно этим создаются данная пустота и разрушительная мощь, которую масса испытывает на всех системах, живущих расхождением и различием полюсов (двух или — в системах более сложных — множества). Именно этим определяется то, что здесь невозможен обмен смыслами — они тут же рассеиваются, подобно тому, как рассеиваются в пустоте атомы. Именно по этой причине в массе невозможно также и отчуждение — здесь больше не существуют ни один, ни другой.

Масса, лишенная слова, которая всегда распростерта перед держателями слова, лишенными истории. Восхитительный союз тех, кому нечего сказать, и масс, которые не говорят. Неподъемное ничто всех дискурсов. Ни истерии, ни потенциаль-
Ни тот, ни другой; никто из двух (*лат.*).

189

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ного фашизма — уходящая в бездну симуляция всех потерянных систем референций. Черный ящик всей не востребованной референциальности, всех неизвлеченных смыслов, невозможной истории, ускользающих наборов представлений, — масса есть то, что остается, когда социальное забыто окончательно.

Что касается невозможности распространить здесь смысл, то лучший пример тому — пример Бога. Массы приняли во внимание только его образ, но никак не Идею. Они никогда не были затронуты ни Идеей Божественного, которая осталась предметом заботы клириков, ни проблемами греха и личного спасения. То, что их привлекло, это феерия мучеников и святых, феерии страшного суда и пляски смерти, это чудеса, это церковные театрализованные представления и церемониал, это имманентность ритуального вопреки трансцендентности Идеи. Они были язычниками — они, верные себе, ими и ос-

тались, никак не тревожимые мыслями о Высшей Инстанции и довольствуясь иконами, суевериями и дьяволом. Практика падения по сравнению с духовным возвышением в вере? Пожалуй, даже и так. Плоской ритуальностью и оскверняющей имитацией разрушать категорический императив морали и веры, величественный императив всегда отвергавшегося ими смысла — это в их манере. И дело не в том, что они не смогли выйти к высшему свету религии, — они его проигнорировали. Они не прочь умереть за веру, — за святое дело, за идола. Но трансцендентность, но связанные с ней напряженное ожидание, отсроченность, терпение, аскезу — то высокое, с чего начинается религия, они не признают. Царство Божие для масс всегда уже заранее существовало здесь, на земле — в языческой имманентности икон, в спектакле, который устроила из него Церковь. Невероятный отход от сути религиозного. Массы растворили религию в переживании чудес и представлений — это единственный их религиозный опыт.

Одна и та же участь постигла все великие схемы разума. Им довелось обрести себя и следовать своему историческому предназначению только на узких горных тропах социальности, удерживающей смысл (и прежде всего смысл социальный); но в массы они внедрились, по существу, лишь в

190

Кара ЯСПЕРС, Жан ЕОДРИЙАР

искаженном виде, ценой крайней деформации. Так обстояло дело и с Разумом историческим, и с Разумом политическим, и с Разумом культурным, и с Разумом революционным; так обстояло дело и с самим Разумом социального — самым для нас интересным, поскольку, казалось бы, уж он-то в массах укоренен и, более того, именно он и породил их в процессе своей эволюции.

Являются ли массы «зеркалом социального»? Нет, они не отражают социальное. Но они и не отражаются в нем — зеркало социального разбивается от столкновения с ними. Этот образ все-таки не точен, ибо снова наводит на мысль о полноте субстанции, глухом сопротивлении. Массы, однако, функционируют скорее как гигантская черная дыра, безжалостно отклоняющая, изгибающая и искривляющая все потоки энергии и световые излучения, которые с ней сближаются. Как имплозивная сфера ускоряющегося пространственного искривления, где все измерения вгибаются внутрь самих себя и свертываются в ничто, оставляя позади себя такое место, где может происходить только поглощение.

Пучина, в которой исчезает смысл. Следовательно, исчезает информация

Каким бы ни было ее содержание: политическим, педагогическим, культурным, именно она обязана передавать смысл, удерживать массы в поле смысла. Бесконечные мо-рализаторские призывы к информированию: гарантировать массам высокую степень осведомленности, обеспечить им полноценную социализацию, повысить их культурный уровень и т.д. — диктуются исключительно логикой производства здравомыслия. В этих призывах, однако, нет никакого толка — рациональная коммуникация и массы несовместимы. Массам преподносят смысл, а они жаждут зрелища. Убедить их в необходимости серьезного подхода к содержанию или хотя бы к коду сообщения не удалось никакими усилиями. Массам вручают послания, а они интересуются лишь знако-

191

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

востью. Массы — это те, кто ослеплен игрой символов и поработен стереотипами, это те, кто воспримет все, что угодно, лишь бы это оказалось зрелищным. Не приемлют массы лишь «диалектику» смысла. И утверждать, что относительно него кто-то вводит их в заблуждение, нет никаких оснований. Для производителей смысла такое во всех отношениях далекое от истины предположение, конечно, удобно — предоставленные сами себе, массы якобы все же стремятся к естественному свету разума-. В действительности, однако, все обстоит как раз наоборот: именно будучи «свободными», они и противопоставляют свой отказ от смысла и жажду зрелищ диктату здравомыслия. Этого принудительного просвещения, этого политического давления они опасаются, как смерти. Они чувствуют, что за полной гегемонией смысла стоит террор схематизации, и, насколько могут, сопротивляются ему, переводя все артикулированные дискурсы в плоскость иррационального и бесосновного, туда, где никакие знаки смыслом уже не обладают и где любой из них тратит свои силы на то, чтобы завораживать и околдовывать, — в плоскость зрелищного.

Еще раз: дело не в том, будто они кем-то дезориентированы, — дело в их внутренней потребности, экспрессивной и позитивной контрстратегии, в работе по поглощению и уничтожению культуры, знания, власти, социального. Работе, идущей с незапамятных времен, но сегодня развернувшейся в полную силу. В контексте такого рода глубоко разрушительного поведения масс смысл неизбежно предстает как нечто совершенно противоположное тому, чем он казался ранее: отныне это не воплощение духовной силы наших обществ, под контролем которой рано или поздно оказывается даже и то, что пока от нее ускользает, — теперь это, наоборот, только неясно очерченное и мимолетное

явление, эффект, своим возникновением обязанный уникальной пространственной перспективе, сложившейся в данный момент времени (История, Власть и т.д.); и он, этот по-новому представший смысл, всегда затрагивает, по существу, только самую малую часть наших «обществ», да и то лишь внешним образом. Сказанное верно также и для уровня индивидов: проводниками смысла нам дано быть не иначе как от случая к случаю — в сущности же

192

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРЬЯК

мы образуем самую настоящую массу, большую часть времени находящуюся в состоянии неконтролируемого страха или смутной тревоги, по эту или по ту сторону здравого смысла.

Но этот новый взгляд на массы требует, чтобы мы пересмотрели все, что о них до сих пор говорилось. Возьмем один из множества примеров пренебрежения смыслом, красноречиво характеризующий молчаливую пассивность.

В ночь экстрадиции Клауса Круассана* телевидение транслирует матч сборной Франции в отборочных соревнованиях чемпионата мира по футболу. Несколько сотен человек участвуют в демонстрации перед тюрьмой Сайте, несколько адвокатов заняты разъездами по ночному городу, двадцать миллионов граждан проводят свой вечер перед экраном телевизора. Победа Франции вызывает всеобщее ликование. Просвещенные умы ошеломлены и возмущены столь вызывающим безразличием. Монд пишет: «21 час. В это время немецкий адвокат был уже вывезен из Сайте. Через несколько минут Рошто забьет первый гол». Мелодрама негодования. И никакого серьезного анализа того, в чем же состоит тайна этой индифферентности. Постоянная ссылка на одно и то же: власть манипулирует массами, массы одурманены футболом.

Получается, что это безразличие не обязательно, для характеристики масс самих по себе оно ничего не значит. У «молчаливого большинства», иными словами, нет даже его индифферентности, и уличать и обвинять его в ней можно лишь после того, как шитье все же склонит его к апатии.

Но сколько, однако, презрения в этом взгляде на массы! Считается, что, будучи дезориентированными, собственной линии поведения они иметь не могут. Правда, время от времени они якобы все же погружаются в родную для себя революционную стихию, благодаря чему «разумность их собственной воли» ими так или иначе осознается. Но в остальных случаях, как полагают, надо молить Господа, чтобы он хранил нас от

Клаус Круассан — адвокат, выступавший в качестве защитника на процессах террористов из немецкой организации Ячейки Красной Армии (РАФ), несколько раз подвергался арестам за активную поддержку РАФ.

193

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

их молчания и их инертности. А ведь именно это безразличие и необходимо было бы по-настоящему проанализировать. Вместо того чтобы рассматривать его как следствие, результат действия своего рода белой магии, постоянно отвращающей, отводящей толпы от их природной революционности, нужно было бы взять его как нечто самостоятельное, в его собственной позитивной силе.

И почему, собственно говоря, это отвлечение масс от революционности удастся? Не стоит ли задуматься над тем странным обстоятельством, что после многочисленных революций и сто- или даже двухсотлетнего обучения масс политике, несмотря на активность газет, профсоюзов, партий, интеллигенции — всех сил, призванных воспитывать и мобилизовывать население, все еще (а точно такой же ситуация будет и через десять, и через двадцать лет) только лишь тысяча человек готова к действию, тогда как двадцать миллионов остаются пассивными — и не только пассивными, но и открыто, совершенно откровенно и с легким сердцем, без всяких колебаний ставящими футбольный матч выше человеческой и политической драмы? Любопытно, что этот и подобные факты никогда не настораживали аналитиков — эти факты, наоборот, воспринимаются ими как подтверждение устоявшегося мнения, будто власть всемогуща в манипулировании массами, а массы под ее воздействием, со своей стороны, находятся в состоянии какой-то невообразимой комы. Однако в действительности ни того, ни другого нет, и то и другое лишь видимость: власть ничем не манипулирует, массы не сбиты с толку и не введены в заблуждение. Власть слишком уж торопится некоторую долю вины за чудовищную обработку масс возложить на футбол, а большую часть ответственности за это дьявольское дело взять на себя. Она ни в коем случае не хочет расставаться с иллюзией своей силы и замечать обстоятельство куда более опасное, чем негативные последствия ее, как ей кажется, тотального влияния на население: безразличие масс относится к их сущности, это их единственная практика, и говорить о какой-либо другой, подлинной, а значит и оплакивать то, что массами якобы утрачено, бессмысленно. Коллективная изворотливость в нежелании разделять те высокие идеалы, к воплощению которых

их призывают, — это

194

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

лежит на поверхности, и, тем не менее, именно это и только это делает массы массами. Массы ориентированы не на высшие цели. Разумнее всего признать данный факт и согласиться с тем, что любая революционная надежда, любое упование на социальное и на социальные изменения так и остаются надеждой и упованием исключительно по одной причине: массы уходят, самыми непостижимыми способами уклоняются от идеалов. Разумнее всего — вслед за Фрейдом, осуществившим подобную процедуру при исследовании строя психического, — именно этот осадок, это мутное отложение, этот не анализировавшийся и, возможно, вообще не поддающийся анализу слой разлагающихся остатков смысла и рассматривать в качестве ничем не обусловленной данности, из которой необходимо исходить. (Вполне понятно, почему такого рода решительно меняющий точку отсчета коперниканский переворот до сих пор не произошел в исследованиях мира политического — для воззрений на политическое он чреват самыми глобальными потрясениями.)

Возвышение и падение политики

По крайней мере со времени Великой французской революции политика и социальное предстают как нечто нераздельное, как созвездия-близнецы, так или иначе находящиеся в поле притяжения экономики. Эта их тесная связь обнаруживается и в наше время, однако весьма своеобразно — в одновременности их заката.

Сначала, в эпоху Возрождения, когда она возникает, когда внезапно выходит из сферы религиозного и церковного, чтобы заявить о себе как таковой голосом Макиавелли, политика есть лишь чистая игра знаков, чистая стратегия, не обременяющая себя никакой социальной или исторической «истиной», но, напротив, играющая на ее отсутствии (точно так же позднее светская стратегия иезуитов будет играть на отсутствии Бога). Политическое пространство в начале своего существования — явление того же порядка, что и пространс-

195

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

тво ренессансного механического театра или изобретенной в это же время в живописи перспективы. Форма является формой игры, а не системой представления, семиургией и стратегией, а не идеологией — она предполагает виртуозность, но никак не истину (такая игра, цепь ухищрений и их результат, изображена Бальтасаром Грасианом* в его Придворном). Цинизм и имморализм макиавеллиевской политики связаны не с неразборчивостью в выборе средств, на чем настаивает крайне грубая ее интерпретация: их надо искать в свободном обращении с целями. Цинизм и имморализм, и это хорошо понимал Ницше, заключены именно здесь — в этом пренебрежении социальной, психологической и исторической истиной, в этом вобравшем в себя максимум политической энергии движении чистых симулякров**, условием которого является то, что политика есть всего лишь игра и еще не отдала себя во власть разуму.

Но начиная с XVIII века, и особенно с Революции, направленность политического решительно меняется. Оно берет на себя функцию выражения социального, социальное становится его содержанием. Политическое теперь — это представление, над игрой властвуют механизмы репрезентации (аналогичным образом эволюционируют и театр — он оказывается театром представления, и пространство перспективы — из пространства машинерии, каким оно было первоначально, оно превращается в место фиксации истины пространства и истины репрезентации). Политическая сцена отныне отсылает к фундаментальному означаемому: народу, воле населения и т. д. На этот раз на нее выходят уже не чистые знаки, но смыслы: от политического действия требуется, чтобы оно как можно лучше изображало стоящую за ней реальность, чтобы оно было прозрачным, чтобы оно было нравственным и соответствовало социальному идеалу правильной репрезентации. И тем не менее равновесие между собственной сферой политического и силами, в ней отражающимися: социальным, историческим, экономическим — будет сохраняться доволь-

Грасиан Бальтасар (1601-1658) — испанский писатель, иезуит. **От фр.** simulacra — подобие, видимость, иллюзия.

196

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

но долго. Так, во всяком случае, обстоит дело на протяжении золотого века буржуазных представительных систем (то есть в эпоху конституционности: Англия XVIII века, Соединенные Штаты Америки, Франция периода буржуазных революций, Европа 1848 года). Конец политики, ее собственной энергии наступает с возникновением и распространением марксизма.

Начинается эра полной гегемонии социального и экономического, и политическому остается быть лишь зеркалом — отражением социального в областях законодательства, институциональности и исполнительной власти. Насколько возрастает господство социального, настолько теряет самостоятельности политическое.

Если для либеральной мысли характерна своего рода ностальгия по диалектическому равновесию между этими двумя сферами, то мысль социалистическая, революционная решительно настаивает на том, что придет время, когда политическое исчезнет, растворится в полностью прозрачном социальном.

Социальное овладело политическим. Но теперь, став всеобщим и всепоглощающим, низведя политическое до нулевой степени его существования, превратившись в абсолютное исходное основание, будучи вездесущим, то есть проникая во все щели и физическое и ментальное пространства, — сохраняется ли оно еще как таковое? Нет, эта новая его форма свидетельствует о его конце: его энергия обращена против самой себя, его специфика исчезает, его исторической и логической определенности больше не существует. Утверждается нечто, в чем рассеивается не только политическое — его участь постигает и само социальное. У социального больше нет имени. Вперед выступает анонимность.

Масса. Массы. Молчаливое большинство

Политическое как таковое, политическое чисто стратегической направленности угасает сначала в системе репрезентации, а окончательно — в рамках современной неофи-гуративности. Последняя предполагает все ту же самовозрастающую знаковую, по знакам теперь уже не обозначают:

197

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

в «действительности», реальной социальной субстанции, им больше ничто не «соответствует». Что может выражаться в политическом, чем может обеспечиваться эффективная работа его знаков, если социального референта сегодня нет даже у таких классических категорий, как «народ», «класс», «пролетариат», «объективные условия»? Исчезает социальное означаемое — рассеивается и зависимое от него политическое означающее.

Единственный оставшийся референт — референт «молчаливого большинства». Этим темным бытием, этой текучей субстанцией, которая наличествует не социально, а статистически и обнаружить которую удастся лишь приемами зондажа, обусловлены все функционирующие сегодня системы. Сфера ее проявления есть сфера симуляции в пространстве социального, или, точнее, в пространстве, где социальное уже отсутствует.

Но молчаливое большинство (каковым являются массы) — референт мнимый. Это не значит, что оно не существует. Это значит, что оно не может иметь какой-либо репрезентации. Массы не являются референтом, поскольку уже **не** принадлежат порядку представления. Они не выражают себя — их зондируют. Они не рефлектируют — их подвергают тестированию. Политический референт уступил место референдуму (организатор постоянного, никогда не прекращающегося референдума — средства массовой информации). Однако зондирования, тесты, референдум, средства массовой информации выступают в качестве механизмов, которые действуют уже в плане симуляции, а не репрезентации. И ориентированы они уже на модель, а не на референт. С механизмами классической социальности (в состав которых по-прежнему входят выборы, институции, инстанции репрезентации, а также подавления) дело обстоит совершенно иначе: здесь все еще в силе диалектическая структура, поддерживающая ставки политики и различные противоречия, здесь все еще в силе социальный смысл, который перемещается от полюса к полюсу.

У механизма симуляции эта структура отсутствует. В паре зондаж/молчаливое большинство, к примеру, нет ни противо-

198

положных, ни вообще выделенных элементов; нет, следовательно, и потока социального: его исчезновение — результат смешения полюсов в движении тотальной сигнальности (точно так же обстоит дело и на уровне ДНК и генетического кода — с молекулярной командой и субстанцией, в отношении которой она подается). Именно таким образом — по схеме сокрушения полюсов и круговращения моделей — и разворачивается симуляция (это матрица любого импозивного процесса).

Бомбардируемые рассчитанными на ответную реакцию сигналами, забрасываемые посланиями, атакуемые тестовыми испытаниями, массы оказываются теперь лишь непрозрачным,

непроницаемым образованием, подобным тем скоплениям звездного газа, которые изучаются только методом анализа их светового спектра — данные статистики и результаты зондажа играют здесь ту же роль, что и спектр излучений. И речь теперь идет не о выражении или представлении, а исключительно о симуляции больше уже не выражаемого и в принципе невыразимого социального. Такова природа молчания масс. Но оно, следовательно, парадоксально — это не молчание, которое не говорит, это молчание, которое накладывает запрет на то, чтобы о нем говорили от его имени. Оно, стало быть, является отнюдь не формой отстраненности, а совершеннейшим по своему характеру оружием.

У молчаливого большинства не бывает представителей — репрезентация расплачивается за свое прошлое гос-подство. Массы уже не инстанция, на которую можно было бы сослаться, как когда-то на класс или народ. Погруженные в свое молчание, они больше не субъект (прежде всего не субъект истории) и, следовательно, не могут войти в сферу артикулированной речи, в сферу представления, не могут проходить «стадию (политического) зеркала» и цикл воображаемых идентификаций. Отсюда их главная особенность: не будучи субъектом, они уже не могут оказаться отстраненными от самих себя — ни в языке собственном (у них его нет), ни в любом другом, который претендовал бы на то, чтобы им стать. Но тогда революционные ожидания напрасны. Ибо они всегда оковы вались па вере в способность масс, как и класса

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

пролетариев, отрицать себя как таковых. Однако масса — это поле поглощения и имплозии, а не негативности и взрыва.

Масса избегает схем освобождения, революции и историчности — так она защищается, принимает меры против своего Я. Она функционирует по принципу симуляции и мнимого референта, предполагающему политический класс-фантом и исключаящему какую-либо «власть» массы над самой собой — масса есть в то же время и смерть, конец политического процесса, которому она могла бы оказаться подконтрольной. Она губит и политическую волю, и политическую репрезентацию. Долгое время казалось, что апатия масс должна приветствоваться властью. У власти сложилось убеждение, что чем пассивнее массы, тем эффективнее можно ими управлять. Исходя из него она и действовала в период, когда властные механизмы были централизованы и бюрократизированы. Однако сегодня последствия этой стратегии оборачиваются против самой власти: безразличие масс, которое она активно поддерживала, предвещает ее крах. Отсюда радикальная трансформация ее стратегических установок: вместо поощрения пассивности — подталкивание к участию в управлении, вместо одобрения молчания — призывы высказываться. Но время уже ушло. «Масса» стала «критической», эволюция социального сменилась его инволюцией* в поле инертности.

От масс постоянно требуют, чтобы они подали свой голос, им навязывают социальность избирательных кампаний, профсоюзных акций, сексуальных отношений, контроля за руководством, празднований, свободного выражения мнений и т.д. Призрак должен заговорить, и он должен назвать свое имя. Молчание масс, безмолвие молчаливого большинства — вот единственная подлинная проблема современности.

На то, чтобы удержать эту массу в состоянии управляемой эмульсии и защититься от инерции ее неконтролируемой тревожности, тратится огромная энергия. Воля и репрезентация над массой уже не штабтуют, ко она сталкивается с напором

От лат. *involutio* — свертывание.

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

диагностики, чистой пронизательности. Она попадает в безграничное царство информации и статистики: нужно уловить ее самочувствие, выяснить позицию, побудить высказать какое-то пророчество. С ней активно заигрывают, ее окружают заботой, на нее воздействуют. И она откликается: «Французский народ полагает... Большая часть немцев осуждает... Вся Англия испытывает неописуемую радость по поводу рождения принца...» и т.д.

Ее предсказания кажутся следствиями ее дара предвосхищения и ее всезнания, но в них абсолютно ничто не отражается.

Отсюда эта бомбардировка массы знаками, на которую ей полагается отвечать подобно эху. Ее исследуют методом сходящихся волн, используя световые и лингвистические сигналы — совсем как удаленные звезды или ядра, которые бомбардируют частицами в циклотроне. На сцену выходит информация. Но не в плане коммуникации, не в плане передачи смысла, а как способ поддержания эмульсионно-ти, реализации обратной связи и контролируемых цепных реакций — точно в таком же качестве она выступает в камерах атомной симуляции. Высвобождаемая «энергия» массы должна быть направлена на построение «социального».

Однако результат получается обратным. Развертывание информационности и средств защиты, в каких

бы формах оно ни происходило, ведет к тому, что социальное не упрочивается, а, наоборот, теряет свою определенность, гибнет.

Принято считать, что, вводя в массы информацию, их структурируют, что с помощью информации и посланий высвобождается заключенная в них социальная энергия (сегодня уровень социализации измеряется не столько степенью развитости институциональных связей, сколько количеством циркулирующей информации и тем, какой ее процент распространяется телевидением, радио, газетами и т.д.). На самом же деле все складывается прямо противоположным образом. Вместо того чтобы трансформировать массу в энергию, информация осуществляет дальнейшее производство массы. Вместо того чтобы информировать, то есть, в соответствии с ее предназначением, придавать форму и структуру, она еще

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

больше ослабляет — «поле социальности» под ее воздействием неуклонно сокращается. Все увеличивающаяся в своих размерах создаваемая ею инертная масса совершенно неподконтрольна классическим социальным институциям и невосприимчива к содержанию самой информации. Ранее властвовало социальное — и его рациональная сила разрушала символические структуры, сегодня на первый план выходят mass media и информация — и их «иррациональным» неистовством разрушается уже социальное. Ибо благодаря им мы имеем дело именно с ней — этой состоящей из атомов, ядер и молекул массой. Таков итог двух веков усиленной социализации, знаменующий ее полный провал.

Масса является массой только потому, что ее социальная энергия уже угасла. Это зона холода, способная поглотить и нейтрализовать любую действительную активность. Она похожа на те практически бесполезные устройства, которые потребляют больше, чем производят, на те уже истощенные месторождения, которые продолжают эксплуатировать, неся большие убытки. Энергия, затрачиваемая на ликвидацию отрицательных последствий постоянного снижения отдачи от политических мероприятий, на предотвращение окончательного распада социальной организации реальности, на то, чтобы поддержать симуляцию социального и помешать его полному поглощению массой, — эта энергия огромна, и ее потеря низвергает систему в пропасть. Со смыслом дело обстоит, в сущности, так же, как с товаром: Долгое время капитал заботился только о производстве — с потреблением затруднений не возникало. Сегодня надо думать и о потреблении, а значит, производить не только товары, но и потребителей, производить сам спрос. И это второе производство неизмеримо дороже первого (социальное родилось главным образом из этого кризиса спроса, особенно заметного начиная с 1929 года: производство спроса и производство социального — это в значительной мере одно и то же)

Но точно так же и власть в течение долгого времени довольствовалась лишь тем, что производила смысл (политический, идеологический, культурный, сексуальный); спрос

202

Карл ЯСПЕРС, Жан ЕОДРИЙАР

же развивался сам — он вбирал в себя предложение и тут же ожидал нового. Смысла не доставало, и всем революционерам приходилось приносить себя в жертву наращиванию его производства. Сейчас дело обстоит иначе: смысл повсюду, его производят все больше и больше, и недостает уже не предложения, а как раз спроса. Производство спроса на смысл — вот главная проблема системы. Без этого спроса, без этой восприимчивости, без этой минимальной причастности смыслу власть оказывается не более чем простым симулякром, всего лишь эффектом пространственной перспективы. Однако и в данном случае второе производство — производство спроса на смысл — гораздо дороже, чем производство первое — то есть производство самого смысла. И в конце концов производство спроса на смысл станет неосуществимым — энергии системы на него больше не хватит. Спрос на предметы и услуги, пусть и дорогой ценой, всегда может быть создан искусственно: у системы есть соответствующий опыт. Но потребность в смысле, но желание реальности, однажды исчезнув, восстановлению уже не поддаются. Для системы это катастрофа.

Масса впитывает всю социальную энергию, и та перестает быть социальной энергией. Масса вбирает в себя все знаки и смысл, и те уже не являются знаками и смыслом. Она поглощает все обращенные к ней призывы, и от них ничего не остается. На все поставленные перед ней вопросы она отвечает совершенно одинаково. Она никогда ни в чем не участвует. Ее подвергают разного рода воздействиям и тестовым испытаниям, но она представляет собой именно массу, и потому с полным безразличием пропускает сквозь себя и воздействия (причем все воздействия), и информацию (причем всю информацию), и нормативные требования (причем все нормативные требования). Она навязывает социальному абсолютную прозрачность, оставляя шансы на

существование лишь эффектам социального и власти, этим созвездиям, вращающимся вокруг уже отсутствующего ядра.

Молчание массы подобно молчанию животных, более того, оно ничем не отличается от последнего. Бесполезно подвергать массу интенсивному допросу (а непрерывное воздействие, ко-

203

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

торое на нее обрушивается, натиск информации, который она вынуждена выдерживать, равносильны испытаниям, выпадающим на долю подопытных животных в лабораториях) — она не скажет ни того, где для нее — на стороне левых или на стороне правых — истина, ни того, на что она — на освободительную революцию или на подавление — ориентирована. Масса обходится без истины и без мотива. Для нее это совершенно пустые слова. Она вообще не нуждается ни в сознании, ни в бессознательном.

Такое молчание невыносимо. Оно является неизвестным политического уравнения, аннулирующим любые политические уравнения. Все стремятся в нем разобраться, однако обращаются с ним не как с молчанием — им всегда необходимо, чтобы оно заговорило. Но зондированию сила инерции масс неподвластна: она не поддается ему потому, что как раз благодаря ей массы нейтрализуют любое зондирующее исследование. Это молчание переводит политическое и социальное в сферу гиперреальности, где они сейчас и находятся. Ибо если политическое пытается ограничить массы пространством, где царствуют эхо и социальная симуляция (используя информацию и средства информирования), то массы, со своей стороны, и оказываются таким пространством эха и невиданной симуляции социального. Здесь никогда не было никакой манипуляции. В игре участвовали обе стороны, они находились в равных условиях, и никто сегодня, видимо, не может с уверенностью сказать, какая же из них одержала верх: симуляция, с которой обрушилась на массы власть, или ответная симуляция, обращенная массами в направлении распадающейся под ее влиянием власти.

Ни субъект, ни объект

Масса парадоксальна — она выступает одновременно и объектом симуляции (поскольку существует только в пункте схождения всех волн информационного воздействия, которые ее описывают), и ее субъектом, способным на гиперсимуляцию: все модели она видоизменяет и снова приводит в движение (это ее пшерконформизм, характерная форма ее юмора).

204

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

Масса парадоксальна — она не является ни субъектом (субъектом-группой), ни объектом. Когда ее пытаются превратить в субъект, обнаруживают, что она не в состоянии быть носителем автономного сознания. Когда же, наоборот, ее стремятся сделать объектом, то есть рассматривают в качестве подлежащего обработке материала, и ставят целью проанализировать объективные законы, которым она якобы подчиняется, становится ясно, что ни обработке, ни пониманию в терминах элементов, отношений, структур и совокупностей она не поддается. Любое воздействие на массу, попадая в поле ее тяготения, начинает двигаться по кругу: оно проходит стадии поглощения, отклонения и нового поглощения. Чем такое воздействие завершится, с абсолютной точностью предсказать невозможно, но вероятнее всего, что непрерывное круговое движение отнимет у него все силы и оно угаснет, полностью перечеркнув планы тех, кто его предпринял. Эта диффузная, децентрированная, броуновская, состоящая из молекулярных образований реальность неподвластна никакому анализу: понятие объекта к ней неприложимо точно так же, как оно неприложимо и к предельному уровню материи, «анализируемому» в микрофизике. Область «материи» элементарных частиц — это место, где нет ни объекта, ни субъекта, субъекта наблюдения. Ни объект познания, ни субъект познания здесь больше не существуют.

Масса олицетворяет такое же — пограничное и парадоксальное — состояние социального. Она уже не объективируема (на языке политики это значит, что она не может иметь представительства) и останавливает любую активность, которая оказывается активностью стремящегося к ее постижению субъекта (в политическом плане это значит, что она предотвращает любые попытки выступить от ее имени). Выразить ее способны лишь зондаж и статистика (работающие в том же режиме, что и математическая физика, опирающаяся на закон больших чисел и теорию вероятностей), но очевидно, что практика заклинаний и магических ритуалов, взятая ими на вооружение, — это практика без действительного объекта, и в отношении масс она оправдывает себя только потому, что массы таким объектом как раз и не являются. Заклинания

205

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Кара ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

и ритуалы имеют дело не с объектом, который может быть представлен, а с объектом, от представления ускользающим, ориентированным на исчезновение. Ими он поэтому не схватывается, а всего лишь симулируется. Ими он «производится»: они предрешают то, как он отреагирует на воздействия, определяют характер поступающих от него сигналов. Но эта реакция и эти сигналы выступают, очевидно, и его собственными реакцией и сигналами, свидетельствуют и о его собственной воле. Содержание, выражаемое неустойчивыми, существующими очень короткое время, предназначенными для реализации некоторого воздействия знаками — а знаки зондажа являются именно таковыми, — допускает различные и вместе с тем одинаково возможные толкования. Всем известно, сколь фундаментальна неопределенность, имеющая место в мире статистики (теория вероятностей и теоремы закона больших чисел также исходят из неопределенности и также вряд ли могут основываться на представлении о материи, которой свойственны те или иные «объективные законы»).

Утверждение, что методы научного эксперимента, используемые в так называемых точных науках, гарантируют знанию гораздо более высокую степень истинности, чем приемы зондажа и статистических исследований, весьма сомнительно. Если «объективное» познание, в какой бы конкретно науке оно ни осуществлялось, подчиняется системе установленных правил, регулируется, то и оно связано с истиной, являющейся только циркуляром, то есть движущимся по кругу сигналом, и не предполагающей никакого объекта. У нар, во всяком случае, достаточно оснований полагать, что мир все же не объективируем и что даже неодушевленная материя, с которой различные науки о природе обходятся так же (один и тот же подход, одни и те же процедуры), как статистика и зондирующее исследование обходятся с массами и одушевленным «социальным», — даже неодушевленная материя реагирует на воздействие сигналами, оказывающимися всего лишь отраженными сигналами воздействия^ выдает ответы, уже заранее содержащиеся в обращенных к ней вопросах. Она тоже, как и массы, демонстрирует тот постоянно раздражающий конформизм, который в конце концов и позволяет ей, как он

206

позволяет это и массам, благополучно избежать участи стать объектом.

«Материи», да и, по всей видимости, любому «объекту» науки вообще, свойственна та же удивительная ироничность, что характеризует и массы, когда они молчат или когда, воспользовавшись языком статистики, отвечают на вопросы именно так, как от них и требуется. Эта ироничность сближается с бесконечной иронией женственности, о которой говорит Гегель, — иронией притворной преданности и чрезмерной законопослушности.

Она симулирует пассивность и покорность столь тщательно, что от последних, как в случае с бессмертным солдатом Швейком, по сути дела, уже ничего не остается.

Именно ее, судя по всему, и имеет в виду патафизика, или наука о воображаемых решениях, — наука о симуляции и гиперсимуляции вполне определенного, подлинного, объективного, подчиняющегося универсальным законам мира, включая симуляцию и гиперсимуляцию, осуществляемые теми, кто категорически убежден, что мир подчиняется данным законам. Очевидно, именно благодаря массам и их произвольному юмору мы и входим в патафизику социального, наконец, освобождающую нас от всей этой метафизики социального, которая давно нам мешает.

Сказанное полностью противоречит тому, что принято понимать под процессом постижения истины, но последний, похоже, лишь иллюзия движения смысла. Ученый не может согласиться с мнением, согласно которому неживая материя или живое существо отвечают на обращенные к ним «вопросы» («не вполне» или, наоборот, «слишком объективно» (в обоих случаях это означает, что «вопросы» поставлены неправильно). Уже само такое предположение кажется ему абсурдным и недопустимым. Ученые бы его никогда не выдвинули. И они поэтому никогда не выйдут из заколдованного круга производимой ими симуляции строгого исследования.

Повсюду в силе одна и та же гипотеза, одно и то же полагание надежности. Тот, кто занимается рекламой, просто обязан исходить примерно из следующего: люди к рекламе так или иначе прислушиваются, и поэтому всегда существует хотя бы

207

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

минимальная возможность того, что послание достигнет своей цели и смысл его будет расшифрован. Всякое сомнение на этот счет должно быть исключено. Если бы выяснилось, что показатель преломления потока сообщений у получателя равен нулю, здание рекламы рухнуло бы в ту же минуту. Реклама живет исключительно этой верой, которую она постоянно в себе поддерживает (речь идет о

ставке того же рода, что и ставка науки на объективность мира) и которую даже и не пытается по-настоящему проанализировать из страха обнаружить, что столь же правомерно предположить и обратное, а именно: что огромное большинство рекламных сообщений никогда не доходит по назначению, что тем, кому они направлены, уже безразлично их содержание, преломляющееся теперь в пустоте, что людей интересует только медиум — носители посланий, выступающие эффектами среды, эффектами, движение которых выливается в завораживающий спектакль. Маклюэн* когда-то сказал: «Medium is message». Эта формула как нельзя лучше характеризует современную, «cool»*, фазу развития всей культуры средств массовой информации, фазу охлаждения, нейтрализации любых сообщений в пустом эфире, фазу замораживания смысла. Критическая мысль оценивает и выбирает, она устанавливает различия и с помощью селекции заботится о смысле. Массы поступают иначе: они не выбирают, они производят не различия, а неразличенность, требующему критической оценки сообщению они предпочитают погружающий в гипноз медиум. Гипнотическое состояние свободно от смысла, и оно развивается по мере того, как смысл остывает. Оно имеет место там, где царствуют медиум, идол и симулякр, а не сообщение, идея и истина. Однако именно на этом уровне и функционируют средства массовой информации. Использование гипноза — это принцип их действия, и, руководствуясь им, они оказываются источником специфического массированного насилия — насилия над смыслом, насилия,

Маклюэн Херберт Маршалл (1911-1980) — канадский философ и социолог, занимавшийся проблемами коммуникации. Носитель сообщения есть сообщение (англ.). "Холодная (англ.).

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

отрицающего коммуникацию, основанную на смысле, и утверждающего коммуникацию иного рода. Возникает вопрос: какую же?

Гипотеза, согласно которой коммуникация может осуществляться вне медиума смысла и интенсивность коммуникативного процесса снижается по мере того, как этот смысл растворяется и исчезает, для нас неприемлема. Ибо подлинное удовольствие мы испытываем не от смысла или его нарастания — нас очаровывает как раз их нейтрализация. Нейтрализация, порождаемая не каким-то влечением к смерти (его действие свидетельствовало бы о том, что жизнь все еще ориентирована в сторону смысла), но просто-напросто враждебностью, отвращением к референции, посланию, коду, к любым категориям лингвистического предприятия — порождаемая отказом от всего этого во имя одной лишь очаровывающей имплозии знака (последняя состоит в растворении полюсов значения: больше нет ни означающего, ни означаемого). Мораль смысла во всех отношениях представляет собой борьбу с очарованием — вот чего не может понять ни один из защитников смысла.

Исключительно из полагания надежности исходит и политическая сфера: для нее массы восприимчивы к действию и дискурсу, имеют мнение, наличествуют как объект зондажа и статистических исследований. Только при этом условии политический класс все еще может сохранять веру в то, что он и выражает себя, и понимается именно как явление политики. Однако в действительности политическое уже давно превратилось всего лишь в спектакль, который разыгрывается перед обывателем. Спектакль, воспринимаемый как полуспортивный-полуигровой дивертисмент (вспомним выдвижение кандидатов в президенты и вице-президенты в Соединенных Штатах или вечерние предвыборные дебаты на радио и телевидении), в духе завораживающей и одновременно насмешливой старой комедии нравов. Предвыборное действо и телеигры — это в сознании людей уже в течение длительного времени одно и то же. Народ, ссылки на интересы которого были всегда лишь оправданием очередного политического спектакля и которому позволяли участвовать в дан-

-4975 Лсперс

209

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ном представлении исключительно в качестве статиста, берет реванш — он становится зрителем спектакля театрального, представляющего уже политическую сцену и ее актеров.

Народ оказался публикой. Моделью восприятия политической сферы служит восприятие матча, художественного или мультипликационного фильма. Точно так же, как зрелищем на домашнем телеэкране, население заморожено и постоянными колебаниями своего собственного мнения, о которых оно узнает из ежедневных газетных публикаций результатов зондажа. И ничто из этого не рождает никакой ответственности. Сознательными участниками политического или исторического процесса массы не становятся ни на минуту. Они вошли когда-то в политику и историю только с тем, чтобы дать себя уничтожить, то есть будучи как раз абсолютно безответственными. Здесь нет бегства от политического — это следствие непримиримого антагонизма между классом (возможно, кастой), несущим социальное, политическое, культуру, властвующим над временем и историей, и всем тем, что осталось — бесформенной, находящейся вне сферы смысла массой. Первый постоянно стремится укрепить смысл, поддержать и обогатить поле социального, вторая не менее настойчиво обесценивает любую смысловую энергию, нейтрализует ее или направляет в обратную сторону. И верх

в этом противостоянии взял отнюдь не тот, кто считается победителем.

Свидетельством тому может служить радикальное изменение взаимоотношения между историей и повседневностью, между публичной и частной сферами. Вплоть до 60-х годов полюсом силы выступала история: частное, повседневное оказывались лишь обратной, теневой стороной политического. Поскольку, однако, взаимодействие данных сторон выглядело в высшей степени диалектичным, имелись все основания надеяться, что повседневное, равно как и индивидуальное, однажды займут достойное место по ту сторону исторического, в царстве универсальности. Конечно, эта перспектива воспринималась как отдаленная — слишком очевидными были вызывающие сожаление ограниченность активности масс сферой домашнего хозяйства, их отказ от истории, политики и универсального, их рабская зависимость

210

Кара ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

от процесса тупого каждодневного потребления (успокаивало одно: они заняты трудом, благодаря чему за ними сохраняется статус исторического «объекта» — до того момента, пока они не обретут сознание). Сегодня представление о том, какой из двух полюсов является сильным, а какой слабым, становится прямо противоположным: мы начинаем подозревать, что повседневное, будничное существование людей — это, весьма вероятно, вовсе не малозначащая изнанка истории, и, более того, что уход масс в область частной жизни — это, скорее всего, непосредственный вызов политическому, форма активного сопротивления политической манипуляции. Роли меняются: полюсом силы оказываются уже не историческое и политическое с их абстрактной событийностью, а как раз обыденная, текущая жизнь, все то (включая сюда и сексуальность), что заклеямили как мелкобуржуазное, отвратительное и аполитичное.

Итак, полный переворот во взглядах. Деполитизированные массы, судя по всему, находятся не по эту, а по ту сторону политического. Частное, низкое, повседневное, малозначимое, маленькие хитрости, мелкие извращения и т.д., по всей видимости, располагаются не по эту, а по ту сторону репрезентации. Массы, как выясняется, озабочены приведением в исполнение того смертного приговора политическому, который они вынесли, не дожидаясь исследований на тему «конца политики»; в своей «наивной» практике они трансполитичны в той же мере, в какой они транслингвистичны в своем языке.

Но обратим внимание: из згой вселенной частного и асоциального, не подчиняющейся диалектике репрезентации и выхода к универсальности, из этой сферы инволюции, противостоящей любой революции в верхах и отказывающейся играть ей на руку, кое-кто хотел бы сделать (рассматривая ее прежде всего в аспекте сексуальности и желания) новый источник революционной энергии, хотел бы вернуть ей смысл и восстановить в правах как некую историческую отрицательность, причем во всей ее тривиальности. Налицо стремление активизировать микрожелания, мелкие различия, слепые практики, анонимную маргинальность. Налицо последняя попытка интеллектуалов усилить незначительное,

211

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

продвинуть бессмыслие в порядок смысла. И образумить тем самым данное бессмыслие политически. Банальность, инертность, аполитизм были фашистами, теперь они близки к тому, чтобы стать революционерами — и все это не меняя смысла, то есть не переставая иметь смысл. Микрореволюция банальности, трансполитика желания являются еще одним трюком «освободителей». На самом же деле отказ от смысла смысла не имеет.

От сопротивления к гиперконформизму

Появление молчаливого большинства нужно рассматривать в рамках целостного процесса исторического сопротивления социальному. Конечно, сопротивления труду, но также и медицине, школе, разного рода гарантиям, информации. Официальная история регистрирует лишь одну сторону дела — прогресс социального, оставляя в тени все то, что, будучи для нее пережитками предшествующих культур, остатками варварства, не содействует этому славному движению. Она подводит к мысли, что на сегодняшний день социальное победило полностью и окончательно, что оно принято всеми. Но с развитием социальности развивалось и сопротивление ей, и последнее прогрессировало еще более быстрыми темпами, чем сама социальность. И теперь оно существует по преимуществу уже не в тех грубых и примитивных формах, которые были свойственны ему вначале (сегодня прогрессу социального благодарны, сегодня только сумасшедшие отказываются пользоваться такими благами цивилизации, как письменность, вакцинация или социальные гарантии). Прежнее открытое сопротивление соответствовало этапу столь же открытой и грубой

социализации и исходило от традиционных групп, стремящихся сохранить свою культуру, изначальный уклад жизни. Гомогенной и абстрактной модели социального сопротивлялась еще не масса, а дифференцированные структуры.

Этот прежний тип сопротивления проанализирован в концепции «two steps flow of communication» («двухуровневой

212

коммуникации»), которая разработана американской социологией и согласно которой масса вовсе не образует структуру пассивного приема сообщений средств информации, будь то сообщения политического, культурного или рекламного характера. На первом уровне коммуникативного процесса микрогруппы и индивиды их расшифровывают, но, совершенно не склонные к точному, в соответствии с установленными правилами, их прочтению, делают это по-своему. На втором — они с помощью своих лидеров этот поток посланий захватывают и преобразуют. Они начинают с того, что господствующему коду противопоставляют свои особые субкоды, а заканчивают тем, что любое приходящее к ним сообщение заставляют циркулировать в рамках специфического, определяемого ими самими цикла. Но точно так же поступают и дикари, у которых европейские деньги находятся в уникальном, характерном только для их культур символическом обращении (к примеру, у сианов Новой Гвинеи), или корсиканцы, у которых система всеобщего избирательного права и выборности функционирует по законам соперничества кланов. Эта манера подсистем добиваться своего путем присвоения, поглощения, подчинения распространяемого доминирующей культурой материала, эта их хитрость заявляет о себе повсюду. Именно благодаря ей «отсталые» массы превращают медицину в своеобразную «магию». И они делают это не по причине, как принято считать, архаичности и иррациональности своего мышления, а потому, что и в данной ситуации придерживаются характерной для них активной стратегии нейтрализующего присвоения, не анализируемого ими, но, тем не менее, сознательного (ибо они обладают сознанием «без знания») противодействия внешнему — стратегии, которая позволяет им с успехом защититься от губительного для них влияния рациональной медицины.

Однако здесь перед нами именно структурированные, традиционные — и с формальной, и с содержательной точек зрения — группы. Иное дело — когда угроза для социализации исходит от масс, то есть групп чрезвычайно многочисленных, внушающих страх и безликих, сила которых заключена, наоборот, в их бесструктурности и инертности. В случае со

213

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

средствами массовой информации традиционное сопротивление сводится к тому, чтобы интерпретировать сообщения по-своему — в рамках особого кода группы и в контексте ее установок. Массы же принимают все и абсолютно все делают зрелищным; им не требуется другой код, им не требуется смысл; они, в сущности, не сопротивляются — они просто обрекают все на соскальзывание в некую неопределенную сферу, которая даже не является сферой бессмыслия, а выступает областью всеохватывающего гипноза/манипуляции.

Всегда считалось, что массы находятся под влиянием средств массовой информации — на этом построена вся идеология последних. Сложившееся положение объясняли эффективностью знаковой атаки на массу. Но при таком, весьма упрощенном, понимании процесса коммуникации упускается из виду, что масса — медиум гораздо более мощный, чем все средства массовой информации, вместе взятые, что, следовательно, это не они ее подчиняют, а она их захватывает и поглощает или, по меньшей мере, она избегает подчиненного положения. Существуют не две, а одна-единственная динамика — динамика массы и одновременно средств массовой информации. Mass(age) is message*. Та же ситуация и с кино, которое создавалось как медиум рационального, документального, содержательного, социального и которое очень быстро и решительно сместилось в сферу вообразяемого.

Та же ситуация и с техникой, наукой и знанием. Они обречены на существование в качестве магических практик и предназначенных для потребления зрелищ. Та же ситуация и с самим потреблением. Экономисты, к своему изумлению, так и смогли рационализировать его, несмотря на основательность их «теории потребностей», несмотря на согласие массы с их рассуждениями о том, что в действительности является полезным, а что нет. Ибо на поведении массы этот ее консенсус с экономистами обычно (а может быть, и никогда)

Масс(-а, -ирование) есть сообщение (*англ.*). Слово «массирование» употреблено здесь в значении «движение массы, жизнь массы, бытие массы».

214

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

не сказывается. Масса перевела потребление в плоскость, где его уровень оказывается показателем статуса и престижа, где оно выходит за всякие разумные пределы или симулируется, где царствует потlach", который отменяет какую бы то ни было потребительную стоимость. Обращенные к ней настойчивые призывы к правильному, рациональному потреблению раздаются со всех сторон (они исходят и от официальной пропаганды, и от общества потребителей, и от ассоциаций экологов и социологов), но все напрасно. Ориентируясь на стоимость/ знак, не задумываясь, делая на нее ставку (что экономистами всегда — даже когда представление об этой стоимости как о чем-то весьма неустойчивом они пытались ввести в свои теории — рассматривалось в качестве отступления от принципов экономического разума), масса разрушает экономику, выступает против «объективного» императива потребностей и рационального контроля за намерениями и устремлениями. Если стоимость/знак противопоставляется ею потребительной стоимости, то отсюда следует, что она обесценивает уже и политическую экономию. Утверждение, будто все это в конце концов укрепляет стоимость меновую, то есть систему, не выдерживает критики. Ибо, хотя система и сохраняет еще способность с успехом защищаться отданной игры и даже использует ее в своих интересах (ей выгодно наличие массы, потерявшей рассудок от создаваемых для кухни технических новинок и т. п.), такого рода соскальзывание, такого рода смещение, которые практикуются массами, означают, что экономическое, почти не ограниченное никакими пределами, получившее чуждую себе направленность, превратившееся в магический ритуал и театрализованное представление, доведенное массами до состояния пародии на самого себя, — это экономическое уже сейчас утратило всю свою рациональность, уже сейчас переживает свой конец. Массы

Потlach — праздник у индейцев Северной Америки, сопровождавшийся обрядами подношения даров тем, кто на него приглашался. В этих обрядах в символической форме выражалось соперничество различных социальных групп. Слово используется также для обозначения самой системы обмена, складывающегося между такого рода группами.

215

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

(мы, вы, все), вопреки надеждам учителей, вопреки всем призывам воспитателей-социалистов, сделали его асоциальным, отклоняющимся от нормы, и продемонстрировали, что отныне не ориентируются ни на какую политическую экономию. Они не стали готовиться к будущим революциям и брать на вооружение теории, в соответствии с которыми они должны «освободиться» от экономического в рамках «диалектики» поступательного движения. Они знают, что ни против чего, строго говоря, не восстают, что упраздняют систему, всего лишь подталкивая ее к функционированию по законам гиперлогики, в режиме предельной нагрузки, который ей противопоказан. Они заявляют: «Вы хотите, чтобы мы потребляли. Ну что ж, мы будем потреблять все больше и больше. Мы будем потреблять все что угодно. Без всякой пользы и смысла».

Так же обстоит дело и с медициной: и здесь прямое сопротивление (которое, впрочем, окончательно не исчезло) было оттеснено в сторону вариантом ниспровержения более гибким — гипертрофированно, необузданно почтительным к ней отношением, панически слепым подчинением ее предписаниям. Фантастический рост потребления в секторе медицинских услуг, полностью лишаящий медицину ее социального характера, — лучшего средства для ее уничтожения не придумаешь. Отныне уже и сами врачи не знают, чем они занимаются, в чем заключается их функция, поскольку масса воздействует на них в гораздо большей степени, чем они на массу. Пресса вынуждена констатировать: «Люди требуют от медицины заботы, хороших врачей, лекарств, гарантий здоровья — им всего этого мало, они хотят еще, все больше и больше, и они хотят этого без конца».

Перестают ли массы в своем отношении к медицине быть массами? Отнюдь нет: они разрушают ее как социальный институт, подрывают систему социального обеспечения; требуя увеличения предоставляемых им медицинских услуг, они ставят под удар социальное как таковое. Видеть в социальном предмет индивидуального потребления, товар, цена которого зависит от колебаний спроса и предложения, — что может быть большим издевательством над этим социальным? Пародия на подчинение и вытекающий из нее парадокс: массы вы-

216

Кара ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

ходят за пределы логики социального, расшатывают всю его конструкцию именно потому, что в своих действиях следуют его законам. Разрушительная гиперсимуляция, деструктивный гиперконформизм (как и в ситуации с Бобуром*, которая была проанализирована по другому поводу) приобретают черты самого решительного вызова, и в полной мере оценить его мощь, предсказать, какими последствиями для системы он обернется, сегодня не сможет никто. Существо нашей современности не заключено ни в борьбе классов, ни в неупорядоченном броуновском взаимодействии лишенных желания меньшинств — оно состоит именно в этом глухом, но неизбежном противостоянии молчаливого большинства навязываемой ему социальности, именно в этой гиперсимуляции, усугубляющей симуляцию социального и уничтожающей его по его же собственным законам.

Масса и терроризм

Мы живем в это странное время, когда массы не соглашаются носить имя социального и тем самым отказываются и от смысла, и от свободы. Но отсюда не следует, что они включены в какую-то иную — новую и не менее славную — референцию. Ибо они не существуют. Можно лишь констатировать, что, столкнувшись с ними, начинает медленно разваливаться любая власть. Молчаливое большинство — это не сущность и не социологическая реальность, это тень, отбрасываемая властью, разверзнувшаяся перед ней бездна, поглощающая ее форма. Текучее, неустойчивое, податливое, слишком быстро уступающее любому воздействию скопление, характеризующаяся гиперреальным конформизмом, крайней степенью пассивности туманность — вот виновник сегодняшней гибели власти. Но точно так же и краха революции — потому что такого рода импловивная масса по определению никогда

Б о б у р — так французы для краткости называют Национальный центр искусства и культуры имени Жоржа Помпиду, расположенный между улицами Сен-Мартен и Бобур.

217 ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Каря ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

не взорвется и, следовательно, неизбежно нейтрализует любой обращенный к ней революционный призыв. Как же тогда быть с этими массами? Они являются основной темой всех дискурсов, ориентация на них стала навязчивой идеей любого социального проекта. И, тем не менее, всех, кто на них ставит, постигает неудача, поскольку каждый, кто это делает, масс не знает, — он исходит из их классической дефиниции, которая сложилась в контексте эсхатологической надежды на социальное и его осуществление. Но массы — это не социальное, это отступление всякого социального и всякого социализма. Конечно, всегда было достаточно и теоретиков иной ориентации: с подозрением относящихся к смыслу, указывающих на тупики свободы и разоблачающих политический обман, резко критикующих рациональность и любую форму репрезентации. Массы, однако, не критикуют — смысла, политического, репрезентации, истории, идеологии они избегают, опираясь на силу сомнамбулического отказа. Они действуют — здесь и теперь они осуществляют то, что так или иначе имеет в виду и наиболее радикальная критика, которая, тем не менее, не зная, как реализовать свои замыслы, упорно продолжает мечтать о будущей революции: революции критической, революции престижа, социального, желанной. Но уже происходящей — инволюционной, а не активно-критической — революции она не замечает. Последняя импловивна и не направляется никакими идеями. Она основана на инерции, а не на бодрой и радостной негативности. Она молчалива и именно инволютивна — то есть абсолютно исключает революционные речи и призывы к сознательности. У нее нет смысла. Ей нечего нам сказать.

К тому же единственный феномен, который близок массе как виновнику потрясений и смерти социального, — это терроризм. С одной стороны, масса и терроризм — непримиримые враги, и власть без труда сталкивает их друг с другом. Но с другой — есть и то, в чем они удивительным образом совпадают: отрицает социальное и отказывается от смысла не только масса — это характерно и для терроризма. Терроризм полагает, что он выступает против капитала (мирового империализма и т. п.), но он ошибается — на деле он против-

218

действует социальному, которое и является его настоящим противником. Современный терроризм держит под прицелом социальное в ответ на терроризм социального. И он держит под прицелом именно современное социальное: переплетение сфер, связей, центров и структур, сеть контроля и блокировки — все то, что окружает нас со всех сторон и благодаря чему мы, все мы, оказываемся молчаливым большинством. Перед ним новая — гиперреальная, неуловимая, опирающаяся уже не на закон, репрессии и насилие, а на внедрение моделей и на убеждение/разубеждение — социальность, и он отвечает на ее вызов ничем иным, как гиперреальным же действием — действием, которое с самого начала погружено в расходящиеся в разных направлениях волны средств массовой информации и гипноза, которое разворачивается не в области репрезентации и сознания, рефлексии и логики причинно-следственной зависимости, а там, где заявляет о себе мышление, черпающее свою силу в механизмах совместных положительных или отрицательных переживаний, в механизмах цепной реакции передачи настроения. Терроризм столь же лишен смысла и столь же неопределенен, как и система, с которой он борется и в которую, по сути дела, включен в качестве средоточия максимальной и одновременно исчезающе малой импловии. Терроризм — это не вспышка исторической и политической критики, он по-настоящему импловивен, и он вызывает оцепенение, ошеломляет, а потому внутренне связан с молчанием и пассивностью масс.

Терроризм направлен не на то, чтобы заставить говорить, воодушевить или мобилизовать, — он не приводит к революции (в этом плане он, пожалуй, абсолютно контрпродуктивен; но, вменяя ему в вину вред, который он наносит революционному движению, надо учитывать, что он и не стремится быть

революционером). Он ориентирован на массы именно в их молчании, массы, загипнотизированные информацией. Он концентрирует свое внимание исключительно на современном социальном, на этой постоянно влияющей на нас белой магии информации, симулирования, разубеждения, анонимного и произвольного управления, на этой магии абстракции — магии, которую он максимально активизирует

219

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

и которую, таким образом, подталкивает к смерти, используя магию иную, черную, магию абстракции еще более сильной, более анонимной и более произвольной: магию террористического акта. Террористический акт единственный не является актом репрезентации. Этим он сближается с массой, выступающей единственной реальностью, которая не может иметь представления. Отсюда следует, что терроризм вовсе не представляет невысказанное массами и никоим образом не служит активным выражением их пассивного сопротивления. Между терроризмом и поведением массы существует отношение не представляющего и представляемого, а эквивалентности: оба не направляются никакой идеей, оба не принадлежат никакой репрезентативности, оба не имеют никакого смысла. Их объединяет самое радикальное, самое решительное отрицание любой репрезентативной системы. И это на сегодняшний день, в сущности, все, что мы в состоянии сказать о связях, которые могут устанавливаться между двумя элементами, находящимися вне области репрезентации. Разобраться в данном вопросе нам не позволяет базовая схема нашего познания — ею всегда полагается среда субъекта и языка, среда представления. И потому нам открыты лишь сцепления репрезентации; что же касается соединений, основанных на аналогии или родстве, соединений непосредственных или нерепрезентативных, — что касается всех других структур, то мы их практически не знаем. Безусловно, массы и терроризм связывает что-то весьма важное, то, что было бы бесполезно искать у исторически предшествующих им репрезентативных систем (народ/национальное собрание, пролетариат/партия, меньшинства маргиналов/представляющие их группы и группки...). И так же, как между полюсами какой-нибудь репрезентативной системы циркулирует энергия социальная, энергия позитивная, точно так же, по-видимому, циркулирует энергия и между массой и терроризмом, между этими не-полюсами системы не-репрезентации, но это энергия противоположного характера, энергия не социальной аккумуляции и трансформации, а социальной дисперсии, рассеивания социального, энергия поглощения и уничтожения политики.

220

Кара ЯСДЕРС, Жан БОДРИЙАР

Утверждать, что «эпоха молчаливого большинства» «порождает» терроризм — значит допускать ошибку. На самом же деле масса и терроризм, хотя и непонятным для нас образом, но именно сосуществуют. И такого рода их синхронное функционирование, каким бы ни было к нему отношение, — единственное, что по-настоящему знаменует собой конец политического и социального. Единственное, что характеризует этот период неуправляемой имплозии всех систем репрезентации. Задача терроризма заключается вовсе не в том, чтобы продемонстрировать репрессивный характер государства (на это ориентирована провокационная негативность групп и группок, которые цепляются за нее как за последнюю возможность выступить перед массами в качестве их представителей). Будучи нерепрезентативным, он делает очевидной — запуская механизм цепной реакции ее распространения, а не указывая на нее и не пытаясь подтолкнуть к ее осознанию — нерепрезентативность любой власти. Именно такова его подрывная работа: он утверждает не-репрезентацию, внедряя ее крайне малыми, но весьма концентрированными дозами.

Характерная для него жестокость объясняется тем, что он отрицает все репрезентативные институты (профсоюзы, организованные движения, сознательную «политическую» борьбу и т. п.), включая и те, от которых исходят заверения в солидарности с его усилиями, ибо солидарность — это всего лишь один из способов конституировать его как модель, как эмблему и, следовательно, заставить быть представителем. (О погибших участниках акции в таких случаях говорят: «Они умерли за нас, их смерть не напрасна...».) Для того чтобы преодолеть какие бы то ни было смыслы, для того чтобы создать ситуацию, когда невозможно осознать, насколько он социально нелегитимен, в какой мере он не ведет ни к каким политическим результатам и не вписан ни в какую историю, терроризм использует любые средства. Его единственное «отражение» — вовсе не цепь вызванных им исторических следствий, а рассказ, шокирующее сообщение о нем в средствах информации. Однако этот рассказ принадлежит

221

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

порядку объективности и информативности не больше, чем терроризм — порядку политического. И тот и другой находятся за пределами и смысла, и репрезентации — в сфере, которая, является если не областью мифа, то, во всяком случае, областью симулякра.

Другой аспект террористического насилия — отрицание всякой детерминации и всякого качества. В этом плане терроризм надо отличать от бандитизма и акций «коммандос». Отряд «коммандос» осуществляет военные операции против определенного противника (они могут выражаться в подрыве железнодорожного состава, внезапном нападении на вражеский штаб и т.д.). Бандитизм (налет на банк, лишение свободы в расчете на получение выкупа и т. п.) является разновидностью традиционного уголовного насилия. Все эти действия имеют цель, экономическую или военную. Современный терроризм, начало которому положили захваты заложников и игра с откладыванием-отсрочиванием смерти, уже не имеет ни цели (если все же допустить, что он ориентирован какими-то целями, то они либо совсем незначительны, либо недостижимы — во всяком случае, он является самым неэффективным средством их достижения), ни конкретного врага. Можно ли сказать, что захватом заложников палестинцы борются с государством Израиль? Нет, их действительный противник находится за его спиной. Пожалуй, он не принадлежит даже и области мифа, ибо выступает как нечто анонимное, недифференцированное, как некий мировой социальный порядок. Палестинцы обнаруживают этого врага где угодно, когда угодно, для них его олицетворением могут выступать любые, даже самые невинные, люди. Именно так заявляет о себе терроризм; и он остается самим собой, сохраняет себя только потому, что действует везде, всегда и против всех — иначе он был бы лишь вымогательством или акцией «коммандос». Характер функционирования этой слепой силы находится в полном соответствии с абсолютной недифференцированностью системы, в которой уже давно не существует различия между целями и средствами, палачами и жертвами. Своими действиями, выражающими его убийственное безразличие к тому, кто окажется у него в заложниках, терроризм направлен как раз против самого

222

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

главного продукта всей системы — анонимного и совершенно безликого индивида, индивида, ничем не отличающегося от себе подобных. Невинные расплачиваются за преступление, состоящее в том, что они теперь никто, что у них нет собственной судьбы, что они лишены своего имени, лишены системой, которая сама анонимна и которую они, таким образом, символизируют, — вот парадокс нынешней ситуации. Они являются конечным продуктом социального, абстрактной и ставшей сегодня всемирной социальности. И именно потому, что они теперь — это «кто угодно», им и суждено быть жертвами терроризма.

Как раз в этом смысле, или, лучше сказать, в этом своем вызове смыслу, террористический акт сближается с катастрофами, происходящими в природе. Никакой разницы между подземным толчком в Гватемале и угоном «Боинга» Люфтганзы с тремястами пассажирами на борту, между «естественным» действием природы и «человеческим» действием терроризма не существует. Террористами являются и природа, и внезапный отказ любой технологической системы: крупные сбои в системах подачи электроэнергии в Нью-Йорке (в 1965 и 1977 годах) создали ситуации значительно более серьезные, чем те, к которым приводили все до сих пор осуществлявшиеся спланированные террористические акты. Более того: эти крупные аварии технологического плана, как и катаклизмы природного характера, демонстрируют возможность радикальной подрывной работы без субъекта. Сбой 1977 года в Нью-Йорке мог бы быть устроен и хорошо организованной группой террористов, но результат оказался бы тем же самым. Последовали бы те же акты насилия и грабежи, точно так же стало бы нарастать возмущение происходящим и точно таким же мучительным было бы ожидание того, когда же наконец установится «социальный» порядок. Отсюда следует, что терроризм порожден не стремлением к насилию, а характерен для нормального состояния социального — в той мере, в какой это нормальное состояние в любой момент может превратиться в нечто прямо противоположное, абсурдное, неконтролируемое. Природная катастрофа способствует такому повороту событий и именно поэтому парадоксальным образом становится мифическим

223

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

выражением катастрофы социального. Или, точнее, природная катастрофа, будучи в высшей степени бессмысленным и нерепрезентативным событием (разве что за ним стоит Бог; не случайно в ситуации с последней аварией в электросетях Нью-Йорка ответственный работник Continental Edison заговорил о Боге и его вмешательстве), становится своего рода симптомом или наиболее ярким олицетворением особого состояния социального, а именно его катастрофы и крушения всех репрезентаций, на которые социальное опиралось.

Системы импловзивные и взрывные

Треугольник массы — средства массовой информации—терроризм указывает на пространство, в котором разворачивается характерный для современности процесс импловзии. Этот процесс пронизан нарастающим насилием — насилием рассеянным и концентрированным, насилием вовлечения и гип-

ноза, насилием пустоты (гипнотическое воздействие есть предельная агрессивность нейтрального). В своем нынешнем состоянии мы имеем дело только с такой — неистовой и катастрофической — имплозией. Сегодня она не может быть иной, потому что выступает завершающим периодом крушения — последним этапом гибели системы взрыва и контролируемого расширения, господствовавшей на Западе на протяжении нескольких веков.

Тем не менее имплозия отнюдь не обязательно развертывается как катастрофа. Она существует и в контролируемой и направляемой форме. В этом своем качестве она обнаруживает себя прежде всего в примитивных и традиционных обществах и, более того, оказывается их скрытой главной особенностью. Такого рода обществам не свойственна экспансия — в них царствует не центробежная, а центростремительная сила. Такого рода сингулярные множества никогда не нацелены на универсальное — они сконцентрированы на цикле, на ритуале, они стремятся замкнуться в этом нерепрезентативном процессе, где нет ни высшей инстанции, ни дизъюнктивной полярности, но где отсутствует также и опасность их, мно-

224

Кара ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

жеств, саморазрушения (сказанное, возможно, не относится к столь необычной имплозии, как коллапс культур тольтеков, ольмеков и майя, культур, о которых мы вряд ли что-либо еще узнаем и об огромных империях которых мы можем сказать лишь то, что они исчезли без каких-либо более или менее заметных следов катастрофы, без видимой внешней или внутренней причины, как будто внезапно утратив все стимулы к существованию). Примитивные общества живут, следовательно, благодаря контролируемой имплозии; но если они ей уже не управляют, их ждет смерть. Это значит, что теперь они оказались во власти взрыва (то есть стали рабами неконтролируемого увеличения населения или столь же неуправляемого роста объема произведенной продукции, пленниками безудержного расширения в пространстве или же просто-напросто объектами колонизации, насильно приобщающей их к принципам развития и ориентации вовне, в соответствии с которыми существуют западные системы).

Наши «современные» цивилизации, напротив, на всех уровнях строятся на основе экспансии и взрывных процессов — под знаком универсализации рынка, экономических и философских ценностей, под флагом универсальности закона и такой же универсальности стратегии завоевания. Они, без всякого сомнения, оказались способными, по крайней мере до сегодняшнего дня, существовать за счет контролируемого взрыва, регулируемого поэтапного высвобождения энергии, и этим определяется золотой век их культуры. Однако сегодня их взрывное развитие осуществляется такими немислимыми темпами, что контроль за ним становится невозможным. Этот взрывной процесс достиг предельной скорости и предельного размаха и начал выходить за рамки сферы универсального — ему уже тесно в той области, которая является областью экспансии. И так же, как примитивные общества были разрушены динамикой взрыва, так и не сумев на определенном этапе удержать под контролем процесс имплозии, — точно так же и наша культура начинает разрушаться имплозией, поскольку не имеет средств справиться с взрывной динамикой. Имплозия неизбежна, и все усилия по спасению систем экспансии, существующих в соответствии с принципами ре-

225

Философский БЕСТСЕЛЛЕР

альности, аккумуляции и универсальности, в соответствии с принципами эволюции, не могут не быть напрасными. Они продиктованы исключительно ностальгией по тому, что уходит. Но к их числу надо отнести и усилия тех, кто настаивает на необходимости высвобождения разного рода особых энергий: либидинальных, множественных, энергии фрагментарных интенсивностей и т. д. Дело в том, что «высвобождение энергий» («пролиферация сегментов» и т. п.), которое имеет место в ходе так называемой «революции на молекулярном уровне», происходит все еще в границах хотя и сжимающегося, но по-прежнему заявляющего о себе поля экспансии, лежащего в основании нашей культуры. Ничтожная по силе активность, исходящая от желания, — всего лишь продолжение мощных попыток утверждения реальности, предпринятых капиталом, распад на молекулярные образования — всего лишь логическое завершение тотального усилия по поддержанию различных пространств социального. Мы являемся свидетелями угасания системы взрыва с ее отчаянным стремлением овладеть энергией, дошедшей до своего предела, или, что то же самое, раздвинуть пределы этой энергии (определяющий ориентир нашей культуры) — с тем, чтобы спасти экспансию и движение к освобождению.

Но имплозию не остановит ничто. Победа имплозивного над взрывным предрешена, и вопрос лишь в том, за каким: — жестким и катастрофическим или мягким и замедленным — имплозивным процессом будущее. Последний пытается подчинить себе новые антиуниверсалистские, анти-репрезентистские,

трайбалистские* и т. п. центробежные силы, действие которых обнаруживается в возникновении разного рода общин, в обращении к наркотикам, в выступлениях против загрязнения среды и дальнейшего роста промышленного производства. Но мягкую имплозию надо оценивать трезво. Скорее всего, она недолговечна и закончится безрезультатно. Превращение систем импловивных в системы взрывные нигде не было безболезненным — оно всегда сопровождалось болью. В данном случае имеется в виду стремление к обособлению, свойственное самым различным по своему характеру группам общества.

226

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

шими потрясениями; жестким и катастрофическим будет, по всей видимости, и наш переход к имплозии.

Или конец социального

Динамика социального не является ясной и определенной. Чем характеризуются современные общества — его нарастанием или распадом? Иначе говоря, им свойственны социализация или последовательная десоциализация? Ответ зависит от того, как понимается социальность, но он в любом случае не может быть окончательным и однозначным. Скорее всего, социальное обладает такими характеристиками, что институциями, которые выступают вехами «социального прогресса» (урбанизация, концентрация, производство, труд, медицина, обучение в школе, социальное обеспечение, страхование и т. д.), включая сюда и капитал, являющийся, пожалуй, самым эффективным проводником социализации, оно в одно и то же время и создается, и разрушается.

Поскольку социальное, по-видимому, сложено из абстрактных инстанций, возникающих одна за другой на развалинах предшествующих символических и ритуальных обществ, эти институции его — шаг за шагом — производят. Но они работают именно на нее — ненасытную абстракцию, питающуюся, возможно, «самой сутью» социального. И в этом плане по мере развития своих институций социальное не укрепляется, а регрессирует.

Данный противоречивый процесс ускоряется и достигает своего максимального размаха с появлением средств массовой информации и самой информации. Средства информации, все средства, и информация, вся информация, действуют на двух уровнях: внешний — уровень наращивания производства социального, глубинный — тот, где и социальные отношения, и социальное как таковое нейтрализуются.

Но тогда, если социальное, во-первых, разрушается — тем, что его производит (средствами информации и информацией), а во-вторых, поглощается — тем, что оно производит (массами), оказывается, что его дефиниция не имеет референта, и

227

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

термин «социальное», который является центральным для всех дискурсов, уже ничего не описывает и ничего не обозначает. В нем не только нет необходимости, он не только бесполезен, но всякий раз, когда к нему прибегают, он не дает возможности увидеть нечто иное, не социальное: вызов, смерть, совращение, ритуал или повторение — он скрывает то, что за ним стоит всего лишь абстракция, результат процесса абстрагирования, или даже просто эффект социального, симуляция и видимость. Неопределенность заложена уже в термине «социальное отношение». Что такое «социальное отношение», «социальная связь»? Что такое «производство социальных связей»? Понятным содержание этих выражений оказывается лишь на первый взгляд. Является ли социальное изначально и по своей сути «отношением» (или «связью»), что неизбежно предполагает высокую степень его абстрактности и рациональности, или же оно есть нечто иное — то, что извне рационализируется термином «отношение»? А может быть, «социальное отношение» отнесено к чему-то другому, а именно к тому, что оно разрушает? Может быть, оно отмечает конец социального или кладет начало его концу?

Так называемые «социальные науки» были призваны закрепить впечатление, что социальность вечна. Но сегодня от него надо освободиться. Существовали общества, которые обходились без социального, как они обходились и без истории. Ни термин «отношение», ни термин «социальное» к характерным для этих образований символическим структурам взаимных обязательств не приложимы. С другой стороны, социального, по всей видимости, не будет и в наших «обществах» — они хоронят его тем, что оно в них симулируется. И поскольку видов смерти у него столько же, сколько определений, умирать ему суждено по-разному. Социальное, судя по всему, в состоянии существовать лишь очень короткое время: в узком промежутке между эпохой символических формаций и возникновением нашего «общества», где оно уже не живет, а только угасает. Раньше — его нет еще, позже — его нет уже. Но «социология», кажется, будет доказывать его вечность и после его смерти — в пустых разговорах представи-

телей «социальных наук» ему уготована жизнь и после того, как оно исчезнет.

На протяжении двух столетий неиссякаемыми источниками энергии социального были детерриториализация и концентрация, обнаруживающие себя во все большей унификации инстанций. Эта унификация происходит в централизованном пространстве перспективы, которое придает смысл всем оказавшимся в нем элементам благодаря тому, что просто ориентирует их на схождение в бесконечности (в качестве пространства и времени социальное, действительно, делает перспективу бесконечной). Социальность оформляется только в этой всеохватывающей перспективе.

Но не будем забывать: такого рода перспективное пространство (как в живописи и архитектуре, так и в политике или экономике) является лишь одной из моделей симуляции, для которой характерно то, что она дает место эффектам истины и объективности, невозможным, немислимым в других моделях. А что, если она представляет из себя просто ловушку? В таком случае все, что было задумано и осуществлено в этом социальном «сценическом действии по-итальянски», никогда не имело существенного значения. В своей основе вещи никогда не функционировали социально — они приходили лишь в символическое, магическое, иррациональное и т. п. движения. Отсюда и следует, что капитал есть вызов обществу. Иначе говоря, эта машина всеохватывающей перспективы, эта машина истины, рациональности и продуктивности, какой является капитал, чужда и объективной целесообразности, и разуму: она есть прежде всего насилие, насилие, состоящее в том, что социальное направляется против социального. Но по своей сути данная машина не является социальной — ей нет дела до капитала и социального в их антагонистическом единстве. Она не подразумевает контракт, она никогда не предполагает договор, заключенный между различными инстанциями по закону (все это для нее пустое) — она ориентирована на ставку, на вызов, то есть на что-то, что не проходит по линии «социальной связи». (Вызов находится вне диалектики и вне взаимного противостояния полюсов в рамках какой-либо целостной структуры. Он есть процесс уничтожения всех

229

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

противостоящих элементов, всех противодействующих субъектов, и в первую очередь тех, кто бросает вызов: тем самым он уходит от любого контракта, который мог бы дать место «отношению». Логика обмена ценностями теперь не действует. В силу вступает логика отказа от ценности и смысла. Герой вызова неизменно занимает позицию самоубийцы, но его самоубийство триумфально: именно разрушая ценность (свою ценность), именно уничтожая смысл (свой смысл), он вынуждает другого реагировать всякий раз неадекватно, всякий раз чрезмерно. Вызов всегда исходит оттого, что не имеет ни смысла, ни имени, ни идентичности, и он всегда брошен тому, что за них держится, — это вызов смыслу, власти, истине, самой их способности существовать, самому их стремлению к существованию. Только такого рода обращение силы назад и способно положить конец власти, смыслу и ценности; надеяться на какое-то соотношение сил, каким бы благоприятным оно ни было, бесполезно — оно предполагает полярную, бинарную структурную связь, которая по самой своей природе всегда формирует пространство смысла и власти).

Относительно социального возможны несколько гипотез.

1. Социальное, по сути дела, никогда не существовало. Социального «отношения» никогда не было. Ничто никогда не функционировало социально. В условиях неизбежного вызова, неотвратимого соращения и неминуемой смерти всегда имела место лишь симуляция социального и социального отношения. В этом случае нет никаких оснований говорить ни о «реальной», ни о скрытой, ни об идеальной социальности. Оправдано лишь гипостазирование симулякра. Если социальное есть симуляция, то единственное вероятное резкое изменение ситуации — это стремительная десимуляция, при которой социальное само для себя перестает быть пространством референции, выходит из игры и кладет конец сразу и власти, и эффекту социального, и зеркалу социального, социальное поддерживающему. Десимуляция сама приобретает характер вызова (обратного вызову капитала социальному и обществу): вызова способности капитала и власти существовать в соответствии с их собственной логикой — у них ее нет, в качестве механизмов они исчезают сразу же, как только разрушается

230

симуляция социального пространства. И сегодня это резкое изменение ситуации происходит. Разложение социального мышления, истощение и вырождение социальности, угасание социального симулякра (настоящий вызов конструктивности и продуктивности имеющей для нас решающее значение социальной теории) — всему этому мы являемся свидетелями. Социальное исчезает бесследно, как будто его и не было. И не в процессе эволюции или революции, а в результате катаст-

рофы. Это уже не «кризис» социального — это распад самого его устройства. Маргиналы (умалишенные, женщины, наркоманы, преступники), которые якобы разрушают социальное, здесь ни при чем — их активность, наоборот, служит для слабеющей социальности источником дополнительной энергии. Но ресоциализация невозможна. И социальное, существующее в соответствии с принципами реальности и рациональности, улетучивается, подобно тому как, едва заслышав первый крик петуха, улетучивается призрак.

2. Социальность все же существовала и существует, более того, она постоянно нарастает. Она пронизывает все — есть только социальность. Социальное вовсе не исчезает, а, напротив, торжествует и заявляет о себе повсюду. Можно, однако, предположить — вопреки мнению, будто динамика социального разворачивается в закономерный прогресс человечества, а все ее избежавшее представляет собой лишь остаток, — что как раз само социальное и является остатком и что оно торжествует именно в этом качестве. Заполнивший собой все, ставший универсальным и получивший статус реальности остаток рассеивания символического порядка — это и есть социальное. Перед нами уже более изысканная форма смерти. В данном случае сегодняшняя ситуация такова, что мы все дальше погружаемся в социальное, то есть в сферу чистых отложений, в пространство, заполненное мертвым трудом, мертвыми, контролируруемыми бюрократией связями, мертвыми языками и синтагмами (что-то мертвое, что-то от смерти есть уже в самих терминах «отношение» и «связь»).

Безусловно, теперь нельзя говорить, что социальное умирает — отныне оно есть аккумуляция смерти. Мы действительно принадлежим цивилизации сверхсоциальности и в

231

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

то же время исчезающего и неуничтожимого остатка, захватывающего все новые территории по мере того, как социальное расширяется.

Образование остатка и его новое использование — таковы, по-видимому, основные моменты социального как производства. Его циклы уже давно не имеют никаких «социальных» ориентиров, так что оно представляет собой абсолютно самостоятельную, вращающуюся исключительно вокруг собственной оси спиралевидную туманность, расширяющуюся с каждым витком, который она описывает. Таким образом, усиление социального в ходе истории — это, очевидно, усиление «рационального» управления остатками и, вскоре, рост рационального производства остатков.

В 1544 году в Париже открывается первый крупный приют для бедных, который берет на себя ответственность за бродяг, сумасшедших, других больных — всех тех, кто не был интегрирован в ту или иную группу и оказался вне ее в качестве остатка. Это свидетельство рождения социального. Позднее появятся знаки его расширения: органы государственного призрения в девятнадцатом и система социального обеспечения в двадцатом веках. По мере быстрого упрочения социального остатком становятся целые общности, а стало быть, — на следующем витке спирали — и упрочившееся социальное. Когда остаток достигает масштабов общества в целом, мы получаем полную социализацию. Полностью исключены и полностью взяты на иждивение, полностью разобщены и полностью социализированы абсолютно все.

В итоге символическая интеграция заменяется функциональной, и функциональные институты берут на себя ответственность за остатки символической дезинтеграции — социальная инстанция обнаруживается там, где для нее не было ни места, ни даже имени. По мере усиления такой дезинтеграции множатся, распространяются и развиваются «социальные отношения». Появляются социальные науки. Отсюда и любопытное выражение «ответственность общества перед своими обездоленными членами» — тот, кто к нему прибегает, исходит из представления, что «социальное» есть не что иное, как инстанция, выступающая следствием этой обездоленности.

232

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

Отсюда также и направленность рубрики «Общество» в «Монд»: материалы, помещаемые в ней, как это ни удивительно, посвящены только иммигрантам, преступникам, женщинам и т.д. — всему несомасштабированному, «случаю» социального, сходному со случаем патологии. Речь идет о зонах, которые должны быть втянуты в социальность, о сегментах, которые были выведены за ее пределы в ходе ее разворачивания. Обозначаемые социальным как остаточные, они подпадают тем самым под его юрисдикцию и рано или поздно обретут свое место в расширенной социальности. Именно к остатку приковано внимание социальной машины, и именно поглощение этого остатка дает социальности энергию для нового расширения. Но что происходит, когда социализировано все? Тогда машина останавливается, динамика всего процесса меняется на противоположную, и в остаток превращается вся ставшая целостной социальная система. По мере того, как социальное в своем прогрессировании поглощает все остатки, оно само оказывается остаточным. А помещая в раздел «Общество» материалы об остаточности, оно, к тому же, и именует себя остатком.

Однако чем становятся рациональность социального, контракт и социальное отношение, если последнее, вместо того чтобы выступать исходной структурой, заявляет о себе как об остатке и управлении остатками? Если социальное есть всего лишь остаток, оно уже не является местом процесса развития или позитивной истории, оно оказывается теперь только пространством нагромождений и расчетливого руководства, осуществляемого смертью. Оно больше не имеет смысла, поскольку смысл дан другому, а у социального не может быть шансов стать другим: оно представляет собой отбросы. У него нет никакой светлой перспективы, ибо остаток — это превзойденное небытие, это то, что из праха уже не возстанет. И потому политика социального — это политика мертвеца. Социальному свойственно либо заточать, либо вытеснять. Сначала, выступая под знаком продуктивного разума, оно оказалось местом великого Заключения, теперь, когда его знаком стали симуляция и разубеждение, оно превратилось в пространство не менее великого Исключения. Впрочем, это, возможно, уже и не «социальное» пространство.

233

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Именно в этом плане руководства остатками социальное и может в настоящее время обнаруживаться как таковое: в формах права, потребности, обслуживания, простой потребительской стоимости. И сегодня оно характеризуется уже не столько структурами конфликта и политики, сколько структурой приема. Над экономической сферой социального как потребительской стоимости надстраивается его экологическая сфера как ниши. Оно начинает играть роль одной из форм эквивалентного обмена индивида со средой, выступать в качестве экосистемы, гомеостаза, функциональной супербиологии человеческого рода. Это даже больше, чем структура, — это безликая питательная белковая субстанция. Оно образует некую зону безопасности, где можно укрыться от всех трудностей и обрести беззаботное существование (своего рода страхование с ответственностью за все риски взамен прежней жизни). Форма деградирующей социальности (сняющей напряженность, предохраняющей, успокаивающей и снисходительной), форма предельно низкого уровня социальной энергетики (энергетики экологического функционирования), форма энтропии — именно в таком виде предстает перед нами социальное. Это уже другой облик смерти.

[Экскурс]. Социальное,

или функциональная калькуляция остатка

Социальное занято тем, что устраняет всякий прирост богатства. Если бы дополнительное богатство было пущено в процесс перераспределения, это неизбежно разрушило бы социальный порядок и создало недопустимую ситуацию утопии.

То перемещение богатства, любого богатства, которое осуществлялось когда-то посредством жертвоприношения и которое не оставляет место аккумуляции остатка, для наших обществ также неприемлемо. Уже потому, что они «общества», а следовательно, всегда производят излишек, остаток (каким бы он ни был — демографическим, экономическим или лингвистическим), и потому, что этот остаток должен быть ликви-

234

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

дирован (ни в коем случае не принесен в жертву — это опасно: просто-напросто ликвидирован).

У социального две обязанности: производить остаток и тут же его уничтожить.

Если бы все богатство приносилось в жертву, люди утратили бы чувство реальности. Если бы все богатство оказывалось в их распоряжении, они перестали бы отличать полезное от бесполезного.

Социальное призвано следить за бесполезным потреблением остатка, с тем чтобы индивиды были готовы к полезной для них организации их жизни.

Использование и потребительная стоимость конституируют некую фундаментальную мораль. Но она существует только в симуляции нищеты и расчета. Если бы все богатство было перераспределено, оно уничтожило бы собой потребительную стоимость (то же самое со смертью: если бы смерть была перераспределена, если бы она была обращена, уничтожению подверглась бы потребительная стоимость жизни). Сразу же и со всей очевидностью стало бы ясно, что потребительная стоимость есть всего лишь основанная на меркантильной приземленности, предполагающая постоянный прагматический расчет моральная конвенция. Но она держит нас в своей власти, и потому вынести эту катастрофу перемещения богатств и перемещения смерти мы, чье сознание навсегда отравлено фантазмом потребительной стоимости, были бы не в состоянии. Нельзя, чтобы все обращалось. Необходим остаток. И социальное следит за тем, чтобы он был. До сих пор автомобиль, дом и другие «полезные вещи» так или иначе, но все же с успехом

поглощали материальные и духовные запасы индивидов. Однако предположим, что теперь между индивидами распределили все находящееся в распоряжении общества свободное богатство. Если бы это случилось, они бы в нем просто-напросто утонули. Они потеряли бы ориентацию и чувство умеренности и бережливости, утратили потребность просчитывать свои действия. Они столкнулись бы или с разбалансированными отношениями стоимости (внезапный приток валюты стремительно и до основания разрушил бы денежную систему), или же с патологическим развитием потребительной стоимости (каждый имел бы 3,4

235

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

и т.д. автомобилей), которая в этом обществе изобилия, однако, неизбежно растворилась бы в гиперреальном функционализме.

Таково свойство любого излишка — перемещаемый без всяких ограничений, он разрушает систему эквивалентности, а заодно и систему нашей духовной ориентации на эквивалентность.

Противостоять этому может только мудрость социального — стоящей на страже эквивалентного матрицы расширения и обращения богатств, среды их контролируемого расточения.

Общество, неспособное к тотальному перемещению богатства и ориентированное на потребительную стоимость, всегда опирается на своего рода ум и дальновидность института социальности и его абсурдную «объективную» расточительность. Действия, направленные на поддержание престижа страны, строительство «Конкордов», полеты на Луну, запуски баллистических ракет и спутников, даже организация общественных работ и социального обеспечения, безусловно, свидетельствуют о бессмысленных тратах. Но ум социального — это и есть глупость в пределах потребительной стоимости. Наивно не социальное — наивны разного рода социалисты и гуманисты, мечтающие о перераспределении всего богатства, исключении любых бесполезных расходов и т. п. Социалисты, борцы за потребительную стоимость, борцы за потребительную стоимость социального, демонстрируют, что социальность ими абсолютно не понята — они полагают, будто социальное может стать оптимальным коллективным управлением потребительной стоимостью людей и вещей.

Но оно никогда им не будет. Оно, вопреки надеждам социалистов, бессмысленно, неуправляемо, оно есть безответственно расходующий, разрушающий, огромный по своим размерам протуберанец оптимального управления. Однако именно поэтому оно и является функциональным, именно поэтому (что так и не усвоили идеалисты) оно в точности соответствует своему предназначению, которое состоит в том, чтобы, осуществив объективно неизбежный обходной маневр,

~23<Г

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

то есть используя расточительство, а *contrario** укрепить потребительную стоимость и сохранить основание реальности. Социальное создает ту нехватку богатства, которая необходима для различения добра и зла, в которой нуждается любая мораль, — нехватку, абсолютно неизвестную «первым обществам изобилия», описанным Маршаллом Салинзом". Это то, чего не видят социалисты: желая уничтожить недостаток благ и требуя всеобщего права пользования богатством, они тем самым устраняют социальность, хотя им кажется, что они настаивают на ее развитии.

Вопрос о смерти социального в этом плане решается просто: социальное умирает в результате распространения потребительной стоимости, которое равнозначно ее ликвидации. Когда все, включая социальное, становится потребительной стоимостью, мир оказывается инертным, и в нем происходит нечто прямо противоположное тому, о чем мечтал Маркс. Он мечтал о поглощении экономического улучшенным социальным. Мы же имеем дело с поглощением социального ухудшенной политической экономией — просто-напросто управлением.

Общество спасается именно дурным использованием богатств: со времен Мандевиля и его «Басни о пчелах»*" все осталось по-прежнему. И социализм тут не может ничего изменить. Политическая экономия была призвана устранить эту двойственность, эту далее нетерпимую для нее противоречивость социальной динамики. Но сложная функциональность социального, своего рода функциональность во второй степени, оказалась ей не по силам. И, тем не менее, эта экономия сегодня, кажется, торжествует: после того, как политическое

От противного (*лат.*).

Маршалл Салинз (род. 1930) — американский антрополог, преподает на кафедре антропологии Чикагского университета. Центральный труд — *Stone age economics* (рус. изд.: Салинз М. Экономика каменного века. — М., 1999).

Бернар де Мандевилль (1670-1733) — врач, писатель, общественный деятель эпохи Просвещения. Родился в Голландии, жил в Англии. Автор сатирических произведений о пороках современного ему общества.

237

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

исчезло, растворилось в социальном, само социальное начинает поглощаться экономическим — экономией даже еще более политической, чем ей полагалось быть, лишенной «ubris», излишества и излишка, которыми характеризовалась капиталистическая фаза. **[Конец экскурса]**

3, Социальное, безусловно, существовало, но сейчас его больше нет. Оно существовало как связанное пространство, как основание реальности. Социальное отношение, производство социальных отношений, социальное как динамическая абстракция, место конфликтов и противоречий истории, социальное как структура и как ставка, как стратегия и как идеал — все это имело смысл, все это что-то значило. Социальное никогда не было ни ловушкой, как в случае с первой гипотезой, ни остатком — как в случае со второй. Но, вместе с тем, в качестве власти, в качестве труда, в качестве капитала оно имело смысл только в пространстве перспективы рационального размещения, в пространстве, ориентированном на некую идеальную точку схождения всех линий, которое является также и пространством производства. Оно, короче говоря, имело смысл исключительно в пределах симулякров второго порядка. Сегодня оно поглощается симулякрами третьего порядка и потому умирает. Перспективному пространству социального приходит конец. Рациональная социальность договора, социальность диалектическая (распространяющаяся на государство и гражданское общество, публичное и частное, социальное и индивидуальное) уступает место социальности контакта; множества временных связей, в которые вступают миллионы молекулярных образований и частиц, удерживаемых вместе зоной неустойчивой гравитации и намагничиваемых и электризуемых пронизывающим их непрекращающимся движением. Но можно ли в данном случае по-прежнему говорить о социуме? В Лос-Анджелесе никакой социальности уже нет. И ее тем более не будут знать следующие поколения (в Лос-Анджелесе пока что живет поколение телевидения, кино, телефона и автомобиля) — поколения рассеивания, распределения индивидов как пунктов получения и передачи информации в

238

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

пространстве даже еще более размеренном, чем конвергентное: пространстве связи, соединения.

Социальное существует только в пространстве перспективы — в пространстве симуляции, которое является также и пространством разубеждения, оно умирает.

Пространство симуляции — это место смещения реального и модели. Реальное и рациональное для того, кто находится внутри данной сферы, неразличимы ни практически, ни теоретически. Строго говоря, тут нет даже и вхождения моделей в реальность (это была бы ситуация замены территории картой, представленная Борхесом*) — есть мгновенное, осуществляющееся здесь и теперь преобразование реального в модель. Происходит невероятное: реальное оказывается гиперреализованным — не реализованным, не идеализованным, а именно гиперреализованным. Гиперреализация означает его упразднение, но это упразднение не является грубой деструкцией. Оно выступает возведением реального в ранг модели. Модель упреждает, разубеждает, предусмотрительно преобразует — и тем самым всегда поглощает реальность.

Догадаться об этой тонкой, быстрой и незаметной работе модели можно лишь тогда, когда реальное начинает заявлять о себе как о чем-то более истинном, чем истина, как о чем-то слишком реальном, чтобы быть истинным. Сегодня на производство такого рода реальности, такого рода сверхреальности ориентированы все mass media и информация (вспомним многообразные интервью, прямой эфир, кино, документальное телевидение и т. п.). Они производят ее настолько много, что мы оказываемся окруженными непристойностью и порнографией. Наезд камеры на объект, по сути дела порносъемка, делает для нас реальным то, что реальностью никогда не было, что всегда имело смысл только на некотором расстоянии. Гиперреальность — это разубеждение в возможности хоть какой-то реальности.

Разубеждение, которое подавляет реальность тем, что заставляет ее постоянно разрастаться, Борхес Хорхе Луис (1899-1986) — аргентинский писатель и критик. Бодрийар имеет в виду рассказ Борхеса «Глен, Укбар, Orbis tertius».

239

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

становиться гиперочевидной и, однако, навязывать себя снова и снова. Оно делает ее предельно насыщенной и толкает к непристойности, оно упраздняет всякое различие между ней и ее репрезентацией, оно, наконец, доводит ситуацию до имплозии полюсов, между которыми циркулирует энергия реального. Реального как системы координат больше нет, оно живет жизнью модели.

Но тем самым гиперреальность устраняет и социальное. Социальное, если оно имеет место как симулякр второго порядка, в симулякрах третьего порядка производиться уже не может: подвергнутое усиленной, предельной, делающей его непристойным инсценировке, оно сразу же оказывается в невыносимом для себя положении. Признаки этой гиперреализации социального, свидетельства его чрезмерной интенсификации и предвестники завершения присутствуют повсюду: и тут и там

подчеркивают, обозначают и используют прозрачность социального отношения. История социального никогда не приведет к революции — она навсегда остановлена знаками социального и революции. Социальное никогда не подойдет к социализму — оно наткнулось на непреодолимую для себя преграду в лице гиперсоциального, гиперреальности, социального (но, может быть, это и есть социализм?). Понятие пролетариата заменяется каким-то пародийным экстенсивным дубликатом, «массой трудящихся» или просто ретроспективной симуляцией пролетариата, и пролетариату уже не суждено начать процесс «отрицания себя как такового». Политическая экономия уходит в гиперреальность экономики (характеризующуюся безмерным наращиванием производства, преобладанием производства спроса над производством товаров и бесконечной чередой кризисов) и потому уже не достигнет стадии своего диалектического преодоления, не обернется возникновением системы удовлетворения всех потребностей и оптимальной организации дела (а мы так и не сможем оценить ее достоинства и недостатки).

Отныне ничто не добирается до конца своей истории, ибо ничто не в состоянии избежать этого захвата симулякрами. И социальное умирает, так и не раскрыв нам полностью своей тайны.

240

Пусть, однако, ностальгии по социальности предаются приверженцы удивительной по своей наивности социальной и социалистической мысли. Это они умудрились объявить универсальной и возвести в ранг идеала прозрачности столь неясную и противоречивую, более того, остаточную и воображаемую, и более того, упраздняемую своей собственной симуляцией «реальность», какой является социальное.

ПРОЗРАЧНОСТЬ ЗЛА

(отрывки из книги) Перевод Л. Любарской, Е. Марковской

Коль скоро мир движется

к бредовому положению вещей,

и мы должны смещаться к бредовой точке зрения.

Лучше погибнуть от крайностей,

чем от отчаянья.

После оргии

Если бы мне надо было дать название современному положению вещей, я сказал бы, что это — состояние после оргии. Оргия — это каждый взрывной момент в современном мире, это момент освобождения в какой бы то ни было сфере. Освобождения политического и сексуального, освобождения сил производительных и разрушительных, освобождения женщины и ребенка, освобождения бессознательных желаний, освобождения искусства. И вознесения всех мистерий и антимистерий. Это была всеобъемлющая оргия материального, рационального, сексуального, критического и антикритического, оргия всего, что связано с ростом и болезнями роста. Мы прошли всеми путями производства и скрытого сверхпроизводства предметов, символов, посланий, идеологий, наслаждений. Сегодня игра окончена — все освобождено. И все мы задаем себе главный вопрос: что делать теперь, после оргии?

9 -4975 Яспере

241

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Нам остается лишь изображать оргию и освобождение, притворяться, что ускорив шаг, мы идем в том же направлении. На самом же деле мы спешим в пустоту, потому что все конечные цели освобождения остались позади, нас неотступно преследует и мучает предвосхищение всех результатов, априорное знание всех знаков, форм и желаний.

Но что же нам все-таки делать? Мы находимся в состоянии лицедейства и не способны ни на что, кроме как заново разыграть спектакль по некогда написанному в действительности или в воображении сценарию. Это состояние, когда все утопии обрели реальные очертания, и парадокс состоит в том, что мы должны продолжать жить так, как будто этого не было. Но так как утопии все же стали реальностью, мы не можем больше тешить себя надеждой, что нам еще предстоит дать им жизнь. Все, что нам остается, — тщетные притворные попытки породить какую-то жизнь помимо той, которая уже существует. Мы живем в постоянном воспроизведении идеалов, фантазмов, образов, мечтаний, которые уже присутствуют рядом с нами и которые нам, в нашей роковой безучастности, необходимо возродить снова и снова.

В сущности, всюду имела место революция, но она проходила не так, как мы себе это представляем.

Все, что высвобождалось, получало свободу для того, чтобы, выйдя на орбиту, начать вращение.

Слегка уклонившись, можно сказать, что неотвратимой конечной целью каждого освобождения является поддержание и питание сетей. Все, что освобождается, неизбежно подвергается бесконечным замещениям и, тем самым, возрастающей неопределенности и непостоянству.

Ничто (даже Бог) не исчезает более, достигнув своего конца или смерти; исчезновение происходит из-

за размножения, заражения, насыщения и прозрачности, изнурения и истребления, из-за эпидемии притворства, перехода во вторичное, притворное существование. Нет больше фатальной формы исчезновения, есть лишь частичный распад как форма рассеяния.

Ничто более не отражается в своем истинном виде ни в зеркале, ни в пропасти, которая являет собой ни что иное, как раздвоение сознания к бесконечности. Логика вирусного рас-

242

Кара ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

сеяния сетей уже не есть логика ценности или равноценности. Нет больше революции — есть лишь непрерывное вращение, закрученность спирали ценностей. Одновременно существующие центростремительная сила и удаленность всех систем от центра, внутренний метастаз и лихорадочное стремление к самоотравлению заставляют системы выйти за собственные границы, превзойти собственную логику, но не в тавтологическом смысле, а в росте могущества и фантастическом увеличении потенциала, таящего в себе их гибель.

Все зги перипетии приводят нас к истокам и предназначению ценности. Ранее, испытывая смутное желание создать классификацию ценностей, я выстроил некую трилогию: начальная стадия, когда существовали повседневные, бытовые ценности; рыночная стадия, когда ценность выступает как средство обмена; структурная стадия, когда появляется ценность-символ. Закон естественного развития — закон рынка — структурный закон ценностей. Эти различия, разумеется, носят формальный характер и немного напоминают те новые частицы, которые каждый месяц открывают физики. Одна частица отнюдь не исключает существования другой, они следуют друг за другом и дополняют одна другую в пределах некой гипотетической траектории. Теперь я хочу добавить новую частицу в этой физике микрообразов. После начальной, рыночной и структурной стадий ценности возникает стадия дробления. Начальной стадии соответствовало естественное природное состояние мира, и ценность развивалась согласно существовавшим естественным обычаям. Второй стадии соответствовала эквивалентность ценностей, и ценность развивалась согласно логике торговли. На третьей стадии появляется некий свод правил, и ценность развивается в соответствии с существующей совокупностью образов. На четвертой же стадии — стадии фрактальной, которую мы могли бы назвать также вирусной или стадией диффузии ценностей, уже не существует соответствия чему бы то ни было. Ценность распространяется во всех направлениях, без какой-либо логики, присутствуя в каждой скважине и щели. На этой стадии не существует более равноценности, присущей другим стадиям, нет больше самого закона ценности; есть лишь нечто, похожее

243

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

на эпидемию ценности, на разрастание метастазов ценности, на ее распространение и рассеяние, зависящее лишь от воли случая. Строго говоря, здесь уже не следовало бы прибегать к самому понятию ценности, поскольку такое дробление, такая цепная реакция делает невозможным какое-либо исчисление и оценку. И вновь мы сталкиваемся с ситуацией, аналогичной той, что имеет место в физике микромира: провести расчеты в терминах прекрасного или безобразного, истинного или ложного, доброго или злого так же невозможно, как вычислить одновременно скорость частицы и ее положение в пространстве. Добро не располагается более по ту сторону зла, ничто не имеет определенного положения в системе абсцисс и ординат. Каждая частица движется в направлении, заданном ее собственным импульсом, каждая ценность или часть ее лишь мгновение сверкает на небосклоне лицедейства, а затем исчезает в пустоте, перемещаясь вдоль ломаной линии, редко соприкасающейся с траекториями других ценностей. Такова схема дробления — нынешняя схема нашей культуры.

Когда вещи, знаки, действия освобождаются от своих идей и концепций, от сущности и ценности, от происхождения и предназначения, они вступают на путь бесконечного самовоспроизводства. Все сущее продолжает функционировать, тогда, как смысл существования давно исчез. Оно продолжает функционировать при полном безразличии к собственному содержанию. И парадокс в том, что такое функционирование нисколько не страдает от этого, а, напротив, становится все более совершенным. Таким образом, идея прогресса исчезла, но прогресс продолжается. Идея богатства, которая предполагает производство, исчезла, но производство как таковое осуществляется наилучшим образом. И по мере того, как исчезает первоначальное представление о его конечных целях, рост производства ускоряется. Идея исчезла и в политике, но политические деятели продолжают свои игры, оставаясь втайне совершенно равнодушными к собственным ставкам. О телевидении можно сказать, что оно абсолютно безразлично к тем образам, которые появляются на экране, и, вероятно, преспокойно продолжало бы существовать, если бы человечество вообще исчезло.

244

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

Может быть, в каждой системе, в каждом индивидууме заложено тайное стремление избавиться от идеи своего существования, от своей сущности с тем, чтобы обрести способность размножаться и экстраполировать себя во всех направлениях? Но последствия такого распада фатальны. Всякая вещь, теряющая свою сущность, подобна человеку, потерявшему свою тень: она погружается в хаос и теряется в нем.

Здесь начинается порядок, а точнее, метастатический беспорядок размножения путем простого соприкосновения, путем ракового деления, которое более не повинуется генетическому коду ценности. Тогда начинают постепенно исчезать любовные приключения — приключения существ, наделенных половыми признаками; они отступают перед предшествующей стадией существ бессмертных и бесполов, которые, подобно одноклеточным организмам, размножались путем простого деления одного и того же вещества и отклонением от существующего кода. Современные технологически оснащенные существа — машины, клоны, протезы — тяготеют именно к этому типу воспроизводства и потихоньку насаждают его среди так называемых человеческих существ, снабженных признаками пола. Все современные исследования, в особенности биологические, направлены на совершенствование этой генетической подмены, этого последовательного, линейного воспроизводства, клонирования, партеногенеза, маленьких холостых механизмов.

В эпоху сексуального освобождения провозглашался лозунг максимума сексуальности и минимума воспроизводства. Сегодня мечтой клонического общества можно было бы назвать обратное: максимум воспроизводства и как можно меньше секса. Прежде тело было метафорой души, потом — метафорой пола. Сегодня оно не сопоставляется ни с чем; оно — лишь вместилище метастазов и механического развития всех присущих им процессов, место, где реализуется программирование в бесконечность без какой-либо организации или возвышенной цели. И при этом тело настолько замыкается на себе, что становится подобным замкнутой сети или окружности.

Метафора исчезает во всех сферах. Таков один из аспектов общей транссексуальности, которая, помимо самого сек-

245

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

са, распространяется и на другие области в той мере, в какой они утрачивают свой специфический характер и вовлекаются в процесс смешения или заражения — в тот вирусный процесс неразличимости, который играет первостепенную роль во всех событиях наших дней.

Экономика, ставшая трансэкономикой, эстетика, ставшая трансэстетикой, сексуальность, ставшая транссексуальностью, — все это сливается в универсальном поперечном процессе, где никакая речь не сможет более быть метафорой другой речи, потому что для существования метафоры необходимо существование дифференцированного поля и различимых предметов. Но заражение всех дисциплин кладет конец такой возможности. Полная вирусная метонимия по определению (или, скорее, по отсутствию определения).

Тема вируса не представляет собой перемещения биологического поля, ибо все одновременно и в равной степени затронуто вирулентностью, цепной реакцией, случайным и бессмысленным размножением, метастазированием. И может быть, отсюда и наша меланхолия, так как прежде метафора была такой эстетичной, так играла на различиях и иллюзии различий. Сегодня метонимия (замена целого и простых элементов, общая коммутация слов) строится на крушении метафоры.

Взаимное заражение всех категорий, замена одной сферы другой, смешение жанров... Так, секс теперь присутствует не в сексе как таковом, но за его пределами, политика не сосредоточена более в политике, она затрагивает все сферы: экономику, науку, искусство, спорт... И спорт уже вышел за рамки спорта — он в бизнесе, в сексе, в политике, в общем стиле достижений. Все затронуто спортивным коэффициентом превосходства, усилия, рекорда, инфантильного самопреодоления. Каждая категория, таким образом, совершает фазовый переход, при котором ее сущность разжижается в растворе системы до гомеопатических, а затем до микроскопических доз — вплоть до полного исчезновения, оставляя лишь неуловимый след, словно на поверхности воды.

Таким образом, СПИД связан скорее не с избытком секса и наслаждения, а с сексуальной декомпенсацией, вызванной об-

246

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

щим просачиванием секса во все области жизни, с этим распределением секса по всем тривиальным вариантам сексуальной инкарнации. Когда секс присутствует во всем, теряется иммунитет, стираются половые различия и тем самым исчезает сама сексуальность. Именно в этом преломлении принципа сексуальной реальности на фрактальном, нечеловеческом уровне возникает хаос эпидемии.

Может быть, мы еще сохраним память о сексе, подобно тому, как вода хранит память о разжиженных молекулах, но, строго говоря, это будет лишь молекулярная, корпускулярная память о прошлой жизни. Это не память о формах и особенностях — о чертах лица, цвете глаз, — ведь вода не может помнить

формы. Таким образом, мы храним отпечаток безличной сексуальности, разведенной в бульоне политической и информационной культуры и, в конечном итоге, в вирусном неистовстве СПИДа. Закон, который нам навязан, есть закон смещения жанров. Все сексуально, все политично, все эстетично. Все одновременно принимает политический смысл, особенно с 1968 года: и повседневная жизнь, и безумие, и язык, и средства массовой информации, и желания приобретают политический характер по мере того, как они входят в сферу освобождения и коллективных, массовых процессов. В то же время все становится сексуальным, все являет собой объект желания: власть, знания — все истолковывается в терминах фантазмов и отталкивания; сексуальный стереотип проник повсюду. И одновременно все становится эстетичным: политика превращается в спектакль, секс — в рекламу и порнографию, комплекс мероприятий — в то, что принято называть культурой, вид се-миологизации средств массовой информации и рекламы, который охватывает все — до степени ксерокса культуры. Каждая категория склонна к своей наибольшей степени обобщения, сразу теряя при этом всю свою специфику и растворяясь во всех других категориях. Когда политично все, ничто больше не политично, само это слово теряет смысл. Когда сексуально все, ничто больше не сексуально, и понятие секса невозможно определить. Когда эстетично все, ничто более не является ни прекрасным, ни безобразным, даже искусство исчезает. Это

247

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

парадоксальное состояние вещей, которое является одновременно и полным осуществлением идеи, это совершенство современного прогресса, и его отрицание, ликвидация посредством переизбытка, расширения за собственные пределы можно охарактеризовать одним образным выражением: трансполитика, транссексуальность, трансэкономика.

* * #

Нет больше ни политического, ни художественного авангарда, который был бы способен предвосхищать и критиковать во имя желания, во имя перемен, во имя освобождения форм. Это революционное движение завершено. Прославленное движение современности привело не к трансмутации всех ценностей, как мы мечтали, но к рассеиванию и запутанности ценностей. Результатом всего этого стала полная неопределенность и невозможность вновь овладеть принципами эстетического, сексуального и политического определения вещей.

Пролетариату не удалось опровергнуть самого себя в качестве такового — это доказала полуторавековая история со времен Маркса. Ему удалось опровергнуть себя в качестве класса и тем самым упразднить классовое общество. Возможно дело в том, что он и не был классом, как это считалось, — только буржуазия была подлинным классом, и, следовательно, только она и могла опровергнуть самое себя, что она с успехом и сделала, заодно уничтожив капитал и породив бесклассовое общество. Но это общество не имеет ничего общего с тем, которое должно было быть создано в результате революции и отрицания пролетариата как такового. Сам пролетариат просто рассеялся вместе с классовой борьбой. Несомненно, если бы капитал развивался согласно своей противоречивой логике, он был бы уничтожен пролетариатом. Анализ Маркса остается абсолютно безупречным. Он просто не предвидел, что перед лицом неминуемой угрозы капитал может в какой-то мере трансполитизироваться, переместиться на другую орбиту — за пределы производственных отношений и политических антагонизмов, автономизироваться в виде случайной, оборотной и экстатической формы, и при этом предста-

248

Кара ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

вить весь мир во всем его многообразии по своему образу и подобию. Капитал (если его еще можно так называть) создал тупик в политической экономии и в законе стоимости: именно на этом направлении ему и удастся избежать собственного конца. Отныне он действует вне своих собственных конечных целей и совершенно изолированно. Первым проявлением этой мутации стал, безусловно, кризис 1929 года; крах 1987 года — лишь последующий эпизод того же процесса.

В революционной теории есть также живое утопическое представление о том, что государство исчезнет, что политическое как таковое изживет себя в апофеозе и прозрачности социального. Ничего подобного не произошло. Политическое благополучно исчезло, но не возвысившись до социального, а увлекая его в своем исчезновении за собой. Мы обитаем в трансполитическом, иначе говоря, на нулевой отметке политического, характерной также и для его воспроизведения и бесконечной симуляции. Ибо все, что не выходит за свои пределы, имеет право на бесконечное возвращение к жизни. Поэтому политическое никогда не перестанет исчезать, но и не позволит ничему иному занять его место. Мы присутствуем при гистерезисе политического.

Искусство также не смогло, в соответствии с современной эстетической утопией, возвыситься в качестве идеальной формы жизни (прежде искусству не было надобности выходить за свои пределы,

чтобы достичь целостности, ибо так> вая уже существовала — религиозная целостность). Искусство растворилось не в возвышенной идеализации, а в общей эстетизации повседневной жизни, оно исчезло, уступив место чистой циркуляции образов, в трансэстетике банальности. В этих перипетиях искусство даже обогнало капигал. Если решающим политическим событием стал стратегический кризис 1929 года, в результате которого капитал вошел в политическую эру масс, то критическим событием в искусстве были, без сомнения, дадаизм и Дюшамп, когда искусство, отвергая свои собственные правила эстетической игры, входит в трансэстетическую эру банальности образов. Не реализовалась и сексуальная утопия, согласно которой секс должен был опровергнуть себя как обособленный вид де-

249

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ятельности и уподобиться всей жизни — мечта сексуального освобождения: полнота желания и его реализации у каждого из нас, и у мужчины, и у женщины одновременно, та сексуальность, о которой мечтают, успение желания независимо отполз.

Но на пути сексуального освобождения сексуальность достигла лишь автономизации, уподобившись безучастному кругообороту символов секса. Если мы действительно находимся на пути, ведущем к транссексуальности, это не поможет нам изменить жизнь посредством секса, а повлечет за собой смешение и скученность, которые ведут к виртуальной индифферентности пола.

Не является ли успех коммуникации и информатизации результатом того, что социальные отношения не могут выйти за свои пределы, будучи отчужденными? За неимением этого они возрастают в процессе коммуникации, множатся во всем многообразии сетей, натываясь на их безразличие.

Коммуникация предстает перед нами, как нечто наиболее социальное, это — сверхотношения, социальность, приводимая в движение техникой социального. Социальное же по своей сути есть нечто иное. Это была мечта, миф, утопия, форма, которой присущи конфликты, противоречия, страстность, во всяком случае явление неровное и особенное. Коммуникация же, упрощая «интерфейс», ведет социальную форму к безразличию. Вот почему не существует утопии коммуникации. Утопия коммуникационного общества лишена смысла, потому что коммуникация является результатом неспособности общества преодолеть свои границы и устремиться к иным целям. Это относится и к информации: избыток знаний безразлично рассеивается по поверхности во всех направлениях, при этом происходит лишь замена одного слова другим. Интерфейс подключает собеседников друг к другу, как штекер к электрической розетке. Коммуникация осуществляется путем единого мгновенного цикла, и для того, чтобы все шло хорошо, необходим темп — времени для тишины не остается. Тишина изгнана с экранов, изгнана из коммуникации. Изображения, поставляемые средствами массовой информации (а тексты подобны изображениям), никогда не умолкают: изображения

250

Кара ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

сообщений должны следовать друг за другом без перерыва. Молчание — разрыв замкнутой линии, легкая катастрофа, оплошность, которая по телевидению, например, становится весьма показательной, ибо это — нарушение, полное и тревоги, и ликования, подтверждающее, что любая коммуникация, по сути, есть лишь принудительный сценарий, непрерывная фикция, избавляющая нас от пустоты — и не только от пустоты экрана, но и от пустоты нашего умственного экрана, на котором мы с не меньшим вождением ждем изображения. Образ сидящего человека, созерцающего в день забастовки пустой экран своего телевизора, когда-нибудь сочтут одним из самых великолепных образов антропологии XX века.

Трансэстетика

Мы видим, что искусство повсеместно размножается, а разговоры о нем множатся еще быстрее. В то же время само искусство, с присущей ему гениальностью, авантюристичностью, способностью порождать иллюзии и отрицать реальность, противопоставляя ей сцену, на которой вещи подчиняются правилам высшей игры, совершенное изображение, где люди, уподобляясь линиям и краскам на полотне, могут терять свое реальное содержание, ускорять свой собственный конец и в порыве соблазна воссоединяться со своей идеальной формой, будь то даже форма их собственного уничтожения, — это искусство исчезло. Исчезло искусство в смысле символического соглашения, отличающего его от чистого и простого производства эстетических ценностей, известного нам под именем культуры — бесконечного распространения знаков, рециркуляции прошлых и современных форм. Нет больше ни основного правила, ни критерия суждения, ни наслаждения. Сегодня в области эстетики уже не существует Бога, способного распознать своих подданных. Или, следуя другой метафоре, нет золотого стандарта ни для эстетических суждений, ни для наслаждений. Это — как валюта, которая отныне не подлежит обмену, курс которой не может колебаться по собственному усмотрению, избегая конверсии в цене или реальной стоимости.

251

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

То же происходит с нами и в искусстве: стадия сверхскоростной циркуляции и невозможности обмена. Произведения искусства более не подлежат обмену ни одно на другое, ни на какие-либо равные ценности. Они не обладают той тайной сопричастности, которая составляет силу культуры. Мы их уже не читаем, а лишь расшифровываем — по все более противоречивым «ключам».

Здесь нет противоречия. Новая геометрия, новая экспрессия, новая абстракция, новые формы — все это великолепно сосуществует во всеобщей индифферентности. Именно потому, что все эти тенденции не обладают более собственной гениальностью, они могут сосуществовать в одном и том же культурном пространстве. Именно потому, что все они вызывают у нас чувство глубокого безразличия, мы можем воспринимать их одновременно.

Артистический мир представляет собой странную картину. Будто имеет место застой искусства и вдохновения. Будто бы то, что веками чудесным образом развивалось, внезапно стало неподвижным, ошеломленным собственным изображением и собственным изобилием. За любым конвульсивным движением современного искусства стоит некий вид инерции, нечто, не могущее выйти за свои пределы и вращающееся вокруг своей оси, со все большей и большей скоростью повторяя одни и те же движения. Застой живой формы искусства — и одновременно размножение, беспорядочная инфляция ценности, многочисленные вариации всех предшествовавших форм (словно движения чего-то уже мертвого). И это вполне логично: где застой, там и метастазы. Там, где живая форма больше не распоряжается собой, где перестают действовать правила генетической игры (как в случае рака), клетки начинают беспорядочно размножаться. По существу в том хаосе, который ныне царит в искусстве, можно прочесть нарушение тайного кода эстетики, подобно тому, как в беспорядке биологического характера можно прочесть нарушение кода генетического.

252

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

Пройдя через освобождение форм, линий, цвета и эстетических понятий, через смешение всех культур и всех стилей, наше общество достигло всеобщей эстетизации, выдвижения всех форм культуры (не забыв при этом и формы антикультуры), вознесения всех способов воспроизведения и антиспроизведения. Если раньше искусство было, в сущности, лишь утопией, или, иначе говоря, чем-то, ускользающим от любого воплощения, то сегодня эта утопия получила реальное воплощение: благодаря средствам массовой информации, теории информации, видео — все стали потенциальными творцами. Даже антиискусство — наиболее радикальная из всех артистических утопий — обрело свои очертания с тех пор, как Дюшамп изобразил ерш для мытья бутылок, а Энди Вархоль пожелал стать машиной. Все индустриальное машиностроение в мире оказалось эстетизированным; все ничтожество мира оказалось преобразенным эстетикой.

Говорят, что великое начинание Запада — это стремление сделать мир меркантильным, поставить все в зависимость от судьбы товара. Но эта затея заключалась скорее в эстетизации мира, в превращении его в космополитическое пространство, в совокупность изображений, в семиотическое образование.

Помимо рыночного материализма, мы наблюдаем сегодня, как каждая вещь посредством рекламы, средств массовой информации и изображений приобретает свой символ. Даже самое банальное и непристойное — и то рядится в эстетику, облачается в культуру и стремится стать достойным музея. Все заявляет о себе, все самовыражается, набирает силу и обретает собственный знак. Система скорее функционирует за счет эстетической прибавочной стоимости знака, нежели за счет прибавочной стоимости товара.

Идут разговоры о дематериализации искусства и вместе с тем о минимальном искусстве, о концептуальном искусстве, об эфемерном искусстве, об антиискусстве, о целой эстетике прозрачности, исчезновения, дезинкарнации, но в действительности эта эстетика повсюду обретает свое материальное воплощение в операционной форме. Впрочем, именно поэтому искусство вынуждено уменьшаться, изображая собственное исчезновение. И оно совершает это уже в течение века,

253

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

следуя всем правилам игры. Как все исчезающие формы, искусство пытается возрасти посредством симуляции, но вскоре оно окончательно прекратит свое существование, уступив место гигантскому искусственному музею искусств и разнузданной рекламе.

Головокружительные эклектические формы и забавы были присущи уже барокко. Но головокружение от искусства — это головокружение чувственное. Как и приверженцы стиля барокко, мы являемся неутомимыми создателями образов, но в тайне все-таки остаемся иконоборцами. Но не теми, кто разрушает образы, а теми, кто создает изобилие образов, ничего в себе не несущих. Большинство современных зрелищ, видео, живопись, пластические искусства, аудиовизуальные средства,

синтезированные образы — все это представляет собой изображения, на которых буквально невозможно увидеть что-либо. Все они лишены теней, следов, последствий. Все, что мы можем почувствовать, глядя на любое из этих изображений, — это исчезновение чего-то, прежде существовавшего. В них и нет ничего иного, кроме следов того, что исчезло. Все, что очаровывает в картине, выполненной в одном цвете, — это восхитительное отсутствие всякой формы. Это стирание всякого эстетического синтаксиса, происходящее еще под видом искусства, завораживает так же, как совершающееся еще на уровне представления стирание половых различий в транссексуальности. Эти изображения ничего не скрывают и ничего не показывают, в них присутствует какая-то отрицательная напряженность. Одно из огромных преимуществ ящика Кэмпбелла Энди Вархоля* в том, что не надо больше задаваться вопросом о красоте или безобразии, о реальном или вымышленном, о превосходстве или несовершенстве, подобно тому, как византийские иконы позволяли не задаваться больше вопросом о существовании Бога, но люди при этом не переставали верить в Него. Энди Вархоль (Уорхол) (1927-1987) — знаменитый американский художник-авангардист, писатель, режиссер. Один из создателей направления поп-арта в искусстве.

254

Кара ЯСПЕРС, Жан БОДРИНАР

Это и есть чудо. Наши образы похожи на иконы: они позволяют нам продолжать верить в искусство, избегая при этом вопроса о его существовании. Таким образом, быть может, следует рассматривать все наше современное искусство как ритуал, придавая значение лишь его антропологической функции и не высказывая никаких суждений эстетического характера. Вероятно, мы вернулись к культурному уровню первобытного общества (умозрительный фетишизм рынка искусства сам является частью ритуала призрачности искусства).

Мы оказались в окружении то ли ультраэстетики, то ли инфраэстетики. Бесплезно искать в нашем искусстве какую-либо связность или эстетическое предназначение. Это было бы подобно стремлению отыскать небесную голубизну среди инфракрасного или ультрафиолетового.

В этом смысле мы, не будучи ни среди прекрасного, ни среди безобразного и не имея возможности судить ни о том, ни о другом, обречены на безразличие. Но по ту сторону этого безразличия возникает, подменяя собой эстетическое наслаждение, ослепление иного рода. Раз и навсегда освобожденные от своих взаимных оков, красота и уродство как бы разрастаются, становясь более красивым, чем сама красота, или более уродливым, чем само уродство. Таким образом, современная живопись, строго говоря, культивирует не уродство (которое еще обладает эстетической ценностью), а нечто еще более безобразное, чем просто уродство, — кич, уродство в квадрате, ибо оно никак не соотносено со своей противоположностью.

Если вы не ощущаете воздействия от подлинного Мондри-ана, вы вольны творить в манере, более характерной для него, чем он сам. Не имея ничего общего с простодушными людьми, вы можете прикинуться наивнейшим простачком. Освободившись от реального, вы способны создать нечто большее, чем реальность, — сверхреальность. Именно с суперреализма и поп-искусства все и началось — когда обыденную жизнь начали возвышать до уровня иронического могущества фотографического реализма. Сегодня эта эскалация объединяет абсолютно все формы искусства и все стили, которые входят в трансэстетическую сферу симуляции.

255

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

На самом рынке искусства имеется параллель этой эскалации. Здесь тоже, коль скоро больше не существует рыночного закона стоимости, все становится дороже, чем самое дорогое, дорогим вдвойне: цены чрезвычайно высоки, инфляция беспредельна. Точно так же, как при отсутствии правил эстетической игры, игра эта начинает полыхать во всех направлениях, так и при утрате связи с законом товарообмена, рынок начинает трясти от безудержной спекуляции.

Та же горячность, то же безумие, тот же эксцесс. Рекламная вспышка искусства напрямую связана с невозможностью какой-либо эстетической оценки. Стоимость растет тогда, когда отсутствует суждение о ней. Мы присутствуем при экстазе ценности.

На сегодняшний день существуют два рынка искусства. Один пока еще регулируется иерархией ценностей, даже если эти ценности уже имеют спекулятивный характер. Другой же устроен по образцу неконтролируемого оборотного капитала финансового рынка: это — спекуляция, всеобщая ленная зависимость, которая, кажется, не имеет иной цели, кроме как бросить вызов закону стоимости. Этот рынок искусства более походит на покер или на потлач — на научно-фантастический сюжет в гиперпространстве ценностей. Надо ли этим возмущаться? В этом нет ничего аморального. Как современное искусство находится по ту сторону красоты и безобразия, так и рынок существует по ту сторону добра и зла.

Транссексуальность

В наши дни тело, имеющее половые признаки, предоставлено своего рода искусственной судьбе. Эта искусственная судьба — транссексуальность. Транссексуальность не в анатомическом, а в более общем смысле. Речь идет о маскарade, об игре, построенной на коммутации признаков пола, на половом безразличии в противовес той, прежней игре, что основывалась на половых различиях, об индифферентности

256

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

сексуальных полюсов и равнодушии к сексу как источнику наслаждения. Сексуальность связана с наслаждением (это — лейтмотив освобождения), транссексуальность — с искусственностью, будь то уловки, направленные на изменение пола, или присущая трансвеститу игра знаков, относящихся к одежде, морфологии, жестам. Во всех случаях — имеет ли место операция хирургическая или полухирургическая, подлежит ли замене орган или знак — речь идет о протезировании, и сегодня, когда предназначение тела состоит в том, чтобы стать протезом, вполне логично, что моделью сексуальности становится транссексуальность, и именно она станет повсюду пунктом обольщения. Все мы транссексуалы. Мы такие же потенциальные транссексуалы, как и биологические мутанты. И это не вопрос биологии — мы транссексуалы в смысле символики.

Взгляните на Чичиолину. Есть ли на свете более великолепное воплощение секса, порнографической невинности секса? Ее антипод — Мадонна, этот девственный плод аэробики и ледяной эстетики, лишенный всякого шарма и всякой чувственности, мускулистое человекообразное существо. Потому-то и смогли создать из нее синтетического идола. Но сама Чичиолина — разве она не транссексуальна? Длинные волосы серебристого цвета, литые груди в форме ложек, идеальные формы надувной куклы, вульгарный эротизм комиксов или научно-фантастических фильмов, и, в особенности, — постоянные разговоры на сексуальные темы, которые, впрочем, никогда не носят извращенного или разнuzданного характера, дозволенные отклонения; словом — идеальная женщина, сидящая перед розовым телефоном, в сочетании с плотоядной эротической идеологией, которую, вероятно, не приписала бы себе ни одна женщина, кроме, конечно, транссексуалки, трансвестита: только они, как известно, живут преувеличенными символами — плотоядными символами сексуальности. Чувственная эктоплазма, каковую являет собой Чичиолина, соединяется здесь с искусственным нитроглицерином Мадонны или с очарованием Майкла Джексона — этого гермафродита в стиле Франкенштейна. Все они мутанты, трансвеститы, генетически вычурные су-

257

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

щества. Все они — игроки от пола, перебежчики из одного пола в другой.

Посмотрите на Майкла Джексона. Он одинокий мутант, предшественник всеобщего и потому величественного смещения рас, представитель новой расы. Перед сегодняшними детьми нет никаких преград на пути к обществу смешанных рас: оно — их Вселенная, а Майкл Джексон предвосхищает то, что они представляют себе как идеальное будущее. К этому надо добавить, что Майкл Джексон и переделал свое лицо, и взбил волосы, и осветлил кожу — короче, он самым тщательным образом создал сам себя. Это превратило его в невинное, чистое дитя, в искусственный, сказочный двуполый персонаж, который скорее, чем Христос, способен воцариться в мире и примирить его, потому что он ценнее, чем дитя-бог: это дитя-протез, эмбрион всех мыслимых форм мутации, которые, вероятно, освободят нас от принадлежности к определенной расе и полу.

Можно было бы также говорить и о трансвеститах от эстетики, символическим представителем которых выступает Энди Вархоль. Как и Майкл Джексон, Энди Вархоль — одинокий мутант, предшественник великолепного универсального смещения искусств, формирования новой эстетики, вбирающей в себя все существующие виды эстетики. Как и Джексон, он — совершенно искусственный персонаж, столь же невинный и чистый гермафродит нового поколения, вариант мистического протеза и искусственной машины, которая своим совершенством освобождает нас одновременно и от пола, и от эстетики. Когда Энди говорит: «Все произведения прекрасны, мне нет надобности выбирать, ибо все современные произведения стоят друг друга»; когда он говорит:

«Искусство повсюду, и тем самым оно больше не существует; весь мир гениален, мир такой, какой он есть, гениален даже в своей простоте» — никто не может в это поверить. Но он тем самым представляет конфигурацию современной эстетики, которая являет собой радикальный агностицизм.

Все мы агностики или трансвеститы от искусства или секса. У нас нет больше ни эстетических, ни сексуальных убеждений. Мы исповедуем все убеждения без исключения.

258

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

Миф о сексуальной свободе остается живым в многочисленных формах в реальном мире, а в воображении доминирует именно транссексуальный миф с присущими ему двуполыми и

гермафродитическими вариантами. После оргии наступает время маскарада, после желания появляется все то, что уподобляется эротическому, хаос и транссексуальный беспредел (кич) во всей своей славе. Постмодернистская порнография, если можно так выразиться, где сексуальность теряется в театральных излишествах своей двусмысленности. Вещи очень изменились с тех пор, как секс и политика составляли часть одного и того же разрушительного плана: если Чичиолина может быть сегодня избрана депутатом итальянского парламента, то именно потому, что транссексуальность и трансполитика объединяются в одном и том же ироничном безразличии. Такой результат — немислимый всего несколько лет назад — свидетельствует о том, что не только сексуальная, но и политическая культура перешла на сторону маскарада.

Эта стратегия изгнания телесного посредством символов секса, изгнание желания посредством его преувеличенных демонстраций является более эффективной, чем стратегия доброго старого подавления путем запрета. Однако в отличие от стратегии запрета стратегию изгнания испытывают на себе все без исключения; становится непонятным, кто же в конце концов от нее выигрывает. Образ жизни трансвестита стал самой основой наших действий, даже тех, что направлены на поиск подлинности и различий. У нас нет больше времени искать свою тождественность ни в архивах, ни в памяти, HF в каких-либо планах или в будущем. Нам нужна мгновенная память, быстрое ветвление, нечто вроде рекламной тождественности, которая может подтвердиться в любой момент. Таким образом, сегодня мы стремимся не столько к здоровью, которое представляет собой состояние органического равновесия, сколько к эфемерному, гигиеническому, рекламному ореолу тела, что есть совершенство гораздо большее, нежели просто идеальное состояние. Что же касается моды и внешнего вида, мы жаждем отнюдь не красоты или обольстительности, мы жаждем обличья.

Каждый ищет свое обличье. Так как более невозможно постичь смысл собственного существования, остается

259

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

лишь выставлять напоказ свою наружность, не заботясь ни о том, чтобы быть увиденным, ни даже о том, чтобы быть. Человек не говорит себе: я существую, я здесь, но: я видим, я — изображение, смотрите же, смотрите! Это даже не самолюбование, это — поверхностная общительность, разновидность рекламного простодушия, где каждый становится импресарио своего собственного облика. Облик есть некая разновидность минимального изображения минимальной четкости — нечто подобное видеоизображению, разновидность осязаемого изображения, как сказал бы Мак-Люэн, не вызывающего ни взгляда, ни восхищения, как это происходит с модой, но чисто специфический эффект без особой значимости. Облик — это уже не мода, это ушедшая разновидность моды. Это нечто, не претендующее даже на логику различий, не являющееся более игрой различий, но лишь пытающееся играть в различия, не веря в саму эту возможность. Это — безразличие, отсутствие различий. Быть самим собой становится эфемерным достижением, не имеющим будущего, маньеризмом, терпящим разочарование в этом мире, где отсутствуют манеры.

В ретроспективе этот триумф транссексуальности и маскарада бросает странный свет на сексуальное освобождение предшествующих поколений. Не будучи вторжением максимальной эротической ценности тела, это освобождение с присущим ему привилегированным успехом женственности и наслаждения, было, быть может, лишь промежуточной стадией на пути к смешению полов.

Сексуальная революция была, видимо, лишь этапом на пути к транссексуальности-. В сущности, в этом — проблематичное предназначение любой революции.

Кибернетическая революция подводит человека, оказавшегося перед лицом равновесия между мозгом и компьютером, к решающему вопросу: человек я или машина? Происходящая в наши дни генетическая революция подводит человека к вопросу: человек я или виртуальный клон? Сексуальная революция, освобождая все виртуальные аспекты желания, ведет к основному вопросу: мужчина я или женщина? (Психоанализ,

260

Каря ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

по меньшей мере, положил начало этой неуверенности.) Что же касается политической и социальной революции, послужившей прототипом для всех других, она, предоставив человеку право на свободу и собственную волю, с беспощадной логикой заставила его спросить себя, в чем же состоит его собственная воля, чего он хочет на самом деле и чего он вправе ждать от самого себя. Поистине неразрешимая проблема. Таков парадоксальный итог любой революции: вместе с ней приходят неопределенность, тревога и путаница. По окончании оргии освобождение поставило весь мир перед проблемой поиска своей родовой и половой идентичности, оставляя все меньше и меньше возможных ответов, если учесть циркуляцию знаков и множественность желаний. Именно таким образом мы стали транссексуалами. Точно также мы стали трансполитиками, т.е. существами, не различающими ничего и

не различимыми ни в чем, что касается политики, дипольными гермафродитами, взяв при этом на вооружение, тщательно обдумав и, в конце концов, отбросив наиболее противоречивые идеологии, нося отныне только маску и сделавшись, может быть, сами того не желая, трансвеститами от политики.

Трансэкономика

Весьма любопытной чертой, связанной с крахом на Уоллстрит в 1987 году, является неуверенность в том, имела ли на самом деле место настоящая катастрофа и ожидается ли таковая в будущем. Правильный ответ — нет, реальной катастрофы не будет, потому что мы живем под знаком катастрофы виртуальной.

В этом контексте красноречиво проявляется несоответствие между фиктивной экономикой и экономикой реальной. Именно этот диссонанс и защищает нас от реальной катастрофы производительной экономики.

Хорошо это или плохо? Это то же самое, что несоизмеримость между орбитальной войной и территориальными войнами. Последние продолжаются повсеместно, но ядерная война при этом не разражается. Однако если бы не эта несоиз-

261

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

меримость, ядерный конфликт уже давно бы произошел. Мы живем под бомбами, которые не взрываются, и виртуальными катастрофами, которые не разражаются. Это и международный биржевой и финансовый крах, и ядерное столкновение, и бомба долгов стран Третьего мира, и демографическая бомба. Можно, конечно, предсказать, что в один прекрасный день все это неминуемо взорвется, как предсказывают сейсмическое сползание Калифорнии в Тихий океан в ближайшие 50 лет. Но факты говорят о том, что мы находимся в таком положении, когда взрыва не происходит. Единственная реальность — это безудержный орбитальный кругооборот капитала, который, если и завершится обвалом, не повлечет за собой существенного нарушения равновесия в реальной экономике (в отличие от кризиса 1929 года, когда противоречия между двумя экономиками еще не были столь значительными). Без сомнения, так происходит потому, что сфера спекулятивных оборотных капиталов уже настолько автономна, что сами ее конвульсии не оставляют никаких следов.

Они, однако, оставляют убийственный след в экономической науке, совершенно безоружной перед лицом этого взрыва своего объекта. Так же безоружны и теоретики войны. Ибо на войне бомба тоже не взрывается, а сама война подразделяется на всеобщую виртуальную войну на космической орбите и многочисленные реальные войны на земле. У этих двух разновидностей войны разный масштаб и разные правила; то же самое можно сказать и об экономике виртуальной и экономике реальной. Нам надо привыкнуть к этому разделению... Конечно же, был кризис 1929 года, был и атомный взрыв в Хиросиме — моменты настоящего краха и столкновения, но ни капитал не переходил из кризиса в кризис все большей глубины, как того хотелось Марксу, ни война — от столкновения к столкновению. Событие происходит единожды, и на этом — все. Продолжение — уже нечто совсем другое: гиперреализация и крупного финансового капитала, и средств массового уничтожения — все это находится у нас над головами, в векторном пространстве, ускользающем не только от нас, но и от самой реальности; гиперреализованные войны и деньги вращаются

262

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

в недоступном пространстве, которое оставляет мир таким, какой он есть. В конечном итоге, экономика продолжает производить, в то время как малейшего логического следствия из колебаний фиктивной экономики было бы достаточно, чтобы ее уничтожить (не забудем, что объем товарообмена сегодня в 45 раз уступает объему перелива капитала). Мир продолжает существовать при том, что высвобождения тысячной доли ядерной мощи хватило бы на то, чтобы его уничтожить. Третий мир, как и два других, выживает, тогда как достаточно было бы малейшей робкой попытки взыскать с него долги, чтобы прекратились все поставки. Впрочем, долг начинает приобретать орбитальный, циклический характер, перемещаясь по кругу из одного банка в другой, из одной страны в другую — ту, которая вновь обретает его, так что в конце концов о нем благополучно забудут, выведут на орбиту, как атомные отходы и многое другое, и он, долг, будет великолепно на этой орбите крутиться. Эти отсутствующие оборотные капиталы и это негативное богатство в какой-то момент, несомненно, начнут котироваться на бирже.

Когда долг становится слишком обременительным, его взрывают в виртуальном пространстве, где он выступает в роли катастрофы, замороженной на своей орбите. Долг становится спутником Земли, подобно тому, как миллиарды свободного капитала превратились в груды — спутник, неустанно вращающийся вокруг нас. И, без сомнения, это к лучшему. Пока они вращаются, пусть даже взрываясь в своем пространстве (как это было с миллиардами, потерянными во время краха 1987 года), мир остается неизменным, а это лучшее, на что можно надеяться. Потому что надежда примирить

фиктивную экономику с реальной утопична: эти свободно обращающиеся миллиарды долларов невозможно переместить в реальную экономику, что, впрочем, является большой удачей, ибо если бы каким-то чудом они оказались вложены в производство, это стало бы настоящей катастрофой. Оставим и виртуальную войну на ее орбите, ибо именно там она нас защищает: благодаря своей крайней абстрактности и чудовищной эксцентричности, ядерное оружие оказывается нашей лучшей защитой. И мы привыкаем жить в тени таких наростов, как орбитальная

263

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

бомба, финансовая спекуляция, мировой долг, перенаселение (для которого пока не найдено орбитального решения, но надежда не потеряна). В том виде, как они есть, они изгоняются в своем избытке, даже в своей гиперреальности и оставляют мир в какой-то мере невредимым, освобожденным от своего двойника.

Сегален* говорил, что, начиная с того момента, когда действительно узнали, что Земля — сфера, путешествие перестало существовать, потому что удаляться от какой-либо точки сферы означает к этой же точке приближаться. На сфере линейность приобретает странную кривизну, кривизну однообразия. С тех пор, как астронавты начали вращаться вокруг Земли, каждый стал тайком вращаться вокруг самого себя. Началась орбитальная эра, [квинтэссенцию] которой великолепным образом составляет телевидение и многое другое, подобно тому, как круговорот молекул и спиралей ДНК составляет тайну наших клеток. С началом первых орбитальных космических полетов завершилось освоение мира, но сам прогресс стал круговым, а человеческая вселенная превратилась в огромную орбитальную станцию. Как сказал Сегален, начинается «туризм» — нескончаемый туризм людей, которые, строго говоря, не путешествуют, а двигаются по кругу в замкнутом пространстве.

Экзотика умерла. Тезис Сегалена приобретает более широкий смысл. Перестает существовать не только путешествие, т.е. постижение Земли, но и физика и метафизика поступательного движения; от них остается лишь циркуляция, а все то, что предназначалось для возвышения, превосходства, устремления в бесконечность — знание, техника, сознание —; искусно отклоняется, дабы выйти на орбиту. Переставая быть совершенными в своих замыслах, эти области начинают создавать для себя постоянную орбиту. Таким образом, и информация орбитальна: это знание, которое никогда больше не превзойдет само себя, не отразится в бесконечности, но и не коснется земли, ибо не имеет на ней надежной пристани, где можно

Сегален Виктор (1878-1919) — французский писатель, этнограф, путешественник.

264

Карл ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

бросить якорь. Все это движется, вращается, совершая порой совершенно бесполезные обороты (но вопрос о полезности более не стоит), и разрастается с каждым оборотом, с каждым витком спирали. Телевидение — это изображение, которое больше ни о чем не помышляет и которое не имеет больше ничего общего с реальностью. Это — круговая орбита. Атомная бомба — будь она спутником или нет — также явление орбитальное: она не перестанет преследовать Землю, оставаясь на своей траектории, но она не создана и для того, чтобы поразить Землю: она не есть завершенная бомба; эта бомба не окончит своего существования (по крайней мере, на это надеются); она там, на орбите, и этого вполне достаточно для терроризирования, по крайней мере, для устрашения.

Она не заставляет даже думать об ужасах разрушения, поскольку само разрушение представляется невероятным; она просто находится там, на орбите, в подвешенном состоянии и бесконечном повторении. То же самое можно сказать о евродолларах и об обращающихся денежных массах... Все становится спутником; похоже и сам наш мозг уже вне нас, он витает вокруг в бесчисленных ветвлениях круговых электромагнитных волн.

И это не из области научной фантастики. Это просто обобщение теории Мак-Люэна* о «развитии человека». Все, что есть в человеческом существе — его биологическая, мускульная[^] мозговая субстанция, — витает вокруг него в форме механических или информационных протезов. Просто у Мак-Люэна все это представлено как позитивная экспансия, как универсализация человека через его опосредованное развитие. И все это весьма оптимистично. В действительности же, вместо того, чтобы концентрически вращаться вокруг тела, все эти функции превратились в спутники, расположившиеся в эксцентрическом порядке. Они сами вывели себя на орбиту, и человек сразу же оказался в состоянии успеха и эксцентричности относительно этой орбитальной экстравертности своих собственных функций, своей собственной тех-

Мак-Люэн Херберт Маршалл (1911-1980) — канадский социолог, культуролог, теоретик коммуникационных технологий, публицист.

265

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

нологии. Человек вместе со своей планетой Земля, со своим ареалом, со своим телом сегодня сам стал спутником тех самых спутников, которые он же создал и вывел на орбиту. Из превосходящего он стал чрезмерным.

Но спутником становится не только тело человека, чьи функции, выходя на орбиту, принуждают его к этому. Все функции общества, в особенности, высшие функции, отделяются и выходят на орбиту. Война, финансовые сделки, техносфера, коммуникации становятся спутниками в нестижимом пространстве, повергая в запустение все остальное. Все, что не достигает орбитального могущества, обречено на запустение, отныне не подлежащее обжалованию, потому что нет больше прибежища в каком-либо превосходстве.

Мы находимся в эре невесомости. Наша модель — космическая ниша, кинетическая энергия которой аннулирует энергию Земли. Центробежная энергия многочисленных технологий освобождает нас от всякой силы тяготения и наделяет нас бесполезной свободой движения. Свободные от всякой плотности и гравитации, мы вовлечены в орбитальное движение, которое рискует стать вечным. Мы существуем не среди возрастания, но среди наростов. Мы живем в обществе размножения, в обществе того, что продолжает возрастать и что невозможно измерить, того, что развивается, не обращая внимания на свою природу, чьи результаты разрастаются с исчезновением причин, что ведет к необычному засорению всех систем, к разрушению посредством эксцесса, избытка функциональности, насыщения. Лучше всего это можно сравнить с процессом распространения раковых метастазов: утрата телом правил органической игры ведет к тому, что тот или иной набор клеток может выражать свою неукротимую и убийственную жизнеспособность, не подчиняясь генетическим командам, и неограниченно размножаться.

Это уже не критическое состояние: кризис всегда связан с причинностью, с нарушением равновесия между причиной и следствием; он может разрешиться или не разрешиться посредством исправления причин. В нашей же ситуации причины сами перестают быть четкими, они уступают место интенсификации процессов в пустоте.

266

Кари ЯСПЕРС, Жан БОДРНИАР

Коль скоро в системе возникает дисфункция, неподчинение известным законам функционирования, имеется и перспектива решения за счет выхода за пределы. Но такое решение не представляется возможным, когда система сама вышла за свои пределы, когда она превзошла свои собственные цели и когда для нее уже нельзя найти никакого лекарства. Пустота никогда не бывает трагичной, насыщение всегда фатально; оно порождает одновременно и столбняк, и инертность.

Прежде всего поразительна непомерная «тучность» всех современных систем, эта, как говорит о раке Сьюзен Зонтаг, «дьявольская беременность», присущая нашим механизмам информации, коммуникации, памяти, складирования, созидания и разрушения, механизмам столь избыточным, что они заранее застрахованы от какого-либо использования. В действительности не мы покончили с потребительской стоимостью, а сама система ликвидировала ее путем перепроизводства. Произведено и накоплено столько вещей, что они просто не успеют сослужить свою службу (что является великим благом, когда речь идет об атомных вооружениях). Написано и распространено столько знаков и сообщений, что они никогда не будут прочитаны. К счастью для нас! Ибо даже с той малой частью, которую мы абсорбируем, с нами происходит нечто, подобное казни на электрическом стуле.

Этой необычайной бесполезности присуща некая особая тошнота. Тошнота, испытываемая миром, который размножается, гипертрофируется и никак не может разродиться. Все мемуары, все архивы, вся документация не в состоянии разродиться одной-единственной идеей; все эти планы, программы, решения не могут разрешиться каким-либо событием; все изощренное оружие не может разразиться войной!

Это насыщение превосходит эксцесс, о котором говорил Батан", и который все общественные формации всегда умели разрушать в результате бесполезных чрезмерных трат. У нас нет возможности истратить все накопленное, и нам не остается ничего, кроме медленной или быстрой декомпенсации, так

* Батай Жорж (1897-1962), французский писатель и философ, один из лидеров левых интеллектуалов во Франции.

267

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

как каждый фактор ускорения, играя роль фактора инертности, приближает нас к точке апогея инертности. И ощущение катастрофы есть предчувствие достижения этой точки.

Этот двойной процесс парализации и инертности, ускорения в пустоте» избыточности производства при отсутствии социального содержания и конечных целей, отражает и двойственный феномен, который принято приписывать кризису: инфляция и безработица.

Традиционные инфляция и безработица составляют переменные, входящие в уравнение роста: на этом

уровне кризиса нет — есть лишь неупорядоченные процессы, а сама их неупорядоченность является тенью органической целостности. Ныне аномалия приобретает весьма тревожный характер. Она — не явный симптом, а странный знак упадка, нарушения правил какой-то тайной игры или, по меньшей мере, чего-то, нам неизвестного. Возможно, это эксцесс конечной цели, но мы ничего об этом не знаем. Что-то от нас ускользает, мы сами скрываемся в невозвратности, мы прошли некую точку обратимости, предметной противоречивости и живьем вступили в космос непротиворечивости, увлеченности, экстаза, удивления перед необратимыми процессами, впрочем, не имеющими смысла.

Но есть нечто другое, гораздо более ошеломляющее, чем инфляция. Это — оборот денежной массы, охватывающий Землю своей круговой орбитой. Единственный настоящий искусственный спутник — монета, ставшая чистым артефактом, обладающая поразительной мобильностью, мгновенной обращаемостью, и нашедшая, наконец, свое настоящее место, еще более необычное, чем фондовая биржа: орбиту, где она всходит и заходит, подобно искусственному солнцу.

И безработица тоже изменила смысл. Это уже не стратегия капитала (резервная армия), не критический фактор в игре социальных отношений. Иначе, при том, что напряженность уже превзошла все пределы, безработица привела бы к неслыханным потрясениям. Что же происходит сегодня? Безработица тоже стала разновидностью искусственного спутника; это — спутник инертности, масса, заряженная даже не отрицательным зарядом, но статическим электричеством, та все более возрастающая часть общества, которая застывает.

268

Кара ЯСПЕРС, Жан БОДРИЙАР

За ускорением обращаемости и обмена, за ожесточением движения что-то внутри нас, в каждом из нас, ослабевает вплоть до исчезновения из обращения. И тогда все общество начинает вращаться вокруг этой точки инертности, как если бы полюса нашего мира сблизилась и в то же время короткое замыкание повлекло бы мощные эффекты и истощение потенциальной энергии. В данном случае речь идет уже не о кризисе, а о фатальном событии, о замедленной катастрофе.

В этом смысле нет никакого парадокса в том, что экономика с триумфом возвращается на повестку дня. Можно ли еще говорить об экономике? Эта ее кажущаяся актуальность не имеет более того смысла, как в классическом или марксистском анализе. Ибо ее движущей силой не является более инфраструктура материального производства; это — распад структуры стоимости, дестабилизация рынка и реальной экономики, триумф экономики, освободившейся от идеологий, от общественных наук, от истории, триумф экономики, освобожденной от экономических законов и предоставленной чистой спекуляции, виртуальной экономики, свободной от экономики реальной (конечно же, не в реальном, а в виртуальном смысле, но ведь сегодня правит бал не реальность, а виртуальность); это — триумф вирусной экономики, сходной с другими вирусными процессами.

Экономика становится ареной современной жизни именно в качестве арены спецэффектов, непредсказуемых результатов иррациональной игры.

Конец политической экономии, о котором мы так мечтали вместе с Марксом, заключается, в соответствии с неумолимой логикой кризиса капитала, в уничтожении классов и в прозрачности социальных перегородок. Позднее мы мечтали о том же, отрицая сами постулаты и экономической науки и марксистской критики по одной и той же причине: это альтернатива, отрицающая всякий примат экономического или политического; экономика при этом оказывается просто-напросто упраздненной, как эпифеномен, побежденный своим собственным подобием и высшей логикой.

269

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Сегодня даже нет надобности мечтать об этом: политическая экономия кончается на наших глазах, превращаясь в трансэкономику спекуляции, которая забавляется своей собственной логикой — закон стоимости, законы рынка, производство, прибавочная стоимость, классическая логика капитала, но которая не несет в себе более ничего экономического или политического. Это — чистая игра с изменчивыми и произвольными правилами, катастрофическая игра.

Политическая экономия, таким образом, вероятно, подошла к своему концу, но не так, как ожидалось, а разрастаясь до пародии на самое себя. Спекуляция — не прибавочная стоимость, это высшая точка стоимости, не опирающаяся ни на производство, ни на его реальные условия. *Это* чистая и пустая форма, вымаранная форма стоимости, играющая только на своем поле кругового движения — орбитального вращения. Нарушая свою собственную стабильность самым чудовищным и в какой-то мере ироничным образом, политическая экономия закрывает путь всякой альтернативе.

СОДЕРЖАНИЕ Предисловие от редакции 5

Часть I. *Карл Ясперс*. ВЛАСТЬ МАССЫ.....10

Введение.....10

Массовое существование и его условия.....35

<i>Границы порядка существования.....</i>	<i>47</i>
<i>Воля в целом.....</i>	<i>79</i>
<i>Упадок духа и его возможности.....</i>	<i>103</i>
<i>Как сегодня понимается человеческое бытие.....</i>	<i>131</i>
<i>Каким может стать человек.....</i>	<i>145</i>
<i>Прогноз, основанный на наблюдении, и пробуждающий прогноз.....</i>	<i>176</i>
<i>Часть II. Жан Бодрийяр. ФАНТОМЫ СОВРЕМЕННОСТИ.....</i>	<i>186</i>
<i>В тени молчаливого большинства, или Конец социального.....</i>	<i>186</i>
<i>Лучина, в которой исчезает смысл. Следовательно, исчезает информация.....</i>	<i>191</i>
<i>Возвышение и падение политики.....</i>	<i>195</i>
<i>Масса. Массы. Молчаливое большинство.....</i>	<i>197</i>
<i>Ни субъект, ни объект.....</i>	<i>204</i>
<i>От сопротивления к гиперконформизму.....</i>	<i>212</i>
<i>Масса и терроризм.....</i>	<i>217</i>
<i>Системы импозивные и взрывные.....</i>	<i>224</i>
<i>Или конец социального.....</i>	<i>227</i>
<i>Прозрачность зла.....</i>	<i>241</i>
<i>После оргии.....</i>	<i>241</i>
<i>Трансэстетика.....</i>	<i>251</i>
<i>Транссексуальность.....</i>	<i>256</i>
<i>Трансэкономика.....</i>	<i>261</i>

Карл Ясперс (1883 – 1969) – немецкий философ и психиатр, один из создателей философии экзистенциализма. С 1921 г. – профессор философии в Гейдельбергском университете. С 1948 по 1961 г. – профессор философии в Базельском университете. В отличие от других экзистенциалистов Ясперс наряду с философией «существования» признавал и «мировую философию» или философию «мирового разума».

Жан Бодрийар (родился в 1929 г.) – французский философ и социолог. Участник революционных событий мая 1968 г. во Франции. Преподаватель социологии в Парижском университете. Сегодня Жан Бодрийар является одним из известнейших мировых мыслителей, исследующих феномен так называемого «постмодерна».

В данное издание включены работы известного философа двадцатого столетия Карла Ясперса и выдающегося современного мыслителя Жана Бодрийара, посвященные проблемам существования «массового общества». По мнению авторов, это общество построено на иллюзорных представлениях о смысле и предназначении человеческого бытия. Основополагающие принципы такого социума сами по себе являются не более чем фантомами, призраками или, по определению Бодрийара, «симулякрами» (симуляцией) действительности.

"У КЕНТАВРА" тел. 250-65-46

Ясперс К. Бодрийар Ж. Призрак толпы. / Философский бестселлер

0 000001 551037

Цена: 122 руб. 00